

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 2 (52)

2017

Москва 2017

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Буховец, В. Голдман, Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев,
В.Г. Корнелюк, А.В. Костров, Н.Г. Кулинич, А.М. Пашков,
А.А. Симонов, В.Л. Успенский, Д. Фильцер, В.Ж. Цветков, Л. Чех**

Ответственный секретарь **М.Ю. Черниченко**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторелла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2017
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2017
© Издательство Ипполитова, 2017

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer, W. Goldman,
V. Karnialiuk, A. Kostrov, N. Kulinich, A. Pashkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **M. Chernichenko**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2017
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2017
© Ippolitov Publishing House, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Таймасова Л.Ю.* Семейные тайны первых Романовых: «Не приличные к истории документы».....6
- Морозан В.В.* Дворянский род Крупенских в истории Бессарабии.....19
- Попова О.Д., Попова А.Д.* Бунтующая семинария: Протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX веков).....39
- Грибовский М.В.* Публичные лекции университетских профессоров как явление городской жизни в России на рубеже XIX – XX веков...57
- Симонов А.А.* Комплектование военно-учебных заведений Поволжья и Урала красными курсантами во время Гражданской войны 2
- Гусева Ю.Н.* Мрачное эхо «Дела ЦДУМ»: «Цепь Корана» и репрессии против мусульманской элиты в СССР (1940 год).....85

Россия и мир

- Петров А.Ю.* Уступка Аляски: Дискуссионные вопросы российско-американской сделки 150-летней давности.....103

Антибольшевистская Россия

- Антошин А.В.* Русская консервативная эмиграция в США в условиях Корейской войны.....121

События и судьбы

- Афанасьев В.Г., Волошинова И.В.* Горный институт и его студент Петр Врангель.....140

CONTENTS

Russian Statehood

- Taimasova L.* Family Secrets of the First Romanovs: “Documents that are Indecent for History”.....6
- Morozan V.* The Noble Family of Krupenskiy in Bessarabian History.....19
- Popova O., Popova A.* The Rebellious Seminary: The Protest Movement in Spiritual Educational Institutions (second half of the 19th – beginning of the 20th Centuries).....39
- Gribovskiy M.* The Public Lectures of University Professors as a Phenomenon of Urban Life in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries...57
- Simonov A.* The Recruitment of Red Cadets to Military Training Institutions in the Volga and Urals Regions during the Civil War.....72
- Guseva Yu.* The Gloomy Echo of the “TsDUM Affair”: “The Chain of the Quran” and the Repressions against the Muslim Elite in the USSR (1940).....85

Russia and the World

- Petrov A.* The Cession of Alaska: Discussion Points Regarding the 150 Year-Old Russian-American Agreement.....103

Anti-Bolshevik Russia

- Antoshin A.* The Russian Conservative Emigration in the USA under the Conditions Created by the Korean War.....121

Landmarks in Human History

- Afanasev V., Voloshinova I.* The Mining Institute and its Student Peter Wrangel.....140

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

L. Taimasova

FAMILY SECRETS OF THE FIRST ROMANOV: “DOCUMENTS THAT ARE INDECENT FOR HISTORY”

Л.Ю. Таймасова

Семейные тайны первых Романовых: «Не приличные к истории документы»

On February 28, 1720, Peter I (1682 – 1725) signed a decree entitled “The General Regulations of State Colleges.” A special chapter of that document took up the question of archives.¹ The decree proposed the formation of two main archives under the auspices of the College of Foreign Affairs – one to be located in St. Petersburg, the other in Moscow. The first archive would preserve all documents of the Imperial government except those pertaining to finance; the second would serve as the repository for papers transferred from the *Posolsky prikaz* (Foreign Office, literally the Office of Embassies, which had lost operational significance as a result of Peter’s reorganization of government administration) as well as documents from the offices of former tsars. In the process of re-archiving the archives, the question about the fate of papers from the personal, or “*komnatnaya*,” library of deceased tsars arose. Undoubtedly, secret, potentially embarrassing, documents were slated for destruction.

However, as emerged later, the persons authorized to burn the compromising papers hid them instead. The documents were then kept in several chests. Two of the chests, containing the most important documents, were deposited with the Emperor’s wife, the future Catherine I. The others were hidden in a secret place in Moscow. The disappearance of the compromising papers was first discovered shortly after the Empress’s death.

Empress Catherine I died on May 6, 1727.² The contents of the Empress’s testament were revealed after her funeral.³ Among its many provisions, her will included instructions regarding the order of succession to the throne (the throne was transferred to Peter Alekseevich, Peter I’s grandson), and the division of money and movable property between her daughters Anna and Elizabeth.⁴

Coldly ignoring the protocols of official mourning, two weeks af-

ter the Empress’s death Princess Anna’s husband, Duke Karl Friedrich of Schleswig-Holstein-Gottorp, asked the cabinet ministers to speed up the division of the late Empress’s movable property as he and his wife intended to leave Russia soon for Holstein. Angered by the Duke’s impatient intervention in his wife’s hereditary affairs, the ministers moved instead to expel the Duke and the Princess from Russia posthaste.⁵

The couple’s departure was set for July 25, 1727.⁶ Now, Anna Petrovna lamented that due to the delay in distributing her legacy, she would be unable to take any mementos of her mother with her. Her Highness asked that she at least be provided an inventory of the valuables, adding that two other chests existed that had not been included in the general register. The government took her statement as a reproach, an implication that they were attempting to conceal a portion of the late Empress’s legacy, when in fact she only wanted the two chests that her mother had handed over to her for storage included in the inventory. Incorrectly interpreting the words of Anna Petrovna, the ministers responded that Emperor Peter II and his sister Elizabeth Petrovna did not want for anything and that if the two chests turned up they would be taken into account during the final distribution.⁷ In the end, Anna Petrovna did not receive the portion her mother had stipulated in her will, but did manage to take the two chests in question with her to Kiel along with other of her personal belongings.

Anna Petrovna died in Kiel on May 4, 1728, leaving her husband to raise their infant son.⁸ With her passing the Duke not only lost his wife, but the considerable subsidies that the Russian government had been providing the couple as well. Within a year, though, the widower himself came into his inheritance. The two chests that had belonged to Catherine I made up the most valuable portion of his wife’s property. As it turned out, they contained documents relating to Russian history. So scandalous, in fact, were the papers contents that the Duke immediately understood that they could be used to extort payment from the Russian government in exchange for his silence. In August 1729, the Duke sent his representative to St. Petersburg with a demand for 100,000 rubles. The court acceded to the blackmail, but warned the Duke that further payments would not be forthcoming. In the event, this turned out to be an idle threat. Karl Friedrich continued to wrest large sums from the Russian treasury, enjoying his ill-gotten compensation until 1733.⁹

As the Duke’s appetites grew, the Russian government found his endless demands for money unbearable. Then, with the help of a provocation (the so-called “Milasevich Affair”), the government managed to establish Karl-Friedrich’s culpability in a conspiracy to overthrow Empress Anna Ivanovna¹⁰ in favor of his young son Karl Peter Ulrich. A representative from Moscow reminded the Duke that by the terms of his marriage contract he had given up “all claims to the Russian throne.”¹¹ In addition, he was accused of treating with Stanislaw Leszczyński, a candidate for the vacant Polish throne.¹² The Duke’s actions “repaired an injustice” since Russia backed a different candidate. In retaliation, Moscow threatened

war. The Duke of Holstein was forced to surrender the two chests from his deceased wife's estate to the special envoy.¹³

The chests ultimately found their way into the hands of Chancellor Gavriil Golovkin, who, no doubt, found their contents very useful for his own purposes. He made copies of the documents and placed them under his seal in a special locker that held the most important government documents.

Whatever threat the scandalous papers carried seemed to have been suppressed, but Empress Anna Ivanovna and her ministers' respite proved short lived. Troubles began anew following Golovkin's death on July 24, 1734 when the Cabinet of Ministers came into possession of the deceased chancellor's personal seal and keys to the special locker. The papers from the locker were reviewed in the presence of the Empress's favorite, Ernst Johann Biron¹⁴ as well as two other ministers. The copies that they found proved so shocking that the ministers felt compelled to check them against originals dating from the time of Ivan the Terrible and Mikhail Fedorovich Romanov housed in the College of Foreign Affairs archive in Moscow. This they did without submitting an official government request.

The ministers undertook a careful search for old documents in the Moscow archive via Biron's surrogate, Baron Johann Albrecht von Korf, who had been made director of the St. Petersburg Academy of Sciences thanks to Biron's patronage.¹⁵ In February 1735, von Korf submitted an inquiry to the archive. Claiming it had become necessary to re-issue the "*Sobornoye Ulozheniye*" (a legal code promulgated in 1649) with an accompanying biography of Tsar Alexei Mikhailovich¹⁶, he insisted that relevant documents be sent to the Academy of Sciences. In addition, the Baron ordered that handwritten letters, drawings, and the travel journals of the tsar's predecessors – Ivan the Terrible¹⁷ and Mikhail Fedorovich¹⁸ – be found and delivered. The Moscow archive staff spent four months searching for the requested documents. They succeeded in locating papers from the reign of Alexei Mikhailovich and a small sample from that of Mikhail Fedorovich. However, letters or drawings from the time of Ivan the Terrible and documents relating to Mikhail Fedorovich were not found. The archivists duly reported this to von Korf.¹⁹

Certain now that the originals of the scandalous documents were not in the Moscow archive, the ministers suspected mischief. The important papers must have been stolen during the reorganization of the archives in 1720–1721. To unravel the mystery, they sought professional help and enlisted the offices of the Secret Chancellery (*Taynaya kantselyariya*), an organization that engaged in political investigation.²⁰

Traces of the missing documents pointed to an old Moscow printing house. Secret Chancery investigators dug up a four-year-old case involving the former head of that press, one Alexei Barsov, who was currently serving a prison sentence for possessing banned literature. On May 22, 1736, he was taken to the cellars of the Secret Chancery. There, under in-

terrogation in the new case, he died, unable to withstand the torture.²¹ But not, evidently, before his tormentors got the results they sought. Barsov revealed where the lost documents were hidden.

The documents from Barsov's cache were delivered to the Cabinet within a week. Von Korf immediately learned of this. On June 1, 1736, he sent a "humble petition" to the Cabinet of Ministers for the transfer to the Academy of Sciences of documents taken from the Moscow printing house.²²

The ministers deliberated for about a month. Then, acting on von Korf's petition, they issued a resolution: the letters and other documents taken from the printing house should be studied and recorded. Archive staff should select those documents deemed decent for history and send them to the Academy of Sciences. Documents considered "not decent for history and subject to secrecy" should be sent to the Cabinet.²³

The ministerial order was not fully implemented. Manuscripts "in scrolls, bundles, and books," recognized as "decent for history" were never deposited in the Academy of Sciences. The "*Sobornoye Ulozheniye*" was published in 1737 without a biography of Tsar Alexei Mikhailovich.²⁴ The "decent documents" were kept in the archives of the St. Petersburg departments of the Governmental Senate for almost a hundred years, and after 1834 were transferred to the State Archive of Foreign Affairs.²⁵ Among these papers were, in the main, documents from the time of Alexei Mikhailovich, and a small number of papers from the period of Mikhail Fedorovich. No documents related to the reign of Ivan the Terrible were mentioned. These manuscripts, apparently, were considered "indecent."

Documents recognized as "indecent for history and subject to secrecy" were safely hidden away in a special locker under the seals of the first three Cabinet ministers. Baron von Korf, who had displayed unnecessary zeal in secret matters of national importance, fell into disgrace. In the autumn of 1736, he left St. Petersburg suddenly and went into hiding for three months in Courland because, it was said, of an unhappy love. Upon his return to St. Petersburg, he was informed that he had lost favor with the court.²⁶

Five years later, however, the ministers again enlisted von Korf to search for scandalous artifacts related to the reign of Ivan the Terrible – this time abroad. In March 1740, the Baron was removed as director of the Academy of Sciences and appointed extraordinary envoy to Denmark. En route to his destination, von Korf acquired a portrait of Ivan the Terrible's niece, Maria Vladimirovna Staritskaya, the Queen of Livonia. The identity of the portrait's subject was certified by a beautiful inscription in Danish in the upper left corner of the canvas which read: "Maria [wife of] Prince Magnus of Denmark Direct Descendent of Grand Duke Ivan Basilovitch The Elder."²⁷ The portrait's notable "indecent" lay in the substantial Catholic cross of crystal hanging on a gold chain that rested on her breast even though she was Orthodox.

As it turned out, the portrait proved to be a crude forgery from the first half of the 18th century. According to contemporary art historians,²⁸ the canvas does not depict the niece of the Russian Tsar, but Maria Vassilyevna Lupu, the second wife of the Lithuanian prince Janusz Radziwill.²⁹ Why a portrait of Maria Lupu shows her wearing a Catholic cross also remains a mystery since she, too, was Orthodox.

Realizing he had purchased a forgery, von Korf created a scandal. He accused a Hamburg shopkeeper deceit.³⁰ Later, the Baron handed the infamous portrait over to the Danish diplomat and collector of antiquities, Terkel Klevenfeld. Von Korf never again returned to Russia opting to stay in Denmark for good. No doubt, he feared returning to court after the portrait fiasco. While living in Denmark, the Baron expended his wealth acquiring old books for his library.³¹

While von Korf painstakingly examined women's portraits in Hamburg antique shops, in St. Petersburg the hunt for the "indecent" documents began anew. The papers had disappeared from the special locker. The third Cabinet Minister, Artemy Petrovich Volynsky³², who had just assumed his post, fell under suspicion. At the time he was engaged in drafting of the "General Project," a lengthy document "on the improvement of internal state affairs." A review of Russian history from "St. Vladimir to the accession to the throne of Mikhail Fedorovich and down to the present day" made up a separate chapter of the "Project." This covered the period from the 10th century to the accession of the first Romanov tsar in 1613 and then continued to the middle of the 18th century. In his work on the historical section of the "Project," Volynsky evinced a deep interest in the past, especially the circumstances leading to Mikhail Romanov's coronation.

In early 1740, courtiers and diplomats noticed a change in Volynsky's attitude toward Biron. The minister freely criticized the Empress's favorite, and within his circle of close friends he made impertinent comments and exposed certain "false deeds" involving Empress Anna Ivanovna, herself, and the "most illustrious family line."³³ This raised suspicions that Volynsky had become acquainted with the "indecent documents," and an audit showed that the papers had, indeed, disappeared.

Volynsky was arrested on April 15, 1740 on a standard charge of bribery. Three days later, however, his case was transferred to the Secret Chancery. New, more serious, charges were now brought against him including treason and preparing an armed coup in order to seize the Russian throne.

The investigation lasted two months and ended the day Volynsky underwent torture. On June 7, the Empress ordered "investigate no further, draw up a detailed account, and make a report from what's been uncovered."³⁴ Obviously, further inquiry had become unnecessary. With the aid of torture, the investigators exposed everything the political trial had intended. Volynsky gave up the cache of documents stolen from the Cabinet of Ministers.

Two weeks later the trial occurred. Volynsky received the death sentence, which was carried out on June 27 in grisly fashion: his tongue cut out, head and right arm chopped off. Thus, the Empress impressed on her subjects the price to be paid for thinking, divulging, or writing "impertinent words" about those of the most illustrious family line. Compromising documents, most likely, were destroyed.

On assuming power, Anna Leopoldovna as regent, and then Empress Elizabeth Petrovna, took actions to correct the injustice meted out in the case and the severity of the punishment. Catherine II repeatedly referred to the materials of the investigation, and warned her descendants to beware of such an unlawful example of judicial practice.³⁵ All tried to assuage the fears instilled in their subjects by the cruel execution of the courtier concerned with the reorganization of the Russian state. In addition, they found it necessary to make clear that Volynsky's "impertinent speeches" concerning "the royal lineage" had no basis in fact, and that the House of Romanov legally occupied the Russian throne.

Doubts, however, did not entirely disappear. It is possible that rumors about the existence of documents testifying to the Romanov's usurpation of the throne continued to circulate within noble circles in the 1820's. These rumors, most likely, had some influence on the Decembrists, whose uprising in 1825 aimed to overthrow the entire ruling dynasty.³⁶

In the autumn of 1823, the historian, N.M. Karamzin, requested documents relating to the Volynsky case from the Secret Chancery archives.³⁷ At that time, Karamzin was working on the eleventh volume of his "History of the Russian State." In particular, he was examining documents on the reign of Boris Godunov and False Dmitri I³⁸. Volynsky's case made a gloomy impression on Karamzin, but he apparently did not find any mention of "indecent" documents. All harmful information had been cleansed years before.

At the beginning of the 1830's, while gathering information about the first False Dmitri and the early Romanovs, the well-known historian V.N. Berkh tried to find traces of "indecent" documents in the archives of the Cabinet of Ministers. His efforts came to naught. Berkh did note that a resolution dated June 23, 1736 indicated that compromising documents had been separated out from "decent" papers, "but an unknown fate has befallen them." The historian expressed the hope that someday they would be found.³⁹

The Volynsky case "surfaced" once again in the autumn of 1893 in connection with Count S.D. Sheremetev's investigation into the identity of the first False Dmitri. Together with his colleague, K.N. Bestuzhev-Ryumin, he sought the key to understanding Volynsky's interest in the Time of Troubles. Judging by their correspondence, Sheremetev found nothing of significance. Bestuzhev-Ryumin wrote, "[I]f the documents are missing, then there is some necessary reason. It follows that the notion of imposture is not quite so strong. All the documents of primary importance are missing."⁴⁰

The interest of Karamzin, Berkh, Bestuzhev-Ryumin and Sheremetev in the Volynsky case, their search for “indecent” documents while working on the history of the Time of Troubles, is a good indication that they all sought information that could shed light on False Dmitri’s origins.⁴¹ These documents, they apparently hoped, might reveal the secret of the Romanovs’ role in the Pretender’s case and the circumstances surrounding the new dynasty’s accession.

By the middle of the 19th century, only one so-called “indecent” document had been preserved. This was the portrait of Ivan IV’s “niece” purchased by von Korf, and even that had turned out to be a forgery. The portrait now hung in the Royal Danish Museum in Rosenborg. In 1872, the museum director, Jens Jacob Asmussen Worsaae, ordered a copy made of the portrait and donated it to the Kremlin Armory Museum.⁴²

The portrait sat in the vault of the Armory for about four years before Moscow historians expressed interest in it. These scholars did not doubt the identity of the person depicted in the portrait, but they were puzzled by the Queen of Livonia’s costume. Some saw it as “non-Russian,” and they were at a loss to explain the Catholic cross. Yuri Filimonov, guardian of the Armory Museum, expressed the official point of view. He strongly insisted that the artist had depicted the tsar’s niece in traditional Russian dress.⁴³

The painting was last brought to public awareness on the eve of the October Revolution. S.P. Bartenev published the image in his book, “The Moscow Kremlin in the Old Days and Now,” in 1916.⁴⁴ Then, surprisingly, the artifact vanished. At present, the Armory Museum staff has no information about how and when the portrait disappeared from its vault: “The portrait has never been in the museum’s storage and now nothing is known about it.”⁴⁵

In conclusion, we can say that documents from the private “*komnatnyaya*” library of the Russian tsars presented a special danger to the accepted history of the Romanov dynasty.⁴⁶ The compromising documents concerned the reigns of Ivan the Terrible and Mikhail Fedorovich. Specifically, the documents have a bearing on the circumstances of the Pretender Dmitri’s appearance and the accession of the first Romanov tsar. The nature of these documents may be surmised by the extreme measures – including provocations without and terror within the country – that the slightest possibility of their becoming public motivated the tsarist government to take.

Notes

¹ Реформы Петра I: Сборник документов. М., 1937. С. 108–135; *Brown, Peter B.* Muscovite Government Bureaus // *Russian History*. 1983. Vol. 10. No. 3. P. 269–330.

² *Appleby, John H.* The Founding of St Petersburg in the Context of the Royal Society’s Relationship with Russia // *Notes and Records of the Royal*

Society of London. Sept. 2003. Vol. 57. No. 3. P. 273–284.

³ *Ostrowski, Donald.* The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. Jul. 2002. Vol. 44. No. 3. P. 534–563.

⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.: Собрание 1-е. Т. VII. № 5070; *Brayley Hodgetts E.A.* The Life of Catherine the Great of Russia. N.Y., 1914. P. 311.

⁵ *Bagger, Hans.* The Role of the Baltic in Russian Foreign Policy, 1721 – 1773 // *Imperial Russian Foreign Policy*. Cambridge (Mass.), 1994. P. 52.

⁶ *Бервик-и-Лириа Я.* Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727—1730 гг. СПб., 1845. С. 139.

⁷ *Петров П.Н.* Цесаревна Анна Петровна (1708 – 1728) // *Памятники новой русской истории*. Т. I. СПб., 1871. Отд. 1. С. 84–87.

⁸ *Dukes, Paul.* The Making of Russian Absolutism, 1613 – 1801. N.Y., 2013. P. 146.

⁹ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1728 года по 1738 год // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 66. СПб., 1889. С. 67, 544, 545.

¹⁰ *Anisimov E.V.* Anna Ivanovna // *The Emperors and Empresses of Russia: Reconsidering the Romanovs*. N.Y., 2015. P. 37–65.

¹¹ *Петров П.Н.* Цесаревна Анна Петровна (1708 – 1728) // *Памятники новой русской истории*. Т. I. СПб., 1871. Отд. 1. С. 70.

¹² *Lukowski, Jerzy.* Political Ideas among the Polish Nobility in the Eighteenth Century (To 1788) // *The Slavonic and East European Review*. Jan. 2004. Vol. 82. No. 1. P. 1–26.

¹³ *Михайлов М.* Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII и XIX века. СПб., 1878. С. 194–214; *Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. II. СПб., 1840. С. 165; *Пресняков А.* Бестужев-Рюмин, граф Алексей Петрович // *Русский биографический словарь*. Т. II. СПб., 1900. С. 772.

¹⁴ *Bitter, Michael.* Count Ernst Johann Bühren and the Russian Court of Anna Ioannovna // *The Man behind the Queen: Male Consorts in History*. N.Y., 2014. P. 103–123.

¹⁵ *Vucinich, Alexander.* Science in Russian Culture: A History to 1860. Vol. 1. Stanford (CA), 1963. P. 81.

¹⁶ *Dunning, Chester S. L.* Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park (PA), 2001. P. 465; *Poe, Marshall.* Tsar Aleksei Mikhailovich and the Demise of the Romanov Political Settlement // *The Russian Review*. Oct. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 537–564.

¹⁷ *Keenan, Edward L.* Ivan the Terrible and His Women // *Russian History*. 2010. Vol. 37. No. 4. P. 322–359.

¹⁸ *Orchard, G. Edward.* The Election of Michael Romanov // *The Slavonic and East European Review*. Jul. 1989. Vol. 67. No. 3. P. 378–402.

¹⁹ *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории императорской Академии

наук. Т. II. СПб., 1886. С. 591–592, 769.

²⁰ *Карпенко С.В.* Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображение» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию (1762 – 1764 гг.) // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ–РГГУ: Избранное, 2005 – 2010. М., 2011. С. 114–120; *Keenan, Paul.* St Petersburg and the Russian Court, 1703 – 1761. N.Y., 2013. P. 65.

²¹ *Чистович И.А.* Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский: материалы для истории первой половины XVIII в. СПб., 1861. С. 6, 7; *Сухомлинов М.И.* История Российской академии // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 19. Вып. 4. СПб., 1878. С. 186–189.

²² Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. Т. V, 1736 г. // Сборник Русского исторического общества. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 269.

²³ *Берх В.Н.* Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. СПб., 1832. С. 231.

²⁴ *Маньков А.Г.* Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 6.

²⁵ *Рехневский Ю.С.* Архивы России // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб., 1862. Т. 5. С. 538–551.

²⁶ *Пекарский П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740 – 1742 годов: Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб, 1868. С. 92.

²⁷ *Brock, P.* Den oldenborgske Kongeslægt, især under Enevælden, belyst ved den chronologiske Samling paa Roseborg Slot. Kjobenhavn, 1870. P. 9.

²⁸ The author expresses heartfelt gratitude to O.D. Bazhenova, professor of the Belarusian State University, for her help in attributing the portrait.

²⁹ *Kotljarchuk, Andrej.* In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the Mid-17th Century. Stockholm, 2006. P. 83, 84.

³⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Т. II. М., 1896. С. 157.

³¹ *Eaton, J.W.* The German Influence in Danish Literature in the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.), 1929. P. 33.

³² *Curtiss, Mina Kirstein.* A Forgotten Empress: Anna Ivanovna and her Era, 1730 – 1740. N.Y., 1974. P. 250.

³³ *Пекарский П.* Маркиз де ла Шетарди в России 1740 – 1742 годов: Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб, 1868. С. 67; *Корсаков Д. А.* Артемий Петрович Волинский // Древняя и новая Россия. 1877. № 8. С. 280–295.

³⁴ *Корсаков Д.А.* Артемий Петрович Волинский // Русская старина. 1885. Т. 48 (октябрь–ноябрь–декабрь). С. 27–51.

³⁵ *Кр. А.А.* Волинский Артемий Петрович // Энциклопедический лексикон. Т. IX. СПб., 1838. С. 472; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. X. СПб, 1872. С. 56–57.

³⁶ *Lyons, Martyn.* Post-Revolutionary Europe: 1815 – 1856. N.Y., 2006. P.

51–55; *Lincoln, W. Bruce.* A Re-Examination of Some Historical Stereotypes: An Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge.* 1976. Bd. 24. Heft. 3. S. 357–368.

³⁷ *Грот Я.К., Пекарский П.П.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 362.

³⁸ *Dunning, Chester S. L.* Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park (PA), 2010. P. 5.

³⁹ *Берх В.Н.* Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. СПб., 1832. С. II–III, 229–231.

⁴⁰ *Шереметев С.Д.* Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898. С. 52, 56.

⁴¹ *Dunning, Chester.* Who was Tsar Dmitrii? // *Slavic Review.* Winter 2001. Vol. 60. No. 4. P. 705–729.

⁴² The author cordially thanks Peter Kristiansen, curator of the Royal Museum of Rosenberg (Denmark), for providing information on the portrait.

⁴³ *Филимонов Ю.Д.* Портрет Ливонской королевы Марии Владимировны // Вестник Общества древне-русского искусства. М., 1874. Вып. 6–10. Смес. С. 46–47; *Garden, Lizette.* FashionNordic: Folk Costume as Performance of Genealogy and Place // *Journal of Folklore Research.* September/December 2014. Vol. 51. No. 3. P. 337–388.

⁴⁴ *Бартнев С.П.* Московский кремль в старину и теперь. Т. II. М., 1916. С. 237.

⁴⁵ The author expresses her deepest gratitude to E.Yu. Gagarina, Director General of the State Historical and Cultural Museum “Moscow Kremlin”, for her advice and for providing scientific information.

⁴⁶ *Russell, E. Martin.* “For the Firm Maintenance of the Dignity and Tranquility of the Imperial Family”: Law and Familial Order in the Romanov Dynasty // *Russian History.* 2010. Vol. 37, No. 4. P. 389–411; *Zitser, Ernest A.* A Full-Frontal History of the Romanov Dynasty: Pictorial “Political Pornography” in Pre-Reform Russia // *Russian Review.* Oct. 2011. Vol. 70. No. 4. P. 557–583.

Author, Abstract, Key words

Lyudmila Yu. Taymasova – Intern, European Division, Library of Congress (Washington, DC, USA)
taimassova@hotmail.com

Relying on little-known sources, the author makes the first attempt to trace the fate of highly secret documents from the personal archive of the early Romanovs. These documents disappeared during the reorganization of the state archives carried out under Peter I. The author considers the possibility that these documents were later discovered in Holstein among the personal belongings of Catherine's daughter, Anna Petrovna, the Duke of Holstein's wife, following her death. The author examines the diplomatic measures employed by Anna Io-

annovna's government to retrieve the documents and return them to Russia. The article also describes the search conducted in Moscow by some of the empire's highest dignitaries together with the secret police for another portion of the missing documents. When ultimately discovered, these documents were placed in a special archive of the Cabinet of Ministers. The author suggests that the content of these documents then became known to Cabinet Minister A.P. Volynsky, and served as the basis for the political trial that brought about his downfall. It is also likely that the echoes of the "Volynsky Affair" played a certain role in the preparation of the Decembrist uprising. The author attempts to reconstruct the content of the secret documents as they relate to the accession of the Romanov dynasty in 1613. The author concludes that in response to the slightest possibility of the documents becoming public, the Imperial government undertook extreme measures including foreign provocations and domestic terror.

Russian Empire, Holstein, Romanovs, Peter I, Anna Petrovna, Anna Ioannovna, E.I. Biron, I.A. von Korf, A.P. Volynsky, Cabinet of Ministers, Secret Chancery, political police, "The Volynsky Affair", state archives, archival reform, Decembrist movement.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Appleby, John H. The Founding of St Petersburg in the Context of the Royal Society's Relationship with Russia. *Notes and Records of the Royal Society of London*, Sept. 2003, vol. 57, no. 3, pp. 273–284.
2. Brown, Peter B. Muscovite Government Bureaus. *Russian History*, 1983, vol. 10, no. 3, pp. 269–330.
3. Dunning, Chester. Who was Tsar Dmitrii? *Slavic Review*, Winter 2001, vol. 60, no. 4, pp. 705–729.
4. Garden, Lizette. FashionNordic: Folk Costume as Performance of Genealogy and Place. *Journal of Folklore Research*, September/December 2014, vol. 51, no. 3, pp. 337–388.
5. Keenan, Edward L. Ivan the Terrible and His Women. *Russian History*, 2010, vol. 37, no. 4, pp. 322–359.
6. Lincoln, W. Bruce. A Re-Examination of Some Historical Stereotypes: An Analysis of the Career Patterns and Backgrounds of the Decembrists. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*, 1976, vol. 24, no. 3, pp. 357–368.
7. Lukowski, Jerzy. Political Ideas among the Polish Nobility in the Eighteenth Century (To 1788). *The Slavonic and East European Review*, Jan. 2004, vol. 82, no. 1, pp. 1–26.
8. Orchard, G. Edward. The Election of Michael Romanov. *The Slavonic and East European Review*, Jul. 1989, vol. 67, no. 3, pp. 378–402.
9. Ostrowski, Donald. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia. *Comparative Studies in Society and History*, Jul. 2002, vol. 44, no. 3, pp. 534–563.

10. Poe, Marshall. Tsar Aleksei Mikhailovich and the Demise of the Romanov Political Settlement. *The Russian Review*, Oct. 2003, vol. 62, no. 4, pp. 537–564.

11. Russell, E. Martin. "For the Firm Maintenance of the Dignity and Tranquility of the Imperial Family": Law and Familial Order in the Romanov Dynasty. *Russian History*, 2010, vol. 37, no. 4, pp. 389–411.

12. Zitser, Ernest A. A Full-Frontal History of the Romanov Dynasty: Pictorial "Political Pornography" in Pre-Reform Russia. *Russian Review*, Oct. 2011, vol. 70, no. 4, pp. 557–583.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

13. Anisimov E.V. Anna Ivanovna. *The Emperors and Empresses of Russia: Reconsidering the Romanovs*. N.Y., 2015, pp. 37–65.

14. Bagger, Hans. The Role of the Baltic in Russian Foreign Policy, 1721 – 1773. *Imperial Russian Foreign Policy*. Cambridge (Mass.), 1994, p. 52.

15. Bitter, Michael. Count Ernst Johann Bühren and the Russian Court of Anna Ioannovna. *The Man behind the Queen: Male Consorts in History*. N.Y., 2014, pp. 103–123.

16. Karpenko S.V. Mikhail Khrushchov, Stepan Sheshkovskiy i "preobrazhene" Taynoy kantselyarii v Taynyu ekspeditsiyu (1762 – 1764 gg.) [Mikhail Khrushchov, Stepan Sheshkovskiy and the "Transfiguration" of the Secret Chancellery into the Secret Expedition (1762 – 1764)]. "Novyy istoricheskiy vestnik" k 80-letiyu MGIAI–RGGU: *Izbrannoe, 2005 – 2010* ["The New Historical Bulletin": On the 80th Anniversary of MSHAI–RSUH: Selected Works, 2005 – 2010]. Moscow, 2011, pp. 114–120.

(Monographs)

17. Bartenev S.P. Moskovskiy kreml v starinu i teper [The Moscow Kremlin Then and Now.]. Moscow, 1916, vol. 2, p. 237.

18. Brayley Hodgetts E.A. The Life of Catherine the Great of Russia. N.Y., 1914, p. 311.

19. Curtiss, Mina Kirstein. A Forgotten Empress: Anna Ivanovna and her Era, 1730 – 1740. N.Y., 1974, p. 250.

20. Dukes, Paul. The Making of Russian Absolutism, 1613 – 1801. N.Y., 2013, p. 146.

21. Dunning, Chester S. L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park (PA), 2010, p. 5.

22. Dunning, Chester S. L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. University Park (PA), 2001, p. 465

23. Eaton, J.W. The German Influence in Danish Literature in the Eighteenth Century. Cambridge (Mass.), 1929, p. 33.

24. Keenan, Paul. St Petersburg and the Russian Court, 1703 – 1761. N.Y., 2013, p. 65.

25. Kotljarchuk, Andrej. In the Shadows of Poland and Russia: The Grand

Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the Mid-17th Century. Stockholm, 2006, pp. 83, 84.

26. Lyons, Martyn. Post-Revolutionary Europe: 1815 – 1856. N.Y., 2006, pp. 51–55.

27. Mankov A.G. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [The Sobornoye Ulozheniye of 1649.]. Leningrad, 1987, p. 6.

28. Vucinich, Alexander. Science in Russian Culture: A History to 1860. Stanford (CA), 1963, vol. 1, p. 81.

Автор, аннотация, ключевые слова

Таймасова Людмила Юлиановна – стажер-интерн Европейского отдела Библиотеки Конгресса США, литератор (Вашингтон, США)
taimassova@hotmail.com

В статье на основе малоизвестных источников впервые делается попытка проследить судьбу особо секретных документов из личного архива первых Романовых. Эти документы пропали во время реорганизации государственных архивов при Петре I. Рассматривается возможность появления части этих документов в Голштинии вместе с личными вещами цесаревны Анны Петровны, супруги герцога Голштинского. Автор исследует приемы внешней политики правительства Анны Иоанновны, которые применялись в ходе операции по возвращению исторических документов в пределы Российской империи. Также описан ход поиска другой части исчезнувших документов в Москве, в котором принимали участие как высшие сановники империи, так и служащие тайной политической полиции. В итоге документы были найдены и помещены в особый архив Кабинета министров. Автор выдвигает предположение, что в дальнейшем содержание этих документов стало известно кабинет-министру А.П. Волынского и послужило основанием для организации политического процесса против него. Не исключается возможность, что отзвуки «дела Волынского» сыграли определенную роль в подготовке восстания декабристов. Автор делает попытку реконструировать содержание секретных документов, относившихся к обстоятельствам воцарения дома Романовых. По заключению автора, возникновение любой возможности огласки этих документов вынуждало императорское правительство идти на крайние меры, вплоть до провокаций во внешней политике и террора внутри страны.

Российская империя, Голштиния, Романовы, Петр I, Анна Петровна, Анна Иоанновна, Э.-И. Бирон, И.-А. фон Корф, А.П. Волынский, Кабинет министров, Тайная канцелярия, политическая полиция, «дело Волынского», государственный архив, архивная реформа, движение декабристов.

В.В. Морозан

ДВОРЯНСКИЙ РОД КРУПЕНСКИХ В ИСТОРИИ БЕССАРАБИИ

V. Morozan

The Noble Family of Krupenskiy in Bessarabian History

Дворянский род Крупенских оставил заметный след в истории Молдавского княжества, Бессарабии и России.

Однако относительно подробно была исследована лишь генеалогия российской ветви этого рода. В частности, Г. Безвиконный опубликовал в 1939 г. свою известную работу о Крупенских в журнале “Din trecutul nostrum”, в которой исследовал генеалогию этого рода, но при этом практически не затронув их общественную деятельность¹.

И до сих пор общественная и политическая деятельность представителей этой фамилии остается малоизученной. Можно лишь отметить работу В.А. Карелина о дипломатической деятельности А.Н. Крупенского².

Автор настоящей статьи впервые освещает роль Крупенских в общественно-политической жизни России, которая была особенно значительна в начале XX в.

Так, в справке на представление к званию камер-юнкера Хотинского уездного предводителя дворянства Н.М. Крупенского в 1912 г. написано: «Николай Крупенский принадлежит к одной из древних фамилий Молдавии и Бессарабии, давшей многочисленных общественных и государственных деятелей, многие из которых имеют придворные звания. Прадед его был первым бессарабским вице-губернатором. Дед, отец и дядя были губернскими предводителями дворянства, в званиях камергеров»³.

* * *

Впервые фамилия Крупенских в Молдавском княжестве упоминается в письменных документах XVII в. Исследователи единогласны в том, что Крупенские имели польские корни, а обосновавшись в Молдавии, быстро вошли в число высшего боярства. Не случайно в своей работе «Описание Молдавии», среди перечисленных боярских фамилий, Дмитрий Кантемир упоминает и Крупенских, отмечая их польское происхождение⁴.

Среди родоначальников этого рода отметим Андронакия Крупенского, который в 1659 г. состоял в чине «вел ушиера» (великого привратника). Его сын Василий упоминается в одном из поминальных 1695 г. церкви родового имени Фередиены в чине «вел

постельника» (великого постельничего)⁵. Сын последнего, Санду Крупенский, в 1685 г. так же имел чин постельника. В последующие годы он жаловался различными боярскими чинами, в частности в начале XVIII в. был «медельничером» (лицо, отвечавшего за омовение рук князя). Уйдя из жизни в 1732 г., он оставил шестерых детей. Среди них был и Лупу Крупенский, который в 1752 г. состоял стольником. Известно, что он умер 28 апреля 1772 и был погребен в построенной им каменной церкви в села Фередиины на севере Молдавии. Среди его пятерых детей нам интересен Иордакий (Егор) Крупенский, сыновья которого, Матвей и Федор, стали родоначальниками бессарабских дворян из этого рода. Именно они в 1821 г. подали документы в Комиссию по рассмотрению документов дворян области, которая 25 октября того же года причислила их к бессарабскому высшему сословию и внесла в особый алфавитный список. Представленные ими документы содержали многочисленные сведения об отдаленных предках соискателей. Благодаря этому род Крупенских был внесен в 1827 г. в 6-ю часть дворянской родословной книги. Наконец, Герольдия своим решением от 31 июля 1845 г. утвердила определение комиссии 1821 г. и признала род Крупенских дворянским.

Активность членов этого рода проявилась вскоре после присоединения Бессарабии к России, когда на должность вице-губернатора был назначен Матвей Егорович Крупенский (11.01.1875 – 25.09.1856). Именно его потомки оказались весьма успешными в общественной и политической жизни края и империи, проявили себя на дипломатическом поприще. О деятельности Матвея Крупенского в качестве вице-губернатора сложилась весьма нелестное мнение. На эту должность он был назначен усилиями полномочного наместника Бессарабии А.Н. Бахметева, поддержкой которого он успешно пользовался более пяти лет. Яркую характеристику его деятельности дал в своих «Записках» Ф.Ф. Вигель: «Со времени присоединения области постоянно играл в ней важную роль М.Е. Крупенский, принадлежащий к боярской фамилии. Он был тщеславен, как все молдаване, роскошен, но более их знаком с европейским житьем. У него в руках всегда находилась казна, и, следуя обычаю, принятому в Яссах, он полагал, что он может брать из нее все для него потребное. Особенно же в звании вице-губернатора при двух наместниках, Бахметеве и Инзове, он делал что хотел, не думая о дне отчетов и ответственности. Сей день настал для него с прибытием Воронцова; он скоро должен был оставить службу и поплатиться почти всем наследственным имением за неосторожно сделанные казенные займы»⁶.

Местная публика стала обвинять его во взяточничестве и вымогательстве в первые же годы его службы, а петербургские чиновники подозревать в казнокрадстве. «Вице-губернатор Крупенский, – писал о нем М.Н. Лонгинов, – самая бойкая особа; зато у него

дом – палаты; живет по-царски и ворочает всеми делами в области...»⁷. После его ухода с должности вице-губернатора областной гражданский суд принял решение о взыскании с него и бывшего гражданского губернатора И.М. Гартинга 39 883 руб., наложив арест на их имущество. Именно этот факт стал поводом к утверждению Ф.Ф. Вигеля, что Крупенский лишился наследственных вотчин. Однако приговор суда так и не был приведен в исполнение, а позднее это дело и вовсе было прекращено. Неприязнь к Матвею Крупенскому была столь велика среди бессарабского дворянства, что на выборах 1818 г., по словам Ф.Ф. Вигеля, он чуть было не был избит⁸. Испугавшись нападения на супруга, его жена Екатерина Христофоровна, упала от волнения в обморок.

Между тем, Матвей Крупенский получил блестящее образование для своего времени. Помимо молдавского языка он говорил на греческом, французском, немецком и русском. До 1805 г. имел чин второго логофета, затем «ключера» (ключник). В годы Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. состоял депутатом в Диванах обеих княжеств, а после заключения Бухарестского трактата находился при адмирале П.В. Чичагове⁹. В том же 1812 г. был назначен помощником губернатора С. Стурдзы и произведен в надворные советники. В 1812–1813 гг. заведовал областной казной, а в период с 8 августа 1816 г. по 16 октября 1823 г. состоял бессарабским вице-губернатором. Матвей Егорович был женат на дочери генерала Христофора Комнено, Екатерине (1792 – 1843). Супруги имели пятерых детей: Николая, Георгия, Марию, Елизавету и Софию. М.Е. Крупенский относился к числу богатых землевладельцев края. В 1813 г. его мать, Мария Енакиевна, урожденная Милло, уступила ему свои земельные владения в Хотинском уезде. Благодаря этому его владения достигли почти 20 тыс. дес. земли, охватывая пять родовых и две приобретенные вотчины¹⁰.

Его младший брат Федор Крупенский (19.04.1787 – 15.10.1842, Кишинев) был менее известен в Бессарабии, хотя одно время и служил в этом крае. На службу он поступил по предложению сенатора С.С. Кушника в Диван Молдавского княжества в чине второго логофета. 1 апреля 1812 г. был определен сенатором В.И. Красно-Милошевичем исправником Романовского цыгута, но вскоре после заключения Бухарестского трактата решил поступить на российскую службу. Несколько лет он занимал в Бессарабии малозаметные должности и лишь в январе 1820 г. был переведен в штат полномочного наместника Бессарабии генерал-лейтенанта А.Н. Бахметева для особых поручений. Известно, что в его доме в Кишиневе в 1818 г. был дан бал в честь приезда в Бессарабию императора Александра I. Возможно, этот факт стал одной из причин, по которой он был командирован в 1820 г. с чрезвычайными депешами в Вену во время нахождения там российского императора. Вернувшись в Россию, Крупенский сначала отправился в С.-Петербург и лишь за-

тем вернулся в Бессарабию, где несколько лет состоял по выбору дворян советником областного гражданского суда. В 1832 г. он покинул край, перебравшись в Дунайские принципаты, где, по предписанию полномочного председателя Молдавского и Валахского княжеств генерал-лейтенанта П. Д. Киселева, был назначен чиновником особых поручений при молдавском вице-председателе «для усиления способов к скорейшему окончанию дел временного российского управления в Молдавии».

По случаю окончания российского управления в Молдавии 5 мая 1834 г. Ф.Е. Крупенский был уволен от должности, с определением, по его прошению, чиновником особых поручений в МВД. Примечательно, что в первое время жалование ему не платили. 13 августа 1834 г. он был прикомандирован для особых поручений к московскому военному генерал-губернатору. В этой должности он выполнял различные поручения своего патрона. В 1842 г. он был отпущен в 4-месячный отпуск в Бессарабию для восстановления расстроенного здоровья. Однако на службу так и не вернулся, так как вскоре умер¹¹. Федор Егорович был женат на дочери Дмитрия Мурузи, Смаранде. Супруги имели троих детей: Дмитрия, Федора и Ефросинию, которая вышла замуж за князя Вяземского. Примечательно, что из родового имения ему не были отведены земельные владения. Очевидно, ему досталась крупная сумма денег от родных, благодаря которой он приобрел в Оргеевском уезде отдельное имение.

После отстранения М.Е. Крупенского от должности вице-губернатора общественная активность в Бессарабии представителей этой фамилии резко снизилась. Ее влияние вновь стало усиливаться лишь во второй половине XIX в. Исключительную роль в росте этого влияния сыграл сын упомянутого выше Ф.Е. Крупенского, Федор. По мнению многих, он был человеком «своеобразного склада ума, полный адской энергии, неустанного труда и жизненной воли, гордый своим происхождением»¹².

Свое обучение он начал в Кишиневской гимназии, затем продолжил в Ришельевском лицее в Одессе. На службу он поступил по выбору дворянства заседателем Бессарабского областного гражданского суда. В 1873 г. он занял должность товарища председателя Кишиневского окружного суда, заведя его гражданским отделением. Эти обязанности он выполнял до 1894 г., обретя не только влиятельное положение в Бессарабии, но и уважение. В те годы несомненным авторитетом в губернии обладали члены семьи Леонардов во главе с губернским маршалом Павлом Егоровичем Леонардом. Вокруг него группировалась значительная часть дворянства, среди которых были князь А.Д. Мурузи, К.В. Леонард, П.С. Леонард, Е.Е. Феодосиу, М.Е. Феодосиу, С.К. Главче, Н.Н. Дониц, Э.Н. Дониц, В.И. Дическу, К.Д. Кирияк и другие. Однако с ростом влияния Ф.Ф. Крупенского ряды сторонников Леонардов

быстро редели. И напротив, клан Крупенских быстро отвоевывал у сподвижников Леонардов престиж и власть в крае, «пуская свои корни в дворянское, земское, городское и крестьянское самоуправление». По словам газеты «Одесские новости», вскоре в этом общественном состязании победили Крупенские. 16 апреля 1879 г., не выдержав давления оппозиции и неожиданно для многих, покинул пост губернского предводителя дворянства П.Е. Леонард. На новых выборах в 1881 г. Крупенским удалось продвинуть на место губернского маршала своего ставленника, Ивана Егоровича Катаржи¹³. Кузина последнего, Анна Николаевна Катаржи, вышла замуж за Михаила Николаевича Крупенского. Таким образом, на несколько десятилетий в Бессарабии установилась эпоха Крупенских.

В окружение этой семьи вошли многие бессарабские греки, которым покровительствовали ее члены. Из-за этого группировка получила название «греческой партии». В число же ее противников вошли коренные бессарабцы, благодаря чему их группировка именовалась «молдавской партией». Очевидно, греческие корни по материнской линии Федора Крупенского способствовали росту его симпатий к этому народу. Известно, что его мать, Смаранда Дмитриевна, урожденная Мурузи, имела отношение к очень влиятельному на Балканах роду. Рано оставшись без отца, Ф. Крупенский воспитывался матерью, которая значительно повлияла на его мировоззрение. Его двоюродные братья, сыновья бывшего вице-губернатора Бессарабии М.Е. Крупенского, Николай и Георгий, также имели греческие корни по материнской линии. Их мать Екатерина Комнено относилась к не менее известной греческой фамилии, нежели род Мурузи. Эти обстоятельства позволили консолидировать существенную часть бессарабской элиты, которая противостояла «молдавской партии».

«Рознь и постоянная вражда двух партий не могла, конечно, не отразиться на том мнении, которое сложилось о Ф.Ф. Крупенском, тем более что он стоял во главе господствующей партии и непреклонно отстаивал ее интересы»¹⁴. Его враги не отказывали ему в большом уме и таланте. Однако многие находили, что он был «холодным, себялюбивым человеком, с необъятным честолюбием»¹⁵. Уйдя из жизни бездетным, он оставил свое громадное состояние земству на благотворительные нужды. Еще при жизни он жертвовал большие суммы на нужды своих земляков. Так, в 1879 г. он пожертвовал земству процентный билет на 5 000 руб., с тем, чтобы доход от этого билета был потрачен на содержание 3-х кроватей в земской больнице. Две в память о его матери и одна в память покойного брата Дмитрия Федоровича Крупенского (21.09.1834, Москва – 16.11.1878)¹⁶.

Не все члены этого рода поддерживали его в этих благородных поступках. Решение пожертвовать свое имущество на нужды земства долгие годы оспаривалось в суде его племянниками, сыновьями Дмитрия Федоровича Крупенского. Среди них был и будущий депутат Государственной думы Николай Дмитриевич.

После кончины 28 июля 1894 г. Ф.Ф. Крупенского «греческую партию» возглавил его племянник, Михаил Николаевич Крупенский, внук бывшего вице-губернатора. Окончив учебу в Кишиневской 1-й гимназии, он поступил 12 мая 1877 г. на службу в Киевское дворянское депутатское собрание в число канцелярских служащих. Очевидно, уже в следующем году, после избрания его почетным мировым судьей в Хотинском уезде, он решил строить свою карьеру в Бессарабии. В связи с этим в 1881 г. он подал прошение об увольнении от службы из Киевского собрания. В том же году он был избран Хотинским уездным предводителем дворянства¹⁷.

В этой должности он принимал участие 15 мая 1883 г. в коронации императора Александра III. Большим успехом для этой семьи стало его избрание 29 апреля 1897 г. губернским предводителем дворянства. Примечательно, что за этот пост с ним боролся его двоюродный брат Михаил Егорович Крупенский, который в итоге стал кандидатом по должности.

Практика выдвижения не менее двух кандидатов основывалась на норме закона, который требовал производства выборов на должности от дворянства на альтернативных началах¹⁸. Таким образом, претендент на должность предводителя дворянства был вынужден искать себе противника. Чаще всего роль конкурентов на ключевые должности играли близкие родственники соискателей. Такое наблюдалось неоднократно на выборах губернского маршала. В частности, в качестве своих противников на таких выборах Иван Катаржи, Михаил и Александр Крупенские привлекали своих братьев. Нет сомнения, что этот способ использовался для придания выборам легитимности.

Практика привлечения родственников при проведении избирательной компании использовалась претендентами на должность маршала достаточно часто. В частности, в 1897, 1899 и 1902 гг. подобным образом поступал Михаил Николаевич Крупенский, втянув в выборы своих двоюродного и родного братьев Михаила Егоровича и Георгия Николаевича. Последний неоднократно участвовал в этой процедуре вместе с Александром Николаевичем Крупенским. Интересно, что в 1911 и 1914 гг., в результате сговора оппозиции, ему дважды удавалось набрать больше голосов, чем брату, который был фактическим претендентом на маршальскую должность. В обоих случаях он писал прошение об отказе занимать должность губернского предводителя, разясняя, что участвовал лишь для того, чтобы выборы были признаны законными¹⁹.

В 1908 г. Георгий Николаевич написал П.А. Столыпину, уговаривая его назначить брата на должность маршала: «Существующая в Бессарабской губернии партия «Центр», членом которой я состою, еще задолго до дворянских выборов единодушно наметила своим кандидатом в губернские предводители дворянства Александра Николаевича Крупенского. Так как на должность эту по закону

должны быть избраны два кандидата, то при открытии собрания вторым кандидатом был намечен я, на что и изъявил согласие»²⁰. Далее он рассказывает, что при производстве выборов противники Крупенских намеренно отдали больше голосов за него, чтобы не дать Александру Николаевичу занять должность предводителя. Г.Н. Крупенский объяснял, что в действительности большинство дворян – за его брата, и потому он просит утвердить на отмеченную должность занявшего 2-е место. Отказываясь от места маршала, Г.Н. Крупенский рассуждал о заслугах брата на общественном поприще: «Единственно благодаря энергии А.Н. Крупенского в губернии были устранены мелкие партийные раздоры и консервативные элементы края могли образовать сплоченную партию «Центр» для борьбы с надвигающейся политической бурей. Значение этой партии в губернии будет поддержано утверждением А.Н. Крупенского губернским предводителем дворянства, согласно действующему желанию всей монархической части Бессарабского дворянства»²¹.

Возвращаясь к деятельности М.Н. Крупенского, следует сказать, что ему довелось возглавлять дворянское общество Бессарабии до революционного 1905 г. Это было время, тяжелое для России, когда протекал глубокий экономический и политический кризис. Тем не менее, Крупенским удавалось в это время поддержать свой высокий авторитет в крае, активно влияя на здешние общественно-политические процессы. Пресса даже позволяла себе острить по поводу роли Крупенских в крае. «Имя Крупенских в Бессарабии пользуется какой-то особой магической силой... – писали «Одесские новости». – В Кишиневе нет ни одного общественного учреждения, которое не пыталось бы завербовать в свой состав – в качестве ли почетного члена или в качестве активного деятеля – кого-нибудь из членов рода Крупенских... Крупенских прямо рвут на части...»²².

Не обращая внимания на иронию газетчиков, следует все же согласиться с невероятной популярностью в Бессарабии в начале XX в. Крупенских. В значительной мере – благодаря высокому авторитету М.Н. Крупенского. Лишь тяжелая болезнь не позволила ему продолжить общественную деятельность: он отказался в 1905 г. баллотироваться на очередных выборах. Он ушел из жизни 21 марта 1905 г., находясь в С.-Петербурге. «Покойный – писала пресса – был одним из крупных землевладельцев Бессарабии... Он пользовался в губернии большим влиянием и был сердечным, отзывчивым человеком. В последние полтора года общественная и служебная деятельность его была прервана тяжким недугом, от которого он лечился и в России и за границей, но лечение мало помогло. В декабре М.Н. хотя и ходил, но был уже очень плох, и ко дню дворянских выборов, этого года, отказался, ввиду крайнего недомогания, от должности губернского предводителя дворянства. Вскоре поле этого М.Н. был причислен к Министерству внутренних дел и выехал в С.-Петербург для лечения болезни»²³.

После его смерти лидером этого обширного рода стал Александр Николаевич Крупенский. Однако его деятельность оказалась не столь однозначной. В значительной степени его роль в дворянской жизни края характеризовали выборы 1911 и 1914 гг., которые закончились скандалами и протестами. Очевидно, менее талантливый и терпимый в отношении своих соратников, А.Н. Крупенский не смог так умело управлять дворянским обществом. Кроме того, бессарабская элита к тому времени уже устала от «диктатуры» рода Крупенских.

Отмечая борьбу «греческой» и «молдавской» партий, следует сказать, что время от времени в крае возникали и другие группы сопротивления этому клану. Одно время группировка Крупенских активно боролась с небольшой группой Р.Г. Доливо-Добровольского, который в 1906–1909 гг. занимал должность Оргеевского уездного предводителя дворянства. Чтобы не дать ему стать во главе губернского дворянства, А.Н. Крупенский активно пользовался услугами клеветников, распространял слухи, подрывавших авторитет своего оппонента. Вопреки этой клевете Р.Г. Доливо-Добровольский смог 8 января 1909 г. добиться избрания на второе трехлетие Оргеевским уездным предводителем дворянства. Однако и после этого клан Крупенских продолжил его травлю.

Кроме того, от сторонников Крупенских в Сенат поступила жалоба на его неправильное избрание, подписанная Главче, Горе и Феодосию. В С.-Петербург также приходили письма, в которых доносилось, что Доливо-Добровольский «бесцеремонно рассказывал» всем, что ему была обещана в Министерстве внутренних дел поддержка против Крупенских, что ответ на запрос Сената о правильности его избрании будет задержан в МВД «до окончания трехлетия» его службы. Будто бы он рассказывал, что товарищ министра А.И. Лыкошин, который был женат на его родной сестре, обещал ему затянуть дело до окончания трехлетия, и похвалялся новой проекцией. В ноябре 1908 г. Доливо-Добровольский женился на дочери члена Государственного совета, председателя Постоянной комиссии личного состава и внутреннего распорядка Н.Э. Шмемана²⁴. В итоге, 11 января 1909 г. Доливо-Добровольский подал прошение об отставке от должности уездного предводителя, а 4 апреля 1909 г. зачислен в штат МВД.

Впрочем, одним из самых ярых и успешных противников группировки Крупенских в Бессарабии был Владимир Митрофанович Пуришкевич. Примечательно, что его отец, Митрофан Васильевич, одно время входил в «греческую партию» во главе с Крупенскими. М.В. Пуришкевич был одним из тех, кто способствовал уходу с должности председателя губернского земского собрания А.М. Котруца, а затем избранию на его место И.В. Кристи. В начале века отношения М.В. Пуришкевича и «греческой партии» испортились, что привело его в оппозиционные ряды.

Говоря о роли клана Крупенских в бессарабской истории, следует отметить, что она была далеко неоднозначной. Очевидно, что их деятельность была многогранной, принесшей губернии как положительные, так и отрицательные результаты. Главным негативным фактором их доминирования в общественной жизни Бессарабии была травля многих талантливых дворян и оттеснение их от ключевых должностей местного земского и сословного самоуправления. Именно этот фактор множил число оппонентов Крупенских и делал их непримиримыми врагами. Со вступлением в это противоборство Пуришкевича конфликт обрел еще большую остроту.

Талантливый трибун, активно использовавший разнообразные ораторские и полемические приемы, нередко демагогического характера, Пуришкевич быстро возглавил одну из групп противников Крупенских. В борьбе против них он часто прибегал к услугам прессы, не брезговал доносами, порой откровенной ложью.

Примером такой нечистоплотной борьбы может служить его письмо к министру внутренних дел, в котором он доносил на одного из сторонников Крупенских, А.А. Ярошенко: «Это тот самый, – писал Владимир Митрофанович, – который в революционных 1905 и 1906 г. состоял председателем партии народной свободы в Аккерманском уезде и разбрасывал прокламации самого возмутительного демагогического характера, а в настоящее время субсидирует архи-кадетскую газету “Аккерманское обозрение”»²⁵.

По утверждению газеты «Одесские новости», в разное время среди «партизан» Владимира Митрофановича в Бессарабии были Н.Д. Заботкин, П.Ю. Горе, М.Е. Понсэ и другие²⁶. Нередко их связывали родственные отношения или хозяйственные интересы. Впрочем, эти обстоятельства имели немаловажное значение и среди сторонников противной группировки.

Очевидно, в правительственных кругах недовольство засильем Крупенских в Бессарабии стало усиливаться после окончания революционных выступлений в стране. Так, в 1909 г. директор канцелярии П.А. Столыпина И.Г. Кнолль обратился к начальнику Управления по делам о воинской повинности МВД С.А. Куколь-Яснопольскому с просьбой дать характеристику Крупенским, в частности Федору Дмитриевичу, который претендовал на чин камер-юнкера. В ответ Куколь-Яснопольский так написал о Бендерском уездном предводителе дворянства: «Человек он ничтожный, пустой, ищущий в жизни только усад, вряд ли способный заняться иным делом, кроме низменной партийной возни, именуемой в Бессарабии политикой, да и интригам он отдавался лишь урывками, с такими перерывами, что утратил влияние в своем уезде. В Бендерах, отстающих от резиденции Ф. Крупенского – Кишинева в 1 1/2 часа железнодорожного пути, он не показывался целыми месяцами»²⁷. Из письма следовало, что Ф.Д. Крупенский постоянно отсутствовал в Бендерском уезде, постоянно игнорируя свои обязанности предводителя дворянства.

Лишь время от времени он приезжал в уезд, да и то по требованию губернского маршала А.Н. Крупенского. Получив такую характеристику, И.Г. Кнолль под предлогом отсутствия у претендента чина коллежского асессора, сделал все, чтобы исключить его из списка кандидатов на придворный чин.

Далее в своем письме С.А. Куколь-Яснопольский определил и саму роль главы клана Крупенских в Бессарабии: «Многие молдаване ненавидят Александра Крупенского за его надменность и деспотическое обращение, но как побитые им звери, с глухим ворчанием лизут ему руки, видя в нем силу. Какой расчет правительству укреплять на месте веру во всемогущество человека, который, если является в своей губернии силой, то конечно темной? Словом, “позолотить” Федора Крупенского [Т.е. пожаловать ему чин камерюнкера. – В.М.], по убеждению моему, значило бы допустить заведомую несправедливость в угоду демону бессарабской интриги А. Крупенскому, за плащ которого вынужден придерживаться маленький кишиневский граф [Иван Викторович Канкрин. – В.М.], отбиваясь от еврейского натиска»²⁸.

Сокрушительный удар по карьере Федора Крупенского нанес скандал на дворянских выборах 1911 г. Обвиненные в их подтасовке, члены клана Крупенских отреагировали на это по-разному. Кто-то пытался убедить власти в несправедливых упреках оппонентов, кто-то же просто выехал из страны, выжидая чем закончится развернувшийся скандал.

Ф.Д. Крупенский, который во второй раз был избран Бендерским уездным предводителем дворянства, не выдержал накала партийной борьбы и шквала обвинительных газетных публикаций. Во второй половине 1911 г. он уехал за границу, откуда не возвратился и в 1913 г. По словам бессарабского губернатора М.Э. Гильхена, причиной бегства Ф.Д. Крупенского из страны стали статьи с обвинениями его в гомосексуализме²⁹. Очевидно, ходившие разговоры о нетрадиционной сексуальной ориентации его старшего брата Александра Дмитриевича Крупенского бросили тень и на Федора.

Впрочем, разговоры не были беспочвенны. В С.-Петербургской конторе императорских театров, управляющим которой был А.Д. Крупенский, об этом толковали открыто. В 1910 г. служащие этой конторы обратились к директору императорских театров В.А. Теляковскому с письмом, в котором обвиняли своего начальника в гомосексуализме. Авторы доноса писали: «Дело заключается в следующем: ввиду того, что у нас все данные на лицо и можем фактами и свидетельскими показаниями подтвердить, что г-н Крупенский (человек-педерастик), и что им велось и ведется нашествие на молодых здоровых людей, которые ему пригодны для усыщения его нечеловеческих прихотей, благодаря чего авансирует эти люди, за свое послушание и в удовлетворении своему начальнику.

Мы осмеливаемся упомянуть нескольких лиц, из которых полу-

чили лучшие должности и высшие оклады, а именно: г.г. Мещнер, Сергеев, Рынзевский, Чагин, Браун, граф Канкрин ...

Но те, которые не хотят заниматься этими пакостями и не желают разрушать свою нравственную жизнь, подвергаются жестоким наказаниям, включительно с увольнением со службы»³⁰.

Сохранившаяся любовная переписка А.Д. Крупенского позволяет утверждать, что его сослуживцы были правы, обвиняя его в нетрадиционных сексуальных отношениях. Отметим, что эта проблема стала одной из причин ухода Крупенского с должности управляющего С.-Петербургской конторы.

Итогом многолетней борьбы различных группировок с Крупенскими стало, по словам местной прессы, болезненное поражение этого клана. Потеря былого влияния началась после очередных дворянских выборов в январе 1911 г. Собрание дворян в том году прошло в ожесточенной борьбе между сторонниками Крупенских и группой Пуришкевича. Застрельщиком в этом конфликте стал Владимир Митрофанович, который с исключительным пристрастием доносил П.А. Столыпину о ходе протекавших выборов: «Дворянские выборы, происходящие сейчас в Кишиневе, носят характер чисто эпической борьбы с семьей Крупенских. Тлетворная деятельность коих в губернии, направленная исключительно к приобретению личных выгод в прямой ущерб русским государственным интересам края, вызывает неподдающиеся описанию негодование против них не только массы съехавшегося дворянства, но и без различия направления всех местных органов печати. На собрании представлено до трехсот дворянских цензов. В течение сорока лет не было съезда дворян столь многочисленного как сейчас»³¹.

Самые яростные споры развернулись вокруг списков дворян с избирательным цензом Аккерманского уезда, куда не были внесены около десятка лиц. Между тем все они обращались к уездному предводителю М.Е. Понсэ с соответственными прошениями. Необычность ситуации заключалась в том, что большинство не внесенных в списки дворян были сторонниками В. М. Пуришкевича, как и сам М.Е. Понсэ. Очевидно, это произошло по недоразумению. Однако попытки включить этих людей в число голосующих во время выборов встретили яростное сопротивление группировки Крупенских. По убеждению Пуришкевича, недопущение к выборам В.Н. Дынги, Н.Д. Заботкина, А.Н. Стороженко, Б.Р. Цебржинского, доверенных лиц Е.И. Бобриковой, Д.И. Баллас, баронесы А. И. Сталь фон Гольштейн, Л. Беликович, Ю. Ильлиясевич и М. Егуновой преследовало цель уменьшить число тех, кто поддерживал аккерманского предводителя М.Е. Понсэ. Объединившись с польской группой во главе с А.А. Ярошенко, Крупенским удалось провести на большинство вакансий своих людей. Они даже выставили из зала заседания представителей недоброжелательной прессы, в частности корреспондента газеты «Друг».

Интересно, что выборы проходили с 8 часов вечера до 5 часов утра. По словам В. М. Пуришкевича, при производстве этого мероприятия А.Н. Крупенский активно манипулировал избирательными урнами и баллотировочными шарами. Кроме того, одних только представителей рода Крупенских на выборах было около 30-ти человек (с 40 голосами) и еще около 50-ти близких родственников. Имея такую поддержку, губернскому предводителю не составило большого труда вновь переизбраться на занимаемую им должность. Ему удалось получить 186 голосов за и 73 против. Впрочем, по убеждению Пуришкевича, «Александра Крупенского избрали родичи, а не бессарабские дворяне, которые в массе своей относятся к этой заевшей край семье с нескрываемой ненавистью, за ее беспринципность, за ее неразборчивость в средствах борьбы (мерзейший поступок год тому назад с бывшим Оргеевским предводителем дворянства, благороднейшим дворянином Р.Г. Доливо-Добровольским, который за свою независимость был заеден Крупенскими, пытавшимся опозорить его, что не удалось благодаря П.А. Столыпину, назначившему Доливо-Добровольского чиновником особых поручений при министре вн. дел V класса)»³².

Первоначальные попытки В.М. Пуришкевича оспорить результаты выборов 1911 г. были безрезультатны. Все отправленные П.А. Столыпину письма и телеграммы с разоблачением Крупенских не помешали властям утвердить всех вновь избранных дворян. Не помогла и кассационная жалоба старшего Пуришкевича в 1-й департамент Сената: там не нашли оснований для возбуждения дела. Обер-прокурор этого департамента Н.А. Добровольский допускал возможность отмены выборов лишь по процедурным причинам и только в том случае, если выборы будут оспорены бессарабскими дворянами. В частности, он указал на нарушения сроков публикации списков цензовых дворян, тем более что перечень лиц, допущенных к выборам по Аккерманскому уезду, и вовсе не был опубликован. Вскоре В.М. Пуришкевич смог убедить тех дворян, кого не внесли в эти списки, написать жалобы в Сенат, что и послужило причиной начала разбора по этому делу.

Отметим, что П.А. Столыпин возражал против отмены январских выборов. Но на заседаниях 1 июня, а затем 20 июля 1911 г. Сенат постановил отменить их «в связи с несоблюдением закона о списках дворян»³³. МВД повторно пыталось оспорить это решение, однако 25 ноября того же года Сенат вновь подтвердил свое решение. Оскорбленный этим, А.Н. Крупенский подал прошение об отставке с поста губернского предводителя дворянства. Примечательно, что его брат, Павел Николаевич, просил В.Н. Коковцева не давать ход этому прошению. Но председатель Совета министров не стал отстаивать интересы А.Н. Крупенского, добившись его увольнения 4 января 1912 г.

Сторонники Крупенских попытались вынудить правительство

не увольнять Александра Николаевича. В своем письме на имя министра внутренних дел А.А. Маркова исполнявший обязанности маршала А.К. Леонард уверял, что все уездные предводители, за исключением одного, были готовы подать в отставку в знак солидарности с Крупенским. Однако, со слов того же Леонарда, Крупенский уговорил их не делать этого. В преддверии проведения выборов в Государственную думу это было особенно важно. «Особое внимание, – писал он, – обращает на себя то обстоятельство, что Бессарабское дворянство с уходом А.Н. Крупенского лишилось возможности иметь своего фактического высшего представителя в торжественный год празднования столетних юбилеев Отечественной войны и присоединения Бессарабии к Российской империи»³⁴.

Поражение Крупенских в 1911–1912 гг. существенно изменило соотношение сил в дворянских кругах. По словам бессарабского губернатора графа И.В. Канкрин, произошедший скандал, а затем и отмена выборов «вызвали среди местного дворянства полный раскол и необычное движение»³⁵. Не миновала перемен и партия «Центр», которая во главе с А.Н. Крупенским ранее объединяла многих дворян и всех вообще «полноцензовиков». В результате скандала и, главное, из личной неприязни к А. Крупенскому, многие члены этой партии примкнули к новой группировке, носившей название «Земская партия». По этой причине партия «Центр», руководимая А.Н. Крупенским, уже не могла иметь исключительного влияния на ход выборов в Государственную думу в 1912 г.

Впрочем, добровольная отставка А.Н. Крупенского несколько успокоила бессарабское дворянство. По словам графа И.В. Канкрин, «страсти улеглись и все, даже личные сторонники г. Крупенского, вполне довольны таким исходом, устранившим прежнюю остроту вопроса и бесплодную борьбу на личной почве. Все лучшие элементы, в том числе и противники г. Крупенского, отодвинули на задний план заботу о дворянских выборах [Взамен отмененных 1911 года. – В.М.], как о чисто местном сословном деле, и всецело занялись мыслью о создании таких условий, при которых возможно было бы достигнуть положительных результатов на выборах в Государственную думу. Поэтому ни противники, ни более сознательные сторонники А.Н. Крупенского не считают настоящий момент благоприятным для производства дворянских выборов»³⁶.

Отметим, что крах дворянских выборов 1911 г. самым негативным образом повлиял на настроение А.Н. Крупенского. Приближавшийся 1912 г. имел важное значение для Бессарабии. Помимо ожидавшихся выборов, предстояли празднества 100-летнего юбилея присоединения края к России. Предстояло также отметить 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. К этим событиям губернские власти стали готовиться загодя. В апреле 1911 г. граф И.В. Канкрин поручил Кишиневскому епископу Серафиму собрать комиссию из местных начальников различных ве-

домств и представителей бессарабского дворянства и земства, чтобы выработать программу празднования этих юбилеев³⁷. Неожиданно для губернатора епископ привлек к работе комиссии местную прессу, ряд священников и других лиц. Участие в этом мероприятии А.Н. Крупенского и редактора газеты «Друг» В.А. Януковича привело к резким выпадам последнего в адрес губернского маршала. Нападки на Крупенского так и не позволили комиссии выработать какую-либо программу проведения юбилейных торжеств.

Вскоре после этой неудачи губернский предводитель дворянства попытался взять инициативу в свои руки, созвав 10 мая 1911 г. новое совещание, куда были приглашены деятели дворянства и органов городского и земского самоуправления. «10 сего мая месяца, – писал Крупенский, – под моим председательством состоялось совещание нескольких представителей местного населения в лице некоторых предводителей дворянства, председателей земских управ, городских голов и общественных деятелей, по вопросу о желательных и возможных способах чествования столетия присоединения Бессарабии к Российской империи, истекающего в мае 1912 года. Означенное совещание единогласно признало, что инициатива чествования этого знаменательного события, а также и руководящая роль в этом чествовании не может и не должна принадлежать никому иному, как самому населению нашего края, в лице его выборных представителей, то есть, общественных и сословных деятелей»³⁸.

По мнению собравшихся, торжества следовало начать с молебнов, затем продолжить парадом и, наконец, завершить угощениями, иллюминациями, фейерверков и прочими мероприятиями. Но самое главное, по их мнению, заключалось в установлении в Кишиневе памятника, «могущего напоминать всем будущим поколениям о чувствах предков их к общему отечеству»³⁹.

Подготовкой предстоящих торжеств и наблюдением за сооружением памятника возлагалась на особый комитет во главе с А.Н. Крупенским. Но после его увольнения комитет пришлось возглавить бессарабскому губернатору, который проявлял мало интереса к предстоящим событиям. Крупенский же, подавленный таким ходом событий, и вовсе отстранился от общественной деятельности. В этой связи в марте 1912 г. на имя графа И.В. Канкринна пришло письмо от министра внутренних дел А.А. Маркова, в котором говорилось, что с уходом Крупенского в отставку работа комитета по организации торжеств в Бессарабии совершенно прекратилась⁴⁰. Министр потребовал от бессарабского губернатора возобновления его деятельности, чтобы празднества прошли достойным образом.

Довершили крах А.Н. Крупенского дворянские выборы 1914 г. Лишившись доверия большинства дворян края в начале 1914 г., он просто не был переизбран на должность губернского маршала. Потеря былого положения привела и к устранению его от участия в официальной части торжества по случаю приезда в Бессарабию

царствующей фамилии. Она была связана с открытием в Кишиневе памятника Александру I в конце мая 1914 г. Оскорбленные отстранением А.Н. Крупенского от этих мероприятий, многочисленные члены этой семьи игнорировали чрезвычайное бессарабское губернское собрание 9 мая 1914 г. На нем побывали лишь Хотинский уездный предводитель дворянства Н.М. Крупенский и депутат от Бельцкого уезда А.М. Крупенский. Главным докладчиком на этом собрании был их давнишний недруг, исполнявший должность губернского маршала Р.Г. Доливо-Добровольский. По этому поводу одесская пресса писала: «Чрезвычайно характерен следующий факт: на собрании демонстративно отсутствовали все главари многочисленной плеяды Крупенских... Отсутствие “главных” Крупенских на этом собрании рассматривается также, как протест за не утверждение А.Н. Крупенского в должности губернского предводителя...»⁴¹. Позднее бывший губернский маршал эмигрировал во Францию. Однако и там он вел активную деятельность, став в 1926 г. членом Высшего монархического совета.

Вынужденный уход А.Н. Крупенского с должности губернского предводителя существенно подорвал влияние этого рода в крае. Некоторые его представители продолжили служить по выбору дворянства. В частности, его брат Георгий Николаевич продолжал занимать должность дворянского депутата, был почетным мировым судьей Хотинского округа. Депутатом был и Н.Е. Крупенский, а Н.М. Крупенский занимал должность Хотинского уездного предводителя дворянства. С.М. Крупенский состоял гласным Сорокского уездного земского собрания и почетным мировым судьей Сорокского округа.

Некоторые представители этого рода сделали военную карьеру. Наиболее блестящей была карьера генерал-лейтенанта Матвея Егоровича Крупенского. Окончив в 1882 г. Николаевское кавалерийское училище и получив чин корнета, он долгие годы служил в лейб-гвардии Гусарском полку. С 6 ноября 1904 г. он состоял при вел. кн. Николае Николаевиче, а 26 марта 1917 г. был вынужден уйти в отставку по болезни⁴².

Дмитрий Дмитриевич Крупенский после окончания в 1896 г. Александровского лицея служил одно время почетным мировым судьей Кишиневского округа. Затем поступил на службу в чине корнета в лейб-гвардии Уланский полк и дослужился до чина полковника.

Были среди Крупенских и успешные дипломаты. В частности, братья губернского маршала А.Н. Крупенского, Анатолий Николаевич (2.11.1850, Кишинев⁴³ – 5.12.1923, Рим⁴⁴) и Василий Николаевич (22.08.1869 – 5.04.1945, Ница) Крупенские.

Первый из них начал учебу в Киевском университете, затем в 1871 г. перевелся на юридический факультет Московского университета. Поступив на службу в МИД, он в 1878–1883 гг. занимал должность 2-го секретаря посольства в Вене, затем в 1883–1891 гг.

– в Лондоне. С 1891 по 1896 гг. он состоял 1-м секретарем посольства в Лондоне, а в 1896–1905 гг. пребывал в Риме. В 1905–1912 гг. он служил посланником России в Норвегии, затем в Италии⁴⁵. В последние годы жил с супругой Леопольдиной Францевной Эдлер фон Герц в Италии.

Василий Николаевич Крупенский окончил в 1889 г. с золотой медалью Александровский лицей. На службу поступил в 1889 г. в МИД, где в 1899–1902 гг. занимал должность 1-го секретаря российской миссии в Пекине. В 1907–1910 гг. состоял советником посольства в Вашингтоне, исполняя в 1908 г. должность посланника России в США. В 1911–1912 гг. служил советником посольства в Австро-Венгрии, а в 1913–1916 гг. – посланником России в Китае. В 1916–1921 гг. он занимал должность посла в Японии⁴⁶. В 1921 г., оставив службу, переехал на жительство в Италию, а с 1931 г. жил во Франции.

Широкою известность в России начала XX в. обрели Павел Николаевич и Николай Дмитриевич Крупенские, ставшие депутатами Государственной думы. Их депутатская деятельность достаточно хорошо освещена в литературе. Менее всего известна их жизнь после краха императорской России. Первый из них эмигрировал во Францию, где принимал участие в монархическом движении. О Николае Дмитриевиче и вовсе не было известно ничего. Вернувшись из Петрограда в Кишинев в 1918 г. Н.Д. Крупенский столкнулся с неприятной для него аграрной реформой. По его словам, он был лишен практически всех земельных владений и был вынужден жить за счет сдачи в аренду части своего дома в Кишиневе⁴⁷. Будучи холостым, он жил совместно с сестрами Смарагдой и Софией на Мещанской ул., в доме № 22.

После присоединения Бессарабии к СССР его дом был «национализирован» 28 июня 1940 г., а сам Н.Д. Крупенский с сестрами подлежали высылки в 10-дневный срок из Кишинева. В июне 1941 г., на основании директивы НКГБ СССР «Об очистке прибалтийских республик от социально чуждого антисоветского элемента», он был арестован, приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере и отправлен в Ивдельский лагерь (Ивдельлаг) в Свердловской области, где 9 сентября 1941 г. умер⁴⁸.

Подобную трагическую судьбу пережил и его брат Георгий Дмитриевич Крупенский (р. 1873, Кишинев). Получив блестящее образование в Александровском лицее, он несколько лет служил на общественном поприще. С 1914 г. он состоял членом Совета при министре финансов и правления Государственного Дворянского земельного банка. Летом 1918 г. он покинул революционный Петроград, выехав в Одессу, затем в Киев, где служил членом правления Земельного банка. В период Советской власти в Киеве служил в городской управе. В 1919 г. переехал в Симферополь, где служил в правление банка. В 1920 г. вернулся в Кишинев. Во время аграрной

реформы также лишился значительной части своих земельных владений. Оставшиеся 125 дес. земли сдавал крестьянам в аренду, а сам проживал в Кишиневе на ул. Сибиговской, дом № 15.

8 августа 1940 г. он был арестован и препровожден в Кишиневскую тюрьму. После нескольких допросов дело было передано Особому совещанию при народном комиссаре внутренних дел СССР. 2 ноября 1940 г. совещание определило: «заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМЬ лет, считая срок с 8-го августа 1940 г.»⁴⁹. Очевидно, Г. Д. Крупенский погиб в Ивдельлаге, куда был отправлен отбывать срок заключения.

Старший его сын Михаил (р. 1899) до 1934 г. проживал в Бессарабии, затем эмигрировал во Францию. До 1940 г. проживал в Париже, где служил бухгалтером в фирме «Мекана»⁵⁰. Младший сын Дмитрий также жил в Париже и служил в той же фирме. Затем вступил в Иностраннный легион и отправлен на север Африки⁵¹. Дочь Елена была замужем за сыном священника Николая Владимировича Покровского, с которым она эмигрировала во Францию. Ее муж работал в каком-то парижском ресторане. Дочери Вера и Анна бежали в 1940 г. в Румынию, а судьба Александры, которая до 1940 г. служила в банке «Бессарабия», неизвестна.

С арестом братьев Крупенских в Кишиневе история этого знаменитого рода в Бессарабии завершилась. Она оказалась очень яркой и вместе с тем драматичной, как и судьба их родины.

Примечания

¹ *Bezviconi Gh. Familia Krupenski în Basarabia // Din trecutul nostru. 1939. № 10. P. 5–52.*

² *Карелин В.А. Анатолий Николаевич Крупенский: первый дипломатический представитель России в независимой Норвегии (1905 – 1912) // Вестник Баренц-центра МГПУ. Вып. 8. Мурманск, 2009. С. 95–98.*

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 47 (1912 г.). Д. 10. Л. 26

⁴ *Кантемир Д.* Дескриеря Молдовой. Кишинэу, 1975. P. 163.

⁵ *Bezviconi Gh. Familia Krupenski în Basarabia // Din trecutul nostru. 1939. № 10. P. 6, 7.*

⁶ *Вигель Ф.Ф.* Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 1064.

⁷ Путевые письма Никанора Михайловича Лонгинова: Июнь – сентябрь 1823 г. // Русский архив. 1905. № 12. С. 570.

⁸ Бессарабец (Кишинев). 1899. 20 фев. № 18.

⁹ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 2. Оп. 2. Д. 53. Л. 4.

¹⁰ *Bezviconi Gh. Familia Krupenski în Basarabia // Din trecutul nostru. 1939. № 10. P. 13.*

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 23. Д. 9414. Л. 10–13.

- ¹² Одесский вестник (Одесса). 1881. 6 янв. № 5.
- ¹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 91 (1881 г.). Д. 5. Л. 46.
- ¹⁴ Бессарабец. 1902. 27 янв. № 25.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 92 (1879 г.). Д. 21. Л. 75.
- ¹⁷ Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 859. Л. 111.
- ¹⁸ Сборник законов о российском дворянстве. СПб., 1901. С. 88–89.
- ¹⁹ РГИА Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1221. Л. 203; Ф. 1283. Оп. 1 (1 делопр. 1899 г.). Д. 8. Л. 5; Ф. 1283. Оп. 1 (1 делопр. 1908 г.). Д. 18. Л. 3; Ф. 1283. Оп. 1 (1 делопр. 1905 г.). Д. 26. Л. 5.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1 (1 делопр. 1908 г.). Д. 18. Л. 1.
- ²¹ Там же.
- ²² Одесские новости. 1902. 10 фев. № 5547.
- ²³ Бессарабец. 1905. 22 марта. № 2523.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1 (1 делопр. 1908 г.). Д. 18. Л. 99.
- ²⁵ РГИА Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1221. Л. 285.
- ²⁶ Одесские новости. 1914. 10 мая. № 9349.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1 (1 делопр. 1908 г.). Д. 18. Л. 118, 119.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1288. Л. 51, 52.
- ³⁰ РГИА. Ф. 874. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ³¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1221. Л. 4.
- ³² Гражданин (С.-Петербург). 1911. 6 фев. № 5.
- ³³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1221. Л. 183–185.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1221. Л. 262, 263.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1221. Л. 269–272.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187 (1906 г.). Д. 157. Л. 3.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187 (1906 г.). Д. 157. Л. 5.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187 (1906 г.). Д. 157. Л. 19.
- ⁴¹ Одесские новости. 1914. 10 мая. № 9349.
- ⁴² Крылов-Толстикович А. Придворный календарь на 1915 г.: Комментарии. М., 2015. С. 358.
- ⁴³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 9415. Л. 7.
- ⁴⁴ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи, 1917 – 1991. Т. 3. М., 2001. С. 570.
- ⁴⁵ Крылов-Толстикович А. Придворный календарь на 1915 г.: Комментарии. М., 2015. С. 356.
- ⁴⁶ Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М., 2008. С. 313.
- ⁴⁷ Государственное специальное хранилище Службы информации и безопасности Республики Молдова (ГСХСИБРМ). Фонд лиц, политически репрессированных. Д. 016325. Л. 3,3об.
- ⁴⁸ ГСХСИБРМ. Фонд лиц, политически репрессированных. Д. 016325. Л. 7.

- ⁴⁹ ГСХСИБРМ. Фонд лиц, политически репрессированных. Д. 016325. Л. 8.
- ⁵⁰ ГСХСИБРМ. Фонд лиц, политически репрессированных. Д. 016325. Л. 9.
- ⁵¹ ГСХСИБРМ. Фонд лиц, политически репрессированных. Д. 016325. Л. 9.

Автор, аннотация, ключевые слова

Морозан Владимир Васильевич – докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета
v_moga@mail.ru

В статье исследуется столетняя история семьи Крупенских. В качестве источников использованы ранее неизвестные архивные документы и материалы периодической печати Кишинева и Одессы. Обширный род Крупенских – один из самых известных дворянских родов Бессарабии. Многие представители этой фамилии оставили заметный след в истории Молдавии и России. Из этого рода вышли известные российские политики, дипломаты и общественные деятели. Трудно найти в истории России род, среди которого было столько лиц с придворными чинами. Общественная деятельность Крупенских была особенно активна. Несколько поколений занимали должности губернского или уездного предводителей дворянства. Члены этого рода отличались богатством, высокой образованностью и общественным успехом. Их обширные земельные владения раскинулись не только по разным уездам родной губернии, но и далеко за пределами Бессарабии. Некоторые из Крупенских проявили себя щедрыми благотворителями, жертвовавшими значительные суммы денег на нужды края. На их средства содержались больницы, строились и финансировались учебные заведения.

Крупенские, дворянский род, Бессарабия, Бессарабская губерния, дворянское собрание, предводитель дворянства, дворянское самоуправление, местное самоуправление, Министерство внутренних дел, генеалогия, фамильная история, краеведение.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bezviconi Gh. Familia Krupenski în Basarabia [The Krupinskiy Family in Bessarabia]. *Din trecutul nostrum*, 1939, no. 10, pp. 5–52.
2. Bezviconi Gh. Familia Krupenski în Basarabia [The Krupinskiy Family in Bessarabia]. *Din trecutul nostrum*, 1939, no. 10, pp. 6, 7.
3. Bezviconi Gh. Familia Krupenski în Basarabia [The Krupinskiy Family in Bessarabia]. *Din trecutul nostrum*, 1939, no. 10, p. 13.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Karelin V.A. Anatoliy Nikolaevich Krupenskiy: pervyy diplomaticheskiy predstavitel Rossii v nezavisimoy Norvegii (1905 – 1912) [Anatoliy Krupenskiy: Russia's First Diplomatic Representative to Independent Norway (1905 – 1912)]. *Vestnik Barents-tsentra MGPU* [Bulletin of MGPU Barents-Center]. Murmansk, 2009, vol. 8, pp. 95–98.

(Monographs)

5. Abrikosov D.I. Sudba russkogo diplomata [The Fate of a Russian Diplomat]. Moscow, 2008, p. 313.

6. Kantemir D. Deskrierya Moldovey [A Description of Moldavia]. Kishinev, 1975, p. 163.

7. Krylov-Tolstikov A. Pridvornyy kalendar na 1915 g.: Kommentarii [The Court Calendar for 1915: Some Comments]. Moscow, 2015, p. 356.

8. Krylov-Tolstikov A. Pridvornyy kalendar na 1915 g.: Kommentarii [The Court Calendar for 1915: Some Comments]. Moscow, 2015, p. 358.

Author, Abstract, Key words

Vladimir V. Morozan – Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
v_moga@mail.ru

The article studies a century-long history of the Krupenskiy family. The sources used in the article include previously unknown archival documents and some press materials published in Kishinev and Odessa. The Krupenskies is one of the most famous noble families in Bessarabia many of whom became prominent in both Moldova and Russia as politicians, diplomats and public figures. There is hardly another family in Russian history which would possess so many court ranks. However, they were particularly noted for their public activities. Over generations they acted as heads of the nobility in Russia's provinces and districts. Members of this family were rich, highly educated and publicly recognized, with their huge land possessions spreading over Bessarabia and far beyond. Some of the Krupenskies were also known as generous philanthropists donating significant amounts of money to finance hospitals, schools and other regional needs.

Krupenskies, noble family, Bessarabia, Bessarabian Province, Nobility Association, marshal of nobility, nobility self-government, local self-government, Ministry of Internal Affairs, genealogy, family history, local history.

О.Д. Попова, А.Д. Попова

**БУНТУЮЩАЯ СЕМИНАРИЯ:
ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
(вторая половина XIX – начало XX веков)***

O. Popova, A. Popova

**The Rebellious Seminary:
The Protest Movement in Spiritual Educational Institutions
(second half of the 19th – beginning of the 20th Centuries)**

Бунтующая семинария – явление, вошедшее ярким штрихом в историю России начала XX в.

Интерес к этой проблеме проявился у отечественных историков сравнительно недавно. Однако большинство из имеющихся исследований пока носят узко региональный характер или хронологически ограничены годами Первой русской революции¹. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Хохлова, что причины и этапы протестного движения семинаристов еще обстоятельно не изучены². Он же в своей статье отмечает, что в ряде публикаций причины протестов трактуются как досадное недоразумение, вызванное революционным движением. Сам же А.А. Хохлов в качестве провоцирующего фактора отмечает «зжатость» духовных семинарий в рамках одногословия³.

Представляется, что для понимания сущности протестного движения важным является выделить его основные этапы, проследить причины волнений, насколько сословные традиции оказали влияние на развитие протестного движения, а также показать, как эволюция протестного движения отражала общий ход модернизационных процессов.

* * *

Наиболее ранние сведения о бунтующих семинаристах находятся в мемуарах воспитанника Воронежской духовной семинарии, которые принадлежат предположительно Сердобольскому Александру Петровичу, чья учеба пришлась на 1859–1965 гг. Он пишет, что нередко студенты поднимали бунт по причине плохой еды: «"Бунт" состоял в том, что хлеб или щи в миске брал один из вожаков и шел к эконому (на второй двор) или к инспектору, за ним следовала мас-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX – XX веков» (№ 16-01-00468/17-ОГОН).

са товарищей. Явившись с “поличным”, они заявляли свою претензию»⁴. Как отмечает автор, поводом к такому бунту стала совершенно непригодная пища: когда хлеб был очень плох, щи с тараканами и прочее. Причем итог такого бунта мог быть различным: иногда инспектор распорядился выдать всем по калачу, а иногда зачинщики оказывались в карцере. При этом следует отметить, что такие мелкие бунты даже не доходили до сведения Синода, а остались только на страницах мемуаров.

Дурно приготовленная и малопитательная пища, плохие условия жизни, в общем-то, типичное явление для большинства учебных заведений духовного ведомства. Скучное содержание воспитанников очень часто исходило не только из-за нехватки средств, но из-за ментальных сословных установок. Духовенство рассматривалось как малообеспеченный слой, который по своему уровню недалеко ушел от крестьянского сословия. Очень многие руководители епархий не стремились изыскивать необходимые средства для содержания семинаристов, руководствуясь соображениями, что будущим сельским пастырям не следует привыкать к роскошной и сытой жизни. Поэтому субъективные воспоминания семинаристов об условиях их жизни порой резко разнились с оценкой инспектирующих семинарию ревизоров.

Так, воспитанник Одесской духовной семинарии, чьи годы учебы пришлись на середину 1870-х гг., писал: «Содержали нас, вообще говоря, прилично, хотя кормили опять-таки довольно скудно»⁵. А ревизор, проводивший ревизию данного учебного заведения в 1873 г., отмечал: «Содержание казнокоштных учеников пищей и платьем удовлетворительные»⁶.

Модернизационные процессы меняли представления о различных вещах, в том числе о том, в каких условиях должны расти дети, включая и обучающихся в закрытых учебных заведениях. Однако эти изменения происходили медленно и мозаично. Если одни понимали недопустимость плохого питания, то другие крепко придерживались старых представлений и вспоминали свои юношеские годы, когда плохое питание было нормой даже в привилегированных учебных заведениях. Поэтому оценки бытовых условий, даваемые выпускниками семинарий, особенно в конце XIX в., резко отличались от выводов официальных ревизий.

Также серьезным поводом к возмущениям семинаристов могли послужить условия внутренней жизни. Ревизоры, оценившие состояние семинарии, в разделе «воспитательная часть» оценивали только соблюдение семинаристами дисциплины и выполнение христианских обязанностей. Поэтому руководство многих учебных заведений совершенно не заботилось об организации досуга учащихся, развитию их вне учебных занятий и сводило всю воспитательную работу только к контролю за поведением воспитанников. Семинаристы, приехавшие учиться в семинарию, оказывались оторванными

от дома, в очень сложных жилищных условиях и при этом в воспитательной системе, которая порой сводилась к совершенно бессмысленной муштре.

Именно весьма тяжелые бытовые условия жизни и совершенно неумелые попытки навести дисциплину привели к волнениям в Воронежской духовной семинарии в 1879 г., которые не просто дошли до Учебного комитета Синода, но и стали предметом внеочередной ревизии, которую проводил вице-директор канцелярии обер-прокурора Синода действительный статский советник И. Чистович.

Как следует из доклада проверяющего, поводом к беспорядкам послужила деятельность нового инспектора священника Ляборинского, который был назначен инспектором семинарии в январе 1879 г. вместо прежнего инспектора Вишневого. Последний распустил дисциплину в семинарии, и поэтому новый начальник сразу ввел ряд дисциплинарных мер: в церкви оградил места для семинаристов, ввел перекличку после богослужения, установил билеты для семинаристов, отпускаемых из училища⁷.

Непривыкшие к дисциплине семинаристы оценили это как произвол. Воспитанники в начале февраля начали выражать свое возмущение вывешиванием листков с призывом к неповиновению: «Семинаристы, знаете ли вы, что такое человеческое достоинство? Нет, вы не знаете этого. Вы остаетесь глухи и немые, когда инспектор говорит вам «ты», с позорным криком «Пошел вон!» гонит вас из за стола, вытаскивает из брюк рубашку, толкает и производит разные безобразные посягательства на вашу неприкосновенность. <...> Вы допускаете ваших надзирателей называть вас свиньями, баранами и издеваться над вами. Вы считаете естественными неосновательные обыски и выворачивание карманов. Ради человеческого достоинства, чтобы не казаться скотами, вы не должны допускать насилия над собой»⁸.

Кроме публичных листовок, инспектор стал получать и письма с угрозами. В марте недовольство семинаристов вспыхнуло с новой силой, и причиной тому послужила некачественная пища. Размах недовольства был так велик, что дело дошло до губернатора А.В. Богдановича, который назначил ревизию с участием врача. Ревизия показала, что часть припасов совершенно непригодна к пище. Эконома заменили на нового, стол у семинаристов улучшился, но только временно. Летние каникулы не остудили бунтующий дух семинаристов и волнения продолжились. В октябре семинаристы неоднократно разбивали камнями окна в квартирах инспектора и ректора, а 3 ноября в квартиру инспектора была брошена фунтовая коробка пороха, произошел взрыв, пострадала квартира инспектора⁹.

В своем отчете ревизор отмечал, что главной причиной беспорядков стало неумение инспектора работать с воспитанниками, также весьма слабым был подбор помощников инспектора семинарии. При этом в качестве «случайного» повода к волнениям ревизор упо-

минал обстоятельства санитарно-гигиенического плана: отсутствие бани и нормального туалета в семинарии. В результате по итогам проверки инспектор Ляборинский был уволен, ректору семинарии поставили на вид за то, что мало вникал в дела семинарии и дела воспитанников. Однако очевидно, что причины данных беспорядков копились давно, поведение инспектора Ляборинского стало последней каплей.

В отчете ревизора Мирапольского, который инспектировал семинарию годом ранее, в 1878 г., отмечалось, что семинария находится в состоянии «внутреннего и внешнего благоустройства», «воспитательная часть также была поставлена хорошо»¹⁰. Хотя от глаз инспектора не ушли ужасное состояние туалетов и отсутствие бани: «Ретирады – верх безобразия». При первом входе в семинарию посетителя обдает жутким зловонием, которое проникает везде»¹¹. Тем не менее, ревизор завершил свои наблюдения о состоянии экономической части семинарии весьма благоприятным выводом: «Хозяйственная часть семинарии вообще велась исправно, хотя мне приходилось слышать, что экономом будто неисправен и не чужд злоупотреблений, но заявления эти были голословные и фактических данных мне не было предоставлено»¹².

Таким образом, на первом этапе волнения носили спонтанный и эпизодический характер. В целом это роднит выступления семинаристов с первыми революционными проявлениями в стране, однако в духовных учебных заведениях причины недовольства были усугублены внутренними проблемами духовных семинарий, которые были продиктованы сословным устоями России.

Безусловно, семинарии не могли находиться в изолированном мире. И общественные брожения второй половины XIX в. оказали влияние на течение внутренней жизни духовно-учебных заведений.

Модернизационные процессы будоражили умы всех сословий. Как пишет в своих воспоминаниях воспитанник Костромской духовной семинарии, чья учеба пришлась на начало 80-х гг. XIX в., у учащихся было острое желание обсудить наиболее актуальные вопросы жизни с кем-то из старших. Однако именно условия внутренней жизни, закрытый характер семинарии выступали катализатором к тому, что семинаристы уходили в революционную деятельность: «Ученики духовной школы, как и всякие дети, оставив родительский кров и в нем теснейшее общение со старшими, не могут не чувствовать недостатка в этом общении в школе, наполовину закрытой. Особенно этот недостаток, повторим, чувствуется в переходном от отрочества к юности возрасту, когда начинают создаваться мирозерцание и убеждения, и семинарист, не находя отзыва и сочувствия в казарменной обстановке своего заведения, невольно порывается иметь знакомства со старшими вне его»¹³.

Семинарская библиотека была очень скудна, чтобы найти в ней какие-то ответы. Поэтому семинаристы активно контактировали с

ссылными, которые в это время проживали в городе. Материалы ревизии за 1883 г. свидетельствуют, что руководство Костромской семинарии старательным образом принимало меры, чтобы усилить закрытый характер семинарии. После того, как в 1879 г. среди учащихся был случай появления подпольного журнала «Вперед», инспекция приняла меры, чтобы воспитанники не брали книги со стороны без ведома семинарского начальства. При этом ревизор констатировал: «Запас книг в библиотеке достаточен, но учащимся не нравится, что выбор книг в ней сделан со строгим разбором и из числа книг исключены журналы. Поэтому они и стараются добывать на стороне»¹⁴.

Автор мемуаров вспоминал, что у семинаристов сформировалась подпольная библиотека, которая комплектовалась по советам ссыльных. И можно предположить, что эта библиотека, несмотря на карательные действия руководства, сохранялась до 1890 г. В 1890 г. у воспитанника Подора Прозорова при обыске, произведенном полицией 4 декабря 1890 г., была обнаружена тетрадь, в которой был перечень литературы самого разного содержания. Возможно, это был каталог той подпольной библиотеки¹⁵.

В результате такой ограничительной деятельности руководства семинарии ее учащиеся втягивались в деятельность различных подпольных организаций. Например, 13 февраля 1891 г. из Костромского губернского жандармского управления поступил запрос сразу на 12 учеников. 16 июня 1891 г. на своей квартире было арестовано два ученика 6 класса Евгенов Николай и Княжевский Аркадий. Первый из них вскоре был освобожден, а последний был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого по ст. 250 Уложения о наказаниях, был отвезен в С.-Петербург и отдан под стражу¹⁶.

Таким образом, модернизационные процессы проникали в закрытый мир духовных учебных заведений, многообразно влияя на умы семинаристов: от осознания недопустимости антисанитарных условий жизни до желания переосмыслить происходящие социальные процессы.

В ответ Синод и правительство ответили на такие движения семинаристов ужесточением дисциплинарных мер. В 1882 г. был издан секретный циркуляр № 151 на имя епархиальных архиереев, который обязывал руководство семинарий следить за содержанием семинарских библиотек, изымать оттуда все либеральные и революционные издания, а также следить за чтением воспитанников. В 1884 г. издается императорский указ «О мерах к возвышению религиозно-нравственного воспитания в православных духовно-учебных заведениях», в соответствии с которым православное духовенство обязывалось следить за поведением семинаристов во время каникул¹⁷. 21 июня 1899 г. Синод принимает указ, в соответствии с которым предписывалось немедленно закрывать семинарию в случае возникновения массовых беспорядков, а о случившемся докладывать в

Синод, а согласно циркуляру от 21 декабря 1901 г. предписывалось немедленно увольнять участников забастовки¹⁸.

Руководство семинарий порой так ревностно выполняло данные положения, что сами воспитанники оказывались вне какого-либо правового поля. А.А. Хохлов указывает на случай, когда ректор Казанской семинарии в 1901 г. самолично учинил обыск в квартире учеников, подозревая их в хранении нелегальной литературы¹⁹.

В современной литературе массовые волнения семинаристов четко связывают с революционными событиями 1905–1907 гг. Между тем волнения в массовом порядке уже начались в первые годы XX в. В это время произошли волнения в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Пермской, Тобольской и других семинариях²⁰.

Большинство из них проявлялись в нарушении внутренней дисциплины. Весьма показательным примером являются обстоятельства волнений, произошедших в Рязанской духовной семинарии в марте 1901 г. Сам факт беспорядков дошел до губернатора Н.С. Брянчанинова. Как свидетельствует его доклад на имя обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, размах волнений был так велик, что пришлось привлекать полицию, усмирять семинаристов приехал вице-губернатор А.А. Лодыженский. Семинаристы устроили массовые беспорядки, которые выразились в массовом нарушении дисциплины, воспитанники разбили все, что можно было разбить, выбрасывали из окон обломки мебели, поленья дров, при этом не давая войти в здание ни полицейским, ни вице-губернатору. В результате руководство семинарии решило приостановить занятия и выдать всем воспитанникам увольнительные билеты. Сам отпуск воспитанников по домам напоминал военную операцию. Для организации отправки домой учащихся, чтобы не возникла новая волна бунта, руководство обратилось за помощью к полиции. 13 марта в семинарию была введена полицейская команда из 45-ти городовых, двух приставов и трех помощников приставов²¹. Семинаристам было объявлено о прекращении занятий. Каждый семинарист по очереди отводился под наблюдением полиции в гардеробную за вещами и препровождался на вокзал, для чего было привлечено достаточное количество извозчиков²².

Весьма богатый материал для анализа причин волнений дают результаты ревизий, которые проводились по следам произошедших беспорядков чиновниками Учебного комитета Синода. Эти отчеты содержали изложение самих событий в учебном заведении, доклады должностных лиц, а также описание обстоятельств жизни воспитанников, сопровождаемые весьма интересными комментариями о личностях и состоянии дел.

Как отмечал в своем докладе Рязанский губернатор Н.С. Брянчанинов, он не усматривал в причинах волнений политической подоплеки и просил обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева на-

править чиновника для ревизии дел в духовной семинарии²³. Сами семинаристы в своей петиции также подчеркивали, что их волнения вызваны именно обстоятельствами внутренней жизни самого учебного заведения. Они требовали увольнения ректора и инспектора. Жалуясь на воспитательную систему, они писали: «Каждый воспитанник жил под страхом увольнения из семинарии. Страх является единственным воспитательным средством. <...> Инспектор является автором многих мелочных правил, запрещений и постановлений»²⁴. При этом, как свидетельствует текст петиции, еще одно волнение семинаристов было в 1897 г., и оно было скрыто руководством семинарии от начальства. По словам семинаристов, главная причина их недовольства – это стремление руководства любым способом сократить количество воспитанников в старших классах из-за переполнения. Начальство для решения этой проблемы использовало только один метод – отчисление из семинарии за любой проступок, причем с низкой оценкой за поведение. А низкий балл по поведению в то время означал фактически невозможность устроиться на государственную службу. В петиции также содержалось требование разрешить свободный выход в город. Далее – требование разрешить пользоваться фундаментальной библиотекой семинарии. Дело в том, что в семинарии существовали две библиотеки – ученическая, где была в основном учебная и «программная» литература, и фундаментальная, в которой хранились очень серьезные книги, и брать их семинаристы могли только с особого в каждом случае позволения преподавателя. В этой же петиции были выдвинуты требования по улучшению содержания воспитанников²⁵.

Ревизор, проводивший проверку, отметил, что вся воспитательная система носит карательный характер: воспитанники наказывались за посещение театра, за курение в жилых помещениях, за самовольные отлучки из общежития семинарии. При этом инспектор широко применял такие меры как снижение оценки за поведение, исключение из общежития и отчисление из семинарии. Одновременно в отчете отмечалось, что никакого нравственного общения между учениками и инспекцией не было²⁶. Инспектор или же его помощники заходили в класс только с одной целью – либо сделать объявление, либо произвести внушение воспитанникам. Кроме этого, проверяющий зафиксировал плохие санитарно-гигиенические условия жизни воспитанников: тесные классы со спертым воздухом, не очень чистые спальни, где полы мылись один раз в неделю²⁷.

Совершенно противоположные причины увидел проверяющий, анализируя обстоятельства беспорядков в Смоленской духовной семинарии в 1903 г., которые состояли в массовом нарушении дисциплины. Член Учебного комитета Синода Тихомиров, осуществляющий проверку, в своем отчете отмечал, что причиной беспорядков стало полное попустительство в воспитательном процессе, проявленное ректором семинарии архимандритом Алипием, кото-

рый был назначен с августа 1901 г. Ректор предоставил большую свободу своим воспитанникам: отпускал их большими группами на концерты, спектакли, где их оказывалось больше, чем воспитанников светских учебных заведений, после концертов они в благородном собрании оставались на танцы. По любому поводу («за вещами», «за теплым пальто», «за скрипкой», «на свадьбу») он отпускал семинаристов во время учебного года за пределы семинарии²⁸. При этом ректор безоговорочно верил всем жалобам воспитанников на преподавателей, ставя последних в неудобное положение.

В целом начальство во многих учебных заведениях было не готово работать в тех условиях, в которых оказались семинарии в конце XIX в. Плохие условия жизни – это не новость в жизни «бурсы». Например, в мемуарах воспитанника Одесского духовного училища, которые относятся к середине XIX в., нарисованы просто жуткие картины быта: «Белье на постелях переменялось очень редко, а в матрацах водились всякие насекомые. Особенно много было вшей, которые свободно разгуливали и по головам, и по платью учеников. Бурсаки притерпелись к насекомым, как неизбежным спутникам своим, и не обращали на них никакого внимания»²⁹. Однако в середине века такие условия порой воспринимались скорее как норма. Описанные выше «бунты» в Воронеже были скорее исключением, чем правилом. В начале XX в. многие семинарии продолжали содержаться по старинке, руководство не желало что-то менять в содержании учеников. А вот ученики, мировоззрение которых формировалось на фоне модернизационных процессов, уже такого отношения к себе терпеть не хотели. Если в середине века попустительство руководства или же наоборот жесткий надзор за каждым учеником вполне сходили с рук, то на рубеже веков неумелое руководство становилось дополнительным катализатором волнений.

В качестве одной из существенных причин беспорядков в духовных семинариях следует выделить еще одно обстоятельство. Яркой чертой модернизационных процессов было отмирание сословности. Однако догоняющий характер российской модернизации определил, что это происходило де-факто, а не де-юре, вполне логичный акт об отмене сословий так и не стал элементом ни александровской модернизации, ни Первой русской революции. Особенно болезненно это ощущалось в духовном сословии, для которого было нормой, что сыновья священников должны были также стать пастырями, и соответственно весь режим жизни духовных семинарий должен был их готовить именно к духовному служению. Очевидно, что далеко не каждый рожденный в семье духовенства по наследству вместе с сословным статусом получает осознанное желание быть священником.

Контрреформы Александра III сузили возможности учащихся семинарий поступить в университет, а в самих семинариях усиленно навязывались монастырские порядки, чему воспитанники активно

сопротивлялись. Как отмечается во многих мемуарах бывших воспитанников, одним из самых распространенных нарушений дисциплины было уклонение от посещения богослужений или нарушение порядка во время богослужения. Для многих семинаристов сама служба была формальным делом и многие во время богослужения искали пути разнообразить времяпровождение. Поэтому очень часто элементами бунта были именно беспорядки во время богослужения. Например, в Смоленской семинарии одним из поводов к бунту стало заседание Педагогического совета, где должны были рассматривать меры к ученикам, допустившим грубое нарушение дисциплины. Среди прочих должны были рассматривать поведение воспитанника 6 класса, который 28 февраля во время богослужения, участвуя в церковном хоре и находясь в нетрезвом состоянии, безобразно крикнул при пении 9-го канона³⁰. По наблюдениям ревизора, проводившего ревизию Смоленской семинарии в 1903 г., в кондуитной книге за два с половиной года было зафиксировано 111 фактов уклонения от богослужения, 51 случай уклонения от молитвы³¹. Поэтому можно сделать вывод, что одной из причин волнений была именно сословная организация жизни семинарии, однако сами воспитанники эту причину ощущали скорее на интуитивном уровне.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и влияние общественного подъема и революционного движения. Представляется, что требования рязанских семинаристов беспрепятственно выходить в город были продиктованы не только нуждой в свежем воздухе, как это аргументировалось в петиции, но и желанием уйти от надзора начальства и общаться с молодежью из других учебных заведений. На рубеже веков были не редки факты, когда семинаристы оказывались замешанными в революционном движении и были замечены в распространении нелегальной литературы. Однако все требования семинаристов в основном сводились только к проблемам конкретных учебных заведений.

Таким образом, на рубеже веков сословная причина беспорядков пока проявлялась на латентном уровне, воспитанники выражали ее скорее бессознательно, выдвигая на первый план противоречия непосредственно жизни в семинарии. А вот в ходе Первой русской революции начался новый этап протестных движений в духовных учебных заведениях. В вихрь революционных движений были втянуты как мужские, так и женские духовные учебные заведения. В 1905–1907 гг. волнения среди семинаристов носили массовый характер и имели место в Каменец-Подольском, Вятке, Тифлисе, Рязани, Смоленске, Москве, Екатеринославле, Самаре, Полтаве, Харькове, Ярославле, Саратове, Владимире, Витебске и других городах. Сведения о волнениях в женских епархиальных училищах не нашли такого яркого отражения в периодике и делопроизводстве Синода, но можно, опираясь на документы того же Синода, с уверенностью сказать, что проявления недовольства наблюдались в Курском, Твер-

ском, Тифлисском, Пензенском, Самарском епархиальных училищах.

Традиционные формы бунта, то есть факты нарушения дисциплины в этот период достигли огромного размаха. Например, Тихомиров, проводивший ревизию в Вятской духовной семинарии, отмечал, что воспитанники семинарии в массовом порядке отказывались посещать занятия, пьянство достигло «геркулесовских столпов»³². Среди воспитанников распространялись рукописные журналы «Осколки», «Хулиган», «Мысли»; по оценке ревизора, – «литературное ничтожество, духовное убожество, юношеский задор и дешевое политиканство»³³. В ряде духовных семинарий произошли покушения на жизнь ректоров и инспекторов классов. Так, в 1906 г. произошло покушение на жизнь ректора Тульской духовной семинарии архимандрита Георгия³⁴, в 1907 г. в Воронежской семинарии – покушение на инспектора классов Романовского³⁵, а в Тамбовской семинарии – на ректора архимандрита Симона³⁶.

В этот период волнения перешли уже на другой уровень не только по размаху и по жесткости по отношению к начальству, но и по форме проявления и организации. Важным новшеством было организованное прекращение занятий и организованная подача петиций воспитанниками начальству, при этом с расчетом уже не на местное начальство, а на Синод. Причем петиции подавали не только семинаристы, но и воспитанницы женских епархиальных училищ. Нередко такие петиции подписывали и преподаватели. Анализ таких обращений показывает, что недовольство сословным характером духовной школы достигло апогея. В большинстве петиций среди первых требований было желание вернуться к идеям устава 1867 г. В частности, витебские семинаристы третьим пунктом своей петиции высказывали следующее пожелание: «Ходатайствовать о скорейшем пересмотре семинарского устава по выделению 2-х старших классов в специальные, с правом поступления во все высшие учебные заведения, выпускников 4-х общеобразовательных классов»³⁷. Точно с таким же требованием выступили воспитанники Орловской духовной семинарии³⁸.

В 1905–1907 гг. эти выступления уже носили организованный характер. Так, протоколы заседания Педагогического совета Смоленской духовной семинарии свидетельствуют, что подстрекать семинаристов к забастовке приехал представитель Харьковской духовной семинарии. Причем поведение последнего было весьма агрессивно, он обзывал «смоленскими подлецами» всех тех, кто не желал присоединиться к забастовке³⁹. Среди самих учащихся мнения разделились, и они даже просили у ректора разрешение провести специальную сходку, чтобы обсудить этот вопрос. В результате голосования мнения разделились: за продолжение занятий было подано 126 голосов, за прекращение – 224 голоса, 14 человек в голосовании участия не принимали⁴⁰.

Об организованном характере волнений и о фактах угроз в адрес тех семинаристов, которые отказывались от забастовки, публично пытался донести до общественности на страницах газеты «Колокол» (затем данная заметка была перепечатана «Вятскими епархиальными ведомостями») священник Стефан Крекнин, чей сын учился в Вятской духовной семинарии. В своем обращении он писал: «В Вятке я достоверно узнал, что некоторые семинаристы подписали заявление о бойкоте против своей воли, под влиянием сильных угроз»⁴¹.

Как показали исследования Н.С. Ватник, волнения в духовных семинариях были частью протестного движения, в которое были вовлечены учащиеся всех типов школ. Определенную организационную роль сыграл съезд семинаристов, который состоялся во Владимире в июне 1905 г.⁴²

Бурные выступления семинаристов не обошлись без политического влияния. Бунтующая семинария нередко присоединялась и к акциям политического протеста. В частности, в Ярославле в 1905 г. семинаристы возглавили первомайскую демонстрацию, в ходе которой курсировали на лодках под красными флагами с выкриками лозунга «Долой самодержавие!»⁴³. Однако, как показывают исследования Т.Г. Леонтьевой и Н.С. Ватник, требования питомцев школы (причем не только духовной), были далеки от политики и выражали в первую очередь корпоративные интересы. Анализ петиций и требований воспитанников в первую очередь указывает именно на сословный характер причин волнений. Как отмечает Т.Г. Леонтьева, семинарии в начале XX в. стали отражением системного кризиса духовного сословия, что являлось катализатором протестного движения, а не чистым проявлением революционности как таковой⁴⁴.

Об этом же свидетельствует и тот факт, что брожения среди семинаристов продолжались и в послереволюционные годы. На этом этапе проявился не только организованный характер выступлений, но и то, что семинаристы попытались использовать новые правовые механизмы и те социальные институты, которые родились в годы Первой русской революции. А вот начальство эти новые правовые механизмы не понимало и, более того, рассматривало такие попытки как нарушение существующих норм. В 1908 г. в семинариях стала распространяться листовка тульских семинаристов, в которой содержался призыв к новым выступлениям. Среди прочего авторы ее заявляли о начальстве своей семинарии: «Идя рука об руку с бюрократическим правительством, оно крепко держится своих традиций и желает сделать из нас не истинных граждан своего отечества со светлыми началами жизни, но бессловесных рабов, для которых нет уже свободной личности, ни свободы убеждения, ни свободы совести. Однако наше начальство не довольствуется этим, а идет дальше, он сделало решительный шаг в том направлении, чтобы двери университета были для нас закрыты, другими словами говоря: оно

стремится лишить нас того, что для каждого из нас было заветной мечтой»⁴⁵. Здесь же содержался призыв обращаться за поддержкой к депутатам Государственной думы. Материалы Учебного комитета Синода свидетельствуют, что это обращение, отпечатанное на машинке, появилось во многих духовных семинариях, в частности в Тифлисской, Орловской и Калужской⁴⁶.

В 1913 г. эта инициатива вспыхнула с новой силой. По семинариям гуляла прокламация призывающая подписать обращение к депутату Государственной думы Ф.И. Родичеву с просьбой поставить на обсуждение Государственной думы вопрос о допущении семинаристов IV–VI классов в университеты без экзаменов⁴⁷.

Поводом послужил юбилей дома Романовых: в этот год поданные российской империи ожидали милостей в честь юбилея. Питали немалые надежды и семинаристы. Подобные листовки ходили в Орловской, Псковской, Черниговской, Воронежской, Тифлисской семинариях. Причем в этом случае сами семинаристы действовали в правовом поле: в соответствии с провозглашенными 23 апреля 1906 г. «Основными государственными законами» поданные имели право «высказывать устно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами»⁴⁸.

А вот начальство продолжало мыслить старыми категориями. Оно не хотело признавать право семинаристов обращаться в Государственную думу и право детей духовенства на выбор светской сферы деятельности. Все эта инициатива обсуждалась в переписке под грифом «доверительно». Очень показательны в этом плане строки из письма ректора Минской духовной семинарии: «...Если и имел место печальный факт [Подача петиций. – *О.П., А.П.*], то можно с уверенностью сказать, что было делом лишь нескольких лиц <...> Среди воспитанников Минской семинарии не так сильно заметно стремление к высшему светскому образованию»⁴⁹. И остальные руководители семинарий убеждали обер-прокурора Синода В.К. Саблера, что если в их подведомственном заведении и были факты подачи таких петиций, то исходили они от отдельных лиц, а все прочие – это благовоспитанные ученики.

При этом руководство отдельных учебных заведений продолжало поддерживать казарменный режим, жестко контролируя соблюдение христианских обязанностей и не понимая, что именно это и провоцирует беспорядки. Так, одной из причин беспорядков в Псковской духовной семинарии в 1913 г. было поведение инспектора Якубовского. В частности, он, замечая, что не все воспитанники в церкви делают земной поклон, ходил по рядам учеников и делал замечания, при этом сам, делая земной поклон, в этот момент поворачивал голову в сторону учеников и наблюдал за ними⁵⁰.

* * *

Таким образом, эволюция протестных движений семинаристов является ярким отображением особенностей модернизационных процессов в России. Протестное движение семинаристов проходило вполне логичный путь развития всех протестных движений.

Первым этапом можно назвать середину XIX в. – первые часто стихийные выступления, вызванные недовольством порядками внутреннего быта.

Вторым этапом стал рубеж XIX–XX вв., характерной чертой которого была массовость таких выступлений, катализирующим фактором по-прежнему были внутренние порядки семинарий. Однако на этом этапе уже ярче стало проявляться противоречие между сословным образом жизни, навязываемым молодым людям в семинариях, и модернизационными процессами.

Годы Первой русской революции можно назвать третьим этапом протестного движения семинаристов. Его характеризуют организованность, проявившаяся в подаче петиций и акциях протеста. Однако анализ петиций по-прежнему указывает на сословную причину выступлений.

Четвертым этапом стали послереволюционные годы, на котором бунтующая семинария сочетала протестные формы выступлений с правовыми методами заявления своих прав. Однако опять же все требования касались, прежде всего, организации духовной школы в России.

В этом плане сознание самих семинаристов может быть названо и носителем, и продуктом модернизационных процессов. Они не просто быстрее своих наставников и руководителей осознавали происходившие в стране изменения в плане недопустимости плохого содержания воспитанников, которое само руководство считало нормой, ибо само выросло в аналогичных условиях. Самое главное, они более активно усваивали и новые формы высказывания требований вплоть до использования правовых способов борьбы.

Особенности догоняющей модернизации наложили на протестное движение свой неизгладимый отпечаток. Сохранение сословного строя духовных семинарий на фоне фактического постепенного отмирания сословности становилось катализатором протестных движений, придавая ему особенный характер. Неслучайно значительное место среди требований семинаристов стало смягчение монастырских порядков и разрешение поступать в университет.

Примечания

¹ Хохлов А.А. О характере внутренней жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX – XX столетий // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 93–101; *Ватник Н.С.* Корпоративное и общегражданское в движении учащихся средних школ в период подъема первой российской революции // Исторические, философ-

ские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (59). С. 33–36; *Практ Д.В.* Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 133–138; *Ушаков А.В.* Движение учащихся духовных семинарий России в конце XIX – начале XX веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2 (8). С. 8–14.

² *Хохлов А.А.* О характере внутренней жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX – XX столетий // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки 2013. № 3-1. С. 94, 95.

³ *Хохлов А.А.* О характере внутренней жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX – XX столетий // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 98.

⁴ *С-к-й.* Из воспоминаний Воронежского семинариста 1859 до 1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1899. № 19. Часть неофициальная. С. 777.

⁵ *Галабутский Ю.Г.* Воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902. С. 17.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9 (1873). Д. 62. Л. 60об.

⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. (1879). Д. 31. Л. 2об.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 5–8об.

¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1878). Д. 41.

¹¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1878). Д. 41. Л. 53.

¹² РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1878). Д. 41. Л. 54.

¹³ Из воспоминаний о семинарии // Костромские епархиальные ведомости. 1906. № 21. Часть неофициальная. С. 840.

¹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1883). Д. 15. Л. 40об.

¹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 26. Л. 11–43.

¹⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1891). Д. 26. Л. 66об.

¹⁷ *Хохлов А.А.* О характере внутренней жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX – XX столетий // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 98.

¹⁸ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 49. Оп. 1. Д. 88 Л. 88об.

¹⁹ *Хохлов А.А.* О характере внутренней жизни Казанской духовной семинарии на рубеже XIX – XX столетий // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 96.

²⁰ *Практ Д.В.* Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 135.

²¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1901). Д. 29. Л. 4об.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ Там же. Л. 8об., 9.

²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1901). Д. 66. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 36.

²⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 102. Л. 16.

²⁹ *Галабутский Ю.Г.* Воспоминаний о духовной школе 70-х годов. Киев, 1902. С. 2.

³⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 102. Л. 12об.

³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1904). Д. 44. Л. 22.

³² РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1905). Д. 36. Л. 73.

³³ Там же. Л. 79об.

³⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 41.

³⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1907). Д. 35.

³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1907). Д. 85.

³⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1905). Д. 68. Л. 13.

³⁸ *М-в В.* На развалинах старой школы // Русская школа. 1906. № 7-8. С. 222.

³⁹ ГАСО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 88. Л. 88об.

⁴⁰ Там же. Л. 87об.

⁴¹ Внимание духовенства епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 20. Отдел официальный. С. 500.

⁴² *Ватник Н.С.* Корпоративное и общегражданское в движении учащихся средних школ в период подъема первой Российской революции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 9-1 (59). С. 34.

⁴³ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 81.

⁴⁴ *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. С. 87.

⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 220. Л. 6.

⁴⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 220. Л. 29, 31, 32а.

⁴⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1913). Д. 86. Л. 9, 10.

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXVI. Ч. 1. № 27803.

⁴⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1913). Д. 86. Л. 4.

⁵⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1913). Д. 85. Л. 33об.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Попова Ольга Дмитриевна – докт. ист. наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
od-popova@mail.ru

Попова Анна Дмитриевна – докт. ист. наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

В статье рассматривается процесс эволюции протестного движения в российских духовных семинариях. Анализируя архивные документы и опубликованные воспоминания, авторы показывают, что протестное движение семинаристов были ярким отражением нескольких взаимосвязанных процессов. С одной стороны, оно отражало общий рост протестного движения стране, было неизбежным следствием догоняющей модернизации. Волнения семинаристов прошли путь от возмущений плохими условиями повседневного быта семинарий к осмысленным политическим требованиям. Эти волнения вливались в общий рост революционного движения. Как представители нового поколения семинаристы быстрее своего церковного начальства и своих учителей осознавали социально-политические изменения в стране. Это выразилось, в том числе, в попытках использовать правовые формы борьбы за свои интересы после Первой русской революции. С другой стороны, волнения семинаристов были порождены особенностями сословной жизни духовенства. Семинаристов не устраивали сохранение внутреннего режима учебных заведений, приближенного к монастырскому, требование соблюдать правила отправления культа, невозможность поступать в университеты. Авторы делают вывод, что специфика протестных движений в семинариях отразила специфику модернизационных процессов в России: догоняющий характер модернизации определил формально-юридическое сохранение сословий, тогда как фактически шел процесс размывания сословных границ.

Русская православная церковь, Синод, церковное образование, духовная семинария, сословие, духовное сословие, учащаяся молодежь, общественное сознание, социальный протест, модернизация, Русская революция 1905–1907 гг.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Khokhlov A.A. O kharaktere vnutrenney zhizni Kazanskoy dukhovnoy seminarii na rubezhe XIX – XX stoletiy [On the Nature of the Internal Life of the Kazan Theological Seminary at the Turn of the 19th – 20th Centuries.]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3-1, pp. 93–101.

2. Khokhlov A.A. O kharaktere vnutrenney zhizni Kazanskoy dukhovnoy seminarii na rubezhe XIX – XX stoletiy [On the Nature of the Internal Life of the Kazan Theological Seminary at the Turn of the 19th – 20th Centuries.]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3-1, pp. 94, 95.

3. Khokhlov A.A. O kharaktere vnutrenney zhizni Kazanskoy dukhovnoy seminarii na rubezhe XIX – XX stoletiy [On the Nature of the Internal Life of the Kazan Theological Seminary at the Turn of the 19th – 20th Centuries.].

Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki, 2013, no. 3-1, p. 96.

4. Khokhlov A.A. O kharaktere vnutrenney zhizni Kazanskoy dukhovnoy seminarii na rubezhe XIX – XX stoletiy [On the Nature of the Internal Life of the Kazan Theological Seminary at the Turn of the 19th – 20th Centuries.]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3-1, p. 98.

5. Khokhlov A.A. O kharaktere vnutrenney zhizni Kazanskoy dukhovnoy seminarii na rubezhe XIX – XX stoletiy [On the Nature of the Internal Life of the Kazan Theological Seminary at the Turn of the 19th – 20th Centuries.]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3-1, p. 98.

6. Prakht D.V. Protестnoe dvizhenie v Tobolskoy dukhovnoy seminarii v nachale XX veka [The Protest Movement in the Tobolsk Theological Seminary in the Early 20th Century.]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 2012, no. 2, pp. 133–138.

7. Prakht D.V. Protестnoe dvizhenie v Tobolskoy dukhovnoy seminarii v nachale XX veka [The Protest Movement in the Tobolsk Theological Seminary in the Early 20th Century.]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 2012, no. 2, p. 135.

8. Ushakov A.V. Dvizhenie uchashchikhsya dukhovnykh seminariy Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov [The Student Movement in Russian Theological Seminaries in the Late 19th and Early 20th Centuries.]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2011, no. 2 (8), pp. 8–14.

9. Vatnik N.S. Korporativnoe i obshchegrazhdanskoe v dvizhenii uchashchikhsya srednikh shkol v period podema pervoy rossiyskoy revolyutsii [The Corporate and the Civil in the Secondary School Student Movement in the Period of the Rise of the Russian Revolution.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 9-1 (59), pp. 33–36.

10. Vatnik N.S. Korporativnoe i obshchegrazhdanskoe v dvizhenii uchashchikhsya srednikh shkol v period podema pervoy rossiyskoy revolyutsii [The Corporate and the Civil in the Secondary School Student Movement in the Period of the Rise of the Russian Revolution.]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 9-1 (59), p. 34.

(Monographs)

11. Leonteva T.G. Vera i progress: Pravoslavnoe selskoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Faith and Progress: The Rural Orthodox Clergy of Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries.]. Moscow, 2002, p. 81.

12. Leonteva T.G. Vera i progress: Pravoslavnoe selskoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Faith and Progress: The

Authors, Abstract, Key words

Olga D. Popova – Doctor of History, Professor, Esenin Ryazan State University (Ryazan, Russia)
od-popova@mail.ru

Anna D. Popova – Doctor of History, Professor, Esenin Ryazan State University (Ryazan, Russia)
a.d.popova@mail.ru

The article examines the evolution of protest movement at Russian theological seminaries. Through analyzing archival documents and published memoirs the authors show that the protest movement was the vivid manifestation of two interdependent processes. On the one hand, it reflected the general growth of protest movement over the entire country and was caused by catch-up modernization. The seminarians passed their way from protesting against poor conditions of the seminaries toward mature political demands. Their protests contributed to the general revolutionary movement which was on the rise. As a new generation, the seminarians were more responsive to social and political changes in the country than their church authorities and teachers. This also involved legitimate forms of struggle for their interests after the first Russian revolution. On the other hand, the seminarians' unrest was caused by the specificity of the life of the clergy as an estate. The seminarians were against the inner monastery-like routine of the institutions, the rigid rules of worship as well as being denied to apply for university. It is concluded that the protest movement in seminaries reflected the particularity of modernization processes in Russia: the catch-up character of modernization accounted for estates being formally and legally kept intact whereas in fact boundaries between estates were being eroded.

Russian Orthodox Church, Synod, religious education, theological seminary, estate, clergy, students, social consciousness, social protest, modernization, Russian revolution of 1905–1907.

М.В. Грибовский

**ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
ПРОФЕССОРОВ
КАК ЯВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ***

М. Gribovskiy

**The Public Lectures of University Professors
as a Phenomenon of Urban Life
in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries**

Университет как порождение городской культуры всегда был тесно связан с городскими институтами и городскими сообществами, а наличие университета и профессорской корпорации, в свою очередь, накладывало серьезный отпечаток на жизнедеятельность города. В Российской империи все университетские города имели либо столичный статус, либо являлись губернскими центрами; исключение представлял только Дерпт (с 1893 г. – Юрьев), который являлся уездным городом Лифляндской губернии.

Влияние университета на городскую среду было особенно заметным в именно Дерпте, Томске, Казани, то есть – в относительно небольших городах, где университетский компонент был сконцентрирован, не «размывался» многочисленными не-университетскими элементами столиц и больших городов империи – С.-Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева. На это обстоятельство обращает внимание и А.Н. Дмитриев, отмечая, что в отличие от С.-Петербурга, в других российских университетских городах профессора играли весьма заметную роль как в местной общественной жизни, так и в органах городского самоуправления¹.

Если по уставу 1804 г. университеты выполняли роль центра всего учебного округа (в составе нескольких губерний), а профессора должны были объезжать курируемые учебные заведения, то следующими уставами (1835, 1863, 1884 гг.) эта обязанность не предусматривалась. По замечанию Е.А. Вишленковой, такие перемены замкнули жизнь университетской профессуры в пределах города, «получившего на ментальной карте империи статус “университетского”»². Именно город и горожане стали объектом приложения усилий университетского сообщества, и усилия эти к концу XIX в. приобрели ряд устойчивых форм. Помимо узко профессиональной деятельности связь университетской общественности с городом, на наш взгляд, осуществлялась через: предоставление городу и горо-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

жанам услуг (образовательных, юридических, медицинских); общественно-полезную деятельность (консультативную, просветительскую, благотворительную); участие в местном самоуправлении.

В настоящей статье остановимся на публичных лекциях профессоров как инструменте влияния университета на российское городское общество рубежа XIX–XX вв. В исследовательской литературе уже есть опыт обращения к этой тематике: в основном – это работы, освещающие либо просветительскую активность отдельных ученых³, либо – тех или иных образовательных и научных учреждений⁴. Попробуем взглянуть на предмет шире: в контексте всей университетской системы Российской империи конца XIX – начала XX в.

* * *

Рубеж XIX–XX вв. (за исключением непродолжительного периода Первой русской революции) – не самое благополучное время с точки зрения университетской автономии. Это обстоятельство находило отражение и в том, что для организации публичного выступления университетского преподавателя требовалось разрешение властей. Профессор, желавший прочитать публичную лекцию, обращался к ректору с просьбой о возбуждении перед попечителем учебного округа ходатайства о получении на это разрешения. В таком обращении указывалось не только название лекции, но и приводилась ее программа⁵.

Профессор Московского университета И.И. Янжул вспоминал: «Главной моей заботой перед публичной лекцией был прискорбный вопрос, разрешат ли ее; требовалась длинная предварительная процедура хлопот о разрешении с представлением не только программы, но иногда даже подлинного текста лекции и обязательства читать по нему»⁶.

Случаи запретов были не так уж редки, и зачастую они были политически мотивированны. Ниже мы еще обратимся к этому аспекту.

Для проведения лекций использовались как университетские площадки, так и городские пространства – помещения залов, театров и прочее. Так, в Казани в Городском театре проходили «спектакли-лекции». Смысл такого формата заключался в том, что перед спектаклями университетские профессора читали вступительную лекцию, посвященную творчеству драматурга, постановку пьесы которого предстояло увидеть зрителям. Например, в театральном сезоне 1908 г. профессор Казанского университета Б.В. Варнеке выступал с циклом лекций об Александре Островском и Уильяме Шекспире⁷.

В С.-Петербурге, начиная с 1906 г., активная просветительская деятельность развернулась на площадках Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица и Сельскохозяйственного музея; здесь регулярно читали публичные лекции профессора и

приват-доценты университета историк С.Ф. Платонов, философ Н.О. Лосский, астроном А.А. Иванов, юристы В.Н. Сперанский и А.Г. Тимофеев, ботаники В.И. Палладин и С.В. Кравков, музыковед А.Ф. Каль и многие другие. Еще одна площадка для постоянных выступлений столичной профессуры располагалась в Павловске, где В.И. Палладин, А.А. Иванов и другие проводили публичные лекции для народных учителей⁸.

Имевший большой опыт чтения популярных лекций для населения профессор Московского университета И.И. Янжул в воспоминаниях сформулировал методологические и методические особенности такого жанра общения с аудиторией. Он полагал, что публичное чтение «гораздо труднее университетского и требует большего искусства [...] Тут невозможно и даже не должно обращать внимания на каждого слушателя, а приходится приспособливаться, так сказать, к среднему слушателю [...] Намеки на интересы минуты или политики заметно оживляют аудиторию, особенно если взятый пример производит некоторую сенсацию. Я с успехом много раз пользовался этим приемом, причем даже двухчасовая лекция не вызывала видимой скуки [...] При этом непременно соблюдалось одно условие речи – говорить *viva voce* [Буквально «живым голосом», здесь: «не по бумажке». – М.Г.], а отнюдь не читать»⁹.

Тематика большинства публичных лекций естественным образом вытекала из научных интересов университетских профессоров.

В Казани историк, специалист по позднему русскому средневековью профессор Н.П. Загоскин читал лекцию на тему «О врачебном деле и врачах в Допетровской Руси», историк и этнограф И.Н. Смирнов – «Задачи и значение этнографии», «Этнографический материал, методы его собирания и обработки», фармаколог И.М. Догель – «Предел человеческой жизни»¹⁰.

В Томске профессор гигиены А.И. Судаков читал лекцию «О холере», педиатр С.М. Тимашев – «О физическом воспитании ребенка»; зоолог Н.Ф. Кашенко – «Надо подружиться с природой», «О жизни и смерти в животном мире»; геолог А.М. Зайцев – «О землетрясениях»; ботаник В.В. Сапожников – «Растение и солнце», «Зачем цветут цветы»; политэконом М.Н. Соболев – «О конкуренции», «О женском труде»; экономист М.И. Боголепов – «О народной роскоши – чае, сахаре и водке», юрист Н.Н. Розин – «О суде присяжных»¹¹. Порой предмет публичных выступлений проистекал не из научного интереса, а из увлечений докладчика. Так, томские профессора физик А.П. Пospelов и фармацевт Н.А. Александров читали лекции по истории музыки¹².

Большой популярностью у населения пользовалась краеведческая тематика. Так, казанская профессура в разные годы выступала перед горожанами со следующими лекциями: Д.А. Корсаков – «О Казанском крае в царствование Екатерины II»¹³ и «Очерк истории Среднего Поволжья до образования в нем Казанского ханства»,

Н.Ф. Высоцкий – «Доисторическое прошлое нашей местности», И.Н. Смирнов – «Смерть по воззрениям инородцев Поволжья»¹⁴. На особое место краеведческой тематики обратил внимание С.А. Некрылов; по его данным, популярными среди населения Томска были публичные лекции на сибирские темы: Н.Ф. Кащенко – «О плодоводстве в Томском крае», «О гадах Томского края», «Некоторые сведения о климате Томска», В.В. Сапожникова – «Русский Алтай», «Монгольский Алтай», И.А. Малиновского – «Ссылка в Сибирь», Э.А. Лемана – о минеральных водах Томской губернии¹⁵.

В отдельную группу стоит выделить публичные лекции, чтение которых было обусловлено определенным поводом, что предопределяло их тематику. Например, в связи с началом Русско-японской войны, весной 1904 г., профессора Варшавского университета прочли цикл лекций, на следующие темы: «Климатические условия Дальнего Востока» (А.В. Краснов), «Разрушительное действие современных пуль и снарядов и задачи современной хирургии в лечении огнестрельных ран» (М.М. Кузнецов), «Япония в конце XIX века и ее внешние сношения с иностранными державами» (В.Н. Александренко), «Притязания Японии на возрождение Азии и степень участия России в этом возрождении» (Г.Ф. Симоненко), «Война и современное учение о психологии масс» (А.Е. Щербак)¹⁶.

Источники позволяют привести примеры ситуаций, когда инициатива по организации цикла публичных лекций исходила сверху. Как правило, такие ситуации были связаны с чрезвычайными обстоятельствами. Так, в 1891–1892 гг. основную часть Черноземья и Среднего Поволжья охватил голод. 27 августа 1891 г. Казанский городской голова С.В. Дьяченко обратился к ректору Казанского университета К.В. Ворошилову с предложением о проведении серии благотворительных публичных лекций: «Желая всеми средствами прийти на помощь нуждающемуся населению г. Казани, я предположил устроить несколько публичных лекций в зале Казанского Городского Общества со взиманием платы с посетителей. Сообщая об этом Вашему Превосходительству, позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшую просьбу: не откажите передать высокочтимым господам профессорам университета мое усерднейшее приглашение оказать содействие по осуществлению моего предложения, принятием на себя чтения лекций. Я вполне уверен, что г[оспода] профессора, всегда сочувствующие нуждам населения, охотно примут участие в помощи голодающим»¹⁷.

В начале Первой мировой войны – 8 октября 1914 г. – попечитель Варшавского учебного округа Г.В. Левицкий обратился к ректору Варшавского университета С.И. Верхову с предложением «сообщить, каким образом и при наличности каких лекторов из среды профессорской корпорации представляется наиболее целесообразным организовать лекции для учащихся старших классов средних

учебных заведений на темы, намеченные Министерством Народного Просвещения по поводу текущих событий». Среди преподавателей историко-филологического факультета дали согласие прочитать лекции профессор И.И. Замотин – на тему «Русские славянофилы», профессор И.П. Козловский – на тему «Восточный вопрос в истории России» и профессор А.И. Яцимирский – на тему «Борьба южных славян за свободу»¹⁸.

Организация платных публичных лекций, сбор с которых шел на помощь нуждающимся, – весьма распространенная практика. Если вернуться к выше упомянутому голоду в Поволжье в начале 1890-х гг., то, судя по всему, инициатива собрать средства через публичные лекции одновременно шла и сверху, и снизу. Известно, что председатель университетского физико-математического общества профессор А.В. Васильев и президент общества естествоиспытателей профессор А.А. Штукенберг при Казанском университете писали в октябре 1891 г. председателю Общества истории, археологии и этнографии профессору Н.А. Фирсову: «На обязанности Университета и состоящих при нем ученых Обществ лежит отозваться со своей стороны на нужды окружающего края. Зная, что среди Общества Истории, Археологии и Этнографии [...] возникла уже мысль об организации публичных лекций в пользу населения, пострадавшего от неурожая, мы полагаем, что вообще среди местных ученых Обществ [...] найдется немало лиц, готовых своими трудами внести лепту на облегчение участи нуждающихся». Деньги, которые будут собраны, предлагалось передать нуждающимся ученикам сельских школ. Профессора А.В. Васильев и А.А. Штукенберг предлагали профессору Н.А. Фирсову взять на себя инициативу собрания председателей все научных обществ, состоявших при Казанском университете, для обсуждения вопроса об организации от имени всех ученых университета серии публичных лекций. Разделяя этот замысел, Н.А. Фирсов настаивал на участии в его реализации ректора¹⁹.

Первый цикл лекций в Казани был прочитан в январе-марте 1892 г. Билеты реализовывались на следующих условиях: первый ряд – 1 руб. 50 копеек, второй ряд – 1 руб., третий ряд – 50 коп., остальные ряды – 30 копеек (для учащихся – 20). Цена абонемента на все 16 лекций составляла: 15 руб. за место в первом ряду, 10 руб. за место во втором, 5 руб. – за место в третьем, за места на остальных рядах – 3 руб. (для учащихся – 1 руб.). Всего было собрано 1 080 руб. 80 копеек (830,8 руб. за билеты и 210 руб. за абонементы). Судя по ведомости собранных средств, больше всего слушателей было на лекциях И.М. Догеля «Боль, ее значение и утоление» (сбор – 138,3 руб.) и В.Д. Орлова «Очерк истории и гигиены женской одежды» (сбор – 100,1 руб.), а наименьший интерес вызвала лекция В.И. Сорокина «Сельскохозяйственные опытные станции и их значение для земледельческой практики» (сбор – 9,5 руб.). Тематика некоторых тогда прочитанных лекций особенно подходила историче-

скому моменту: В.Н. Витевский «Голод и его проявления в Древней Руси», Н.Н. Фирсов «Голод перед Смутным временем в России», Н.А. Осокин «Влияния общественных бедствий на ход истории»²⁰.

Спустя несколько лет, в 1899 г., в Казанском университете решили повторить успешный опыт 1892 г. и организовали цикл лекций в пользу бедных детей, обучавшихся в сельских школах Казанской губернии²¹.

В числе прочих губерний голод в начале 1890-х гг. был и в Харьковской губернии. В декабре 1891 г. ряд профессоров Харьковского университета объявили о публичных лекциях в пользу голодающих²². Известно, что 2 февраля 1892 г. публичную лекцию в пользу голодающих читал профессор А.Н. Краснов. В Государственном архиве Харьковской области сохранилась ведомость, отражающая стоимость и число проданных билетов на эту лекцию. Места в первом ряду продавались по 2 руб., во втором и третьем рядах – по полтора руб., места в остальных рядах – по 1 руб. 25 коп. Всего было продано 56 билетов, что позволило выручить 82,5 руб.²³

Публичные лекции в пользу голодающих читались тогда и профессорами столичного университета. Суммарный сбор от них составил около 3 000 руб.²⁴

Порядок сбора средств регламентировался циркуляром министра внутренних дел от 26 июля 1882 г., в котором содержались такие требования: «продажу входных билетов производить в казенных только местах, причем запрещается развозить эти билеты по домам или раздавать их разным лицам для продажи»²⁵. Между прочим, за нарушение этих правил, а именно за развоз билетов по частным домам, в 1884 г. учебными властями критиковался профессор Университета Св. Владимира Н.А. Хржонцевский²⁶.

И в другие годы недостатков в поводах и объектах для благотворительности тоже не наблюдалось. Профессор Варшавского университета П.В. Никольский в 1903 г. выражал желание прочитать две лекции «в пользу недостаточных учениц повивального института»²⁷. Весной 1904 г. профессора Варшавского университета прочитали цикл лекций, сбор с которых (50 копеек – со студентов, 1 руб. – со всех остальных) пошел «на военные потребности армии и флота»²⁸. Согласно «Денежному отчету по устройству лекции проф. В.В. Курилова» (Варшавский университет), прочитанной 19 февраля 1914 г., от продажи билетов было выручено 400 руб. 80 коп., от продажи программ – 23 руб. 70 коп.; сверх этого 2 руб. было пожертвовано²⁹. Кстати, в Варшавском университете существовала общественная должность распорядителя-казначея по устройству публичных лекций при университете. До весны 1905 г. ее занимал профессор В.В. Максимов.

По данным, приведенным Л.А. Бушуевой, казанские профессора регулярно устраивали публичные лекции в рамках деятельности

Общества археологии, истории и этнографии. Вход на такие лекции был платным, цена варьировалась в зависимости от места в зале: на первых четырех рядах она составляла от 2 до 1 руб., на остальных местах – 50 коп.; для студентов и других учащихся стоимость посещения одной публичной лекции составляла 25 коп.³⁰

Вспоминая о прочитанных лекциях, И.И. Янжул отмечал, что многие из них вызывали большое сочувствие в московской публике, «выразившееся наглядно в многих тысячах рублей, мною собранных для разных благотворительных целей»³¹. Наибольшие сборы и последующие пожертвования принесла лекция И.И. Янжула «О миллионах и что с ними надо делать». Она была прочитана в аудитории Исторического музея в Москве 21 февраля 1898 г. для 900 слушателей. Сбор с проданных билетов составил 800 руб. Более того, после лекции – в течение нескольких дней – И.И. Янжулу было передано около 4 тыс. руб. с просьбой направить их на благотворительные цели³².

Один из слушателей публичных лекций профессора Московского университета К.А. Тимирязева, П.В. Танеев, оставил воспоминание, отражающее интерес публики к профессорским выступлениям и ее готовность к приобретению билетов: «Находясь в старших классах гимназии, я был на двух популярных лекциях Климента Аркадьевича в большой аудитории Политехнического музея. Каждый раз билеты можно было получить только после долгих ожиданий из-за большого количества желающих попасть на эти лекции»³³.

В беспокойной общественной атмосфере конца XIX, и в особенности начала XX, в университетская профессура использовала общение с широкой городской аудиторией не только в академических просветительских целях. Будучи весьма глубоко вовлеченными в общественные процессы, профессора и преподаватели нередко политизировали свои публичные выступления. Поэтому содержание публичных лекций становилась предметом внимания властей. Особенно это касалось выступлений историков, экономистов, юристов. Исправлявший должность московского обер-полицейстера Ф.Д. Трепов доносил 5 июня 1899 г. в Департамент полиции МВД о собрании в память А.С. Пушкина, прошедшем в мае в Московском университете. На собрании выступали бывший профессор С.А. Муромцев (он еще в июле 1884 г. распоряжением министра народного просвещения И.Д. Делянова был уволен из университета за «политическую неблагонадежность»³⁴) и приват-доцент В.Е. Якушкин. О речи последнего обер-полицейстер сообщил: «Оратор, совершенно игнорируя поэта как художника, имел, очевидно, единственную целью доказать, что Пушкин по своим взглядам и связям был единомышленником декабристов – лучших, по мнению Якушкина, людей своего времени, и не участвовал в их бунте лишь по случайности и что поэт даже в последний период своей деятельности, после милостей, оказанных ему ИМПЕРАТОРОМ

НИКОЛАЕМ I-м, остался в сущности верен своим прежним убеждениям, не переставая быть вольнодумцем». Далее делался вывод: «Муромцев и Якушкин воспользовались юбилейными торжествами как удобным случаем для публичной пропаганды своих антиправительственных идей»³⁵.

В результате этой истории Ф.Д. Трепов ходатайствовал перед Московским генерал-губернатором о запрещении С.А. Муромцеву и В.Е. Якушкину на два года проживания в Москве и Московской губернии³⁶. Уже в 1899 г. В.Е. Якушкин навсегда покинет университет; он сосредоточится на литературной и общественно-политической деятельности, а впоследствии станет гласным курского губернского земства и депутатом Государственной думы первого созыва от кадетской партии, как и С.А. Муромцев, возглавивший Думу.

В Департаменте полиции МВД имелись сведения о том, что профессор С.-Петербургского университета А.А. Исаев в педагогическом музее Соляного городка в С.-Петербурге читал лекции на тему «Настоящее и вероятное будущее народного хозяйства», в которых, «подвергая критике экономическую политику русского Правительства [...], рекомендовал для спасения народа от угрожающей ему опасности разорения программу народников: усиление и развитие артельного начала, поддержку общинного землевладения; экспроприацию земли и орудий производства в пользу крестьян и прочее. Для оказания помощи народу, лектор признавал необходимым проникновение в народную среду интеллигенции». В марте 1898 г. ходатайство Комитета Общества помощи нуждающимся переселенцам о разрешении профессору Исаеву читать лекции на тему «Очерки экономического быта современной Европы» было отклонено³⁷.

Более того, 4 января 1901 г. директор Департамента полиции С.Э. Зволянский писал С.-Петербургскому градоначальнику генералу Н.В. Клейгельсу: «В виду неоднократного проявления известным Вашему Превосходительству профессором Андреем Алексеевым Исаевым вредного направления на произносимых им публичных лекциях и чтениях, Департамент полиции имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что все ходатайства названного Исаева о дозволении ему таковых лекций и чтений следует отклонять»³⁸.

Целостную картину бдительного надзора со стороны властей за публичными лекциями преподавателей Московского университета дают справки на 125 профессоров и приват-доцентов московских вузов, проходивших по делам Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве, составленные в январе 1911 г. Адресатом справок был директор Департамента полиции Н.П. Зуев. Здесь можно обнаружить сведения о содержании выступлений приват-доцентов университета А.А. Борового, Н.Н. Полянского, П.Н. Сакулина, В.М. Устинова.

Так, в справке на А.А. Борового значилось, что в прочитанной им

7 июля 1907 г. в Москве в помещении педагогических курсов лекции А.А. Боровой «открыто заявил слушателям, что он признает и всегда пропагандирует идею революционного синдикализма, который [...] предпочитает открытое выступление, имеющее своей конечной целью переустройство государства путем социальной революции». А.А. Боровой стал подвергаться политическим преследованиям. В 1910 г. против него было возбуждено два дела за издание брошюр анархистского содержания³⁹.

В справке на Н.Н. Полянского утверждалось, что 4 июля 1908 г. он читал лекции на педагогических курсах Московского общества воспитательниц и учительниц и, «рассматривая теократическую теорию происхождения государств, Полянский высказался, что эта теория обязанная своим происхождением древним некультурным племенам, сначала боготворившим личность Государя, а впоследствии веровавшим, что государь есть посланник Божий, назначенный им для проведения воли его на земле, ныне отжила свой век, так как для каждого из современников ясно, что последователи такой теории впадали в грубую ошибку [...] Он закончил рассмотрение этой теории словами: “К сожалению, как пережиток некультурной далекой древности, в настоящее время некоторые государи продолжают еще в своих манифестах и указах писать: “Мы волею Божию”»⁴⁰. Дерзость такого заявления была связана с тем, что 4-я статья «Основных государственных законов Российской империи» гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»⁴¹.

О П.Н. Сакулине сообщалось следующее: «Читая лекции на курсах для учителей летом 1907 года, Сакулин осуждал устоявшийся самодержавного образа правления и таким путем восстанавливал слушателей против существующего государственного строя, за что по распоряжению московского генерал-губернатора, был подвергнут штрафу в размере 1000 рублей»⁴². Дальнейшее чтение лекций П.Н. Сакулина было запрещено⁴³.

В.М. Устинов обратил на себя внимание полиции во время чтения лекции «Конституционное право», устроенной Обществом народных университетов: «Разобрав государственный строй Швеции и Англии, перешел к рассмотрению представительного образа правления в тех государствах, где сохраняется принцип монархии, при чем произнес следующую фразу “Борьба с монархом, где еще существует монархия, как например, в Пруссии, Германии и у нас в России, продолжается”». Известно, что присутствовавший на лекции помощник пристава после этих слов лекцию прекратил⁴⁴.

Показательно, что все выше перечисленные преподаватели 3 февраля 1911 г. покинули Московский университет в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо.

Политизация и придание своим выступлениям общественно-

го звучания, разумеется, не было прерогативой только столичной профессуры. Например, в самом восточном – Томском – университете весной 1909 г., несмотря на запрещение попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева, профессор И.А. Малиновский «в актовом зале университета бесплатно, при громадном стечении публики» прочитал публичную лекцию об отмене смертной казни, что шло вразрез с государственной позицией по данному вопросу. По донесению попечителя, «содержание этой лекции, как и следовало ожидать, было крайне возмутительное, а потому и заслужило неистовое одобрение публики и долго несмолкаемых аплодисментов»⁴⁵. Эти аплодисменты, с укоризной упомянутые попечителем, можно образно назвать стрелкой барометра общественных настроений незадолго до новой революции.

* * *

Конец XIX в. и начало XX в. – время становления в России гражданского общества, для которого характерны общественные формы самоорганизации, гражданские инициативы. Университетские профессора, неравнодушные к общественно-политическим процессам, могли реализовать себя в этом отношении именно через просветительскую деятельность, популяризируя научное знание для широкой внеуниверситетской аудитории.

Чтение публичных лекций на научно-популярные темы составляло заметную часть профессиональной жизнедеятельности многих российских университетских профессоров, особенно в столичных городах, где стремившаяся к просвещению публика без труда наполняла аудитории, предоставляемые для публичных выступлений. Нам удалось столкнуться лишь с единичным свидетельством последовательного нежелания университетского профессора рассматриваемого периода читать лекции для населения. «От публичных лекций, с чтением которых ко мне энергично приставали, я всегда отказывался и никогда их не читал», – вспоминал профессор С.-Петербургского университета А.А. Иностранцев⁴⁶. Большинство же представителей университетского педагогического сообщества занятие народным просвещением воспринималось как общественный долг.

Дореволюционная практика не утратит актуальности и в последующие годы. Правда, если в советское время просветительский потенциал преподавателей и ученых, как правило, находил применение через относительно централизованное и идеализированное Всесоюзное общество «Знание», то в начале XXI в. влияние вуза на окружающую его городскую среду – в том числе посредством просвещения – рассматривается через призму концепции о «третьей роли» университетов⁴⁷.

В любом случае можно утверждать, что обращение университета

к городу через предоставление горожанам возможности пользоваться имеющимся в университете интеллектуальным капиталом – давно зарекомендовавшая себя и по-прежнему перспективная модель взаимоотношений университета с окружающим сообществом.

Примечания

¹ *Дмитриев А.Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 112.

² *Вишленкова Е.А.* Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Вып. 2. Казань, 2009. С. 28.

³ *Возчиков В.А.* Публичные лекции Т.Н. Грановского: Магия слова и личности // Историко-педагогический журнал. 2013. № 4. С. 81–96; *Кошелева А.И.* Публичные лекции В.О. Ключевского // Университетское образование (МКУО-2013). Пенза, 2013. С. 450–451; *Митрофанов В.В.* Проблемы истории Великого Новгорода в публичных лекциях и переписке С.Ф. Платонова // Клио. 2009. № 1. С. 20–31; *Мохначева М.П.* Публичные лекции Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева о теории исторического процесса // Археографический ежегодник за 1998 год. Москва, 1999. С. 126–133.

⁴ *Бурмистрова Л.П.* Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002; *Мохначева М.П.* Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета // Археографический ежегодник за 1997 год. Москва, 1997. С. 128–139; *Смагина Г.И.* Публичные лекции Санкт-Петербургской Академии наук во второй половине XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 16–26.

⁵ *Archiwum Państwowe w Warszawie (APW).* Z. 214. S. 101. K. 14.

⁶ *Янжул И.И.* Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864 – 1909 гг. Т. 2. СПб., 1910. С. 173.

⁷ *Бушуева Л.А.* «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: Актуальные проблемы. Вып. 1. Казань, 2014. С. 54.

⁸ *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905 – 1917) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 245–246.

⁹ *Янжул И.И.* Указ. соч. С. 172.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 2, 3, 5.

¹¹ *Город Томск.* Томск, 1912. С. 77, 78.

¹² Профессора Томского университета. Вып. 1. Томск, 1996. С. 23, 198.

¹³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 1.

¹⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 38, 77.

¹⁵ *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 2. Томск, 2011.

С. 231, 270.

¹⁶ APW. Z. 214. S. 101. K. 28–30, 38.

¹⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 7, 7об.

¹⁸ APW. Z. 214. S. 380. K. 7.

¹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 11, 12.

²⁰ Там же. Л. 38, 75, 77, 103, 103об.

²¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9937. Л. 1–7.

²² *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. Александр Афанасьевич Потебня // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 2. Харків, 2010. С. 283.

²³ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 667. Оп. 286. Д. 189. Л. 4.

²⁴ *Ростовцев Е.А.* Столичная профессура и благотворительность в начале ХХ в.: Постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 107.

²⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 6, 6об.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 5. Л. 19.

²⁷ APW. Z. 214. S. 101. K. 11.

²⁸ Ibidem. К. 38–38об.

²⁹ Ibidem. К. 99–99об.

³⁰ *Бушueva Л.А.* «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца ХІХ – начала ХХ в. // История России: Актуальные проблемы. Вып. 1. Казань, 2014. С. 46.

³¹ *Янжул И.И.* Указ. соч. С. 171.

³² Там же. С. 183, 184.

³³ *Танеев П.В.* Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 519, 520.

³⁴ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 2.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 8об.

³⁶ ГА РФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 10.

³⁷ ГА РФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1895. Д. 1414. Л. 47, 47об.

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 93. Д. 1414. Л. 41.

³⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 6, 6об.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 78, 78об.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXVI. Отделение I. СПб, 1909. № 27805.

⁴² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 89.

⁴³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 1 об.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 104, 104об.

⁴⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 7об.

⁴⁶ *Иностранцев А.А.* Воспоминания (Автобиография). СПб., 1998. С. 151.

⁴⁷ *Бенневоорт П., Сандерсон А.* Третья роль университетов: Участие университетов в региональном развитии: создание потенциала в условиях малоинновационной среды // Вестник международных организаций. 2012. № 1 (36). С. 172–188.

Автор, аннотация, ключевые слова

Грибовский Михаил Викторович – канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета

mgrib@mail2000.ru

В статье на основании документов, впервые обнаруженных в нескольких государственных архивах России, Украины и Польши, рассматривается феномен публичных профессорских лекций в контексте влияния университета на российское общество на рубеже ХІХ–ХХ вв. Особое внимание уделяется вопросам организации лекций, тематике публичных выступлений и лекциям как инструменту благотворительности. Также раскрывается политическая составляющая публичных лекций некоторых профессоров. Университетские профессора, равнодушные к общественно-политическим процессам и проблемам, нашли возможность реализовать себя именно через просветительскую деятельность, через популяризацию научного знания среди широкой внеуниверситетской аудитории. Делается вывод о том, что распространение практики публичных выступлений университетской профессуры в конце ХІХ – начале ХХ вв. являлось проявлением формирования гражданского общества в России. Вместе с тем оно было и инструментом взаимодействия университета с окружающей его городской средой.

Университет, профессура, публичная лекция, просвещение, благотворительность, общественные настроения, политические настроения, политическая полиция.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Benneworth P., Sanderson A. Tretya rol universitetov: Uchastie universitetov v regionalnom razvitii: sozdanie potentsiala v usloviyakh maloinnovatsionnoy sredy [The Regional Engagement of Universities: Building Capacity in a Sparse Innovation Environment.]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2012, no. 1 (36), pp. 172–188.

2. Mitrofanov V.V. Problemy istorii Velikogo Novgoroda v publichnykh lektsiyakh i perepiske S.F. Platonova [Problems in the History of Veliky Novgorod in Sergey F. Platonov's Public Lectures and Correspondence.]. *Klio*, 2009, no.

1, pp. 20–31.

3. Rostovtsev E.A. Stolichnaya professura i blagotvoritelnost v nachale XX v.: Postanovka problemy [The Professors of the Capital and Charitable Organizations in the Early Twentieth Century: A Statement of the Problem.]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012, no. 1, p. 107.

4. Smagina G.I. Publichnye lektzii Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk vo vtoroy polovine XVIII v. [The Public Lectures of the St. Petersburg Academy of Sciences in the Second Half of the 18th Century.]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1996, no. 2, pp. 16–26.

5. Vozchikov V.A. Publichnye lektzii T.N. Granovskogo: Magiya slova i lichnosti [The Public Lectures of Timofey N. Granovskiy: The Magic of Word and Personality.]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, 2013, no. 4, pp. 81–96.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Bushueva L.A. “Sverkh osnovnykh svoikh obyazannostey yavlyalis uchastnikami obshchestv...”: Obshchestvennaya deyatelnost v povsednevnoy zhizni professorov Kazanskogo universiteta kontsa XIX – nachala XX v. [“Beyond Their Fundamental Responsibilities, They Were Contributors to Society...”: Social Activity in the Daily Life of the Professors of Kazan University in the late 19th and early 20th Centuries.]. *Istoriya Rossii: Aktualnye problemy* [History of Russia: Actual Problems.]. Kazan, 2014, vol. 1, p. 46.

7. Bushueva L.A. “Sverkh osnovnykh svoikh obyazannostey yavlyalis uchastnikami obshchestv...”: Obshchestvennaya deyatelnost v povsednevnoy zhizni professorov Kazanskogo universiteta kontsa XIX – nachala XX v. [“Beyond Their Fundamental Responsibilities, They Were Contributors to Society...”: Social Activity in the Daily Life of the Professors of Kazan University in the late 19th and early 20th Centuries.]. *Istoriya Rossii: Aktualnye problemy* [History of Russia: Actual Problems.]. Kazan, 2014, vol. 1, p. 54.

8. Dmitriev A.N. Po tu storonu “universitetskogo voprosa”: Pravitelstvennaya politika i sotsialnaya zhizn rossiyskoy vysshey shkoly (1900 – 1917 gody) [Beyond the “University Question”: Government Policy and the Social Life of the Russian Higher School (1900 – 1917).]. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX v.)* [University and City in Russia (Early XX Century).]. Moscow, 2009, p. 112.

9. Kosheleva A.I. Publichnye lektzii V.O. Klyuchevskogo [The Public Lectures of V.O. Klyuchevskiy.]. *Universitetskoe obrazovanie (MKUO-2013)* [University Education (MKUO-2013).]. Penza, 2013, pp. 450, 451.

10. Mokhnacheva M.P. Avtografy programm publichnykh lektsiy uchenykh Moskovskogo universiteta [The Handwritten Outlines to the Public Lectures of Moscow University Scholars.]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1997 god* [The Archaeographic Yearbook for 1997.]. Moscow, 1997, pp. 128–139.

11. Mokhnacheva M.P. Publichnye lektzii N.P. Vagnera i N.I. Kareeva o teorii istoricheskogo protsessa [The Public Lectures of N.P. Wagner and N.I. Kareev on the Theory of the Historical Process.]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [The Archaeographic Yearbook for 1998.]. Moscow, 1999, pp.

126–133.

12. Rostovtsev E.A. Universitet stolichnogo goroda (1905 – 1917) [The University of the Capital City (1905 – 1917)]. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [University and City in Russia (Early XX Century).]. Moscow, 2009, pp. 245, 246.

13. Vishlenkova E.A. Universitetskiy chelovek i vremena [The University Man and Time.]. *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoy Kazani* [Education and Enlightenment in Provincial Kazan.]. Kazan, 2009, vol. 2, p. 28.

(Monographs)

14. Burmistrova L.P. Publichnye lektzii professorov i prepodavateley Kazanskogo universiteta: XIX v. [The Public Lectures of the Professors and Teachers of Kazan University: 19th Century.]. Kazan, 2002, 203 p.

15. Nekrylov S.A. Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v Aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.) [Tomsk University – the First Scholarly Center in the Asian Part of Russia (mid-1870s to 1919).]. Tomsk, 2011, vol. 2, pp. 231, 270.

Author, Abstract, Key words

Mikhail V. Gribovskiy – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
mgrib@mail2000.ru

Based on documents originally found in several state archives in Russia, Ukraine and Poland, the article examines the phenomenon of public lectures delivered by university professors viewed in terms of the influence the university produced on Russian society at the turn of the 19th – 20th centuries. The author focuses on the aspects organizing lectures and their topics treating lectures and public talks as an instrument of charity. Political component in public lectures given by some professors is analyzed. Those academics who were not indifferent to political and social issues and developments undertook their mission disseminating scientific knowledge among the population outside university. It is concluded that the spreading of public lectures delivered by university professors at the end of 19th and the beginning of the 20th centuries manifested the formation of civil society in Russia. Also, it was a means of interaction between the university and the urban population.

University, professorate, public lecture, education, charity, public mood, political mood, political police.

А.А. Симонов

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА КРАСНЫМИ КУРСАНТАМИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

A. Simonov

The Recruitment of Red Cadets to Military Training Institutions in the Volga and Urals Regions during the Civil War

Летом 1918 г. в Поволжье и на Урале развернулся первый стратегический театр военных действий Гражданской войны – Восточный фронт. Тогда же были сформированы в РККА пять полевых армий. Планировалось дальнейшее увеличение вооруженных сил. Однако сразу же выявилась проблема нехватки командного состава. Выход был найден в призыве военных специалистов из числа бывших офицеров, унтер-офицеров и военных чиновников, а также в воспитании «нового командного состава, проникнутого идеями рабочей и крестьянской революции». Планировалось создание «широкой сети инструкторских школ и привлечение в их стены способных, энергичных и мужественных солдат Красной армии»¹.

В результате появились особого типа краткосрочные временные военно-учебные заведения – командные курсы. Отличались они по родам войск и предназначались для подготовки командного состава только в военное время. Большая часть курсов находилась в ведении Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ).

Поволжье и Урал внесли свою лепту в общее дело воспитания командных кадров. В Приволжском военном округе в 1918 г. были сформированы первые военно-учебные заведения. Осенью 1919 г. командные курсы появились в освобождаемом от белых Урале. С захваченной противником Украины были переброшены в Екатеринбург, Златоуст, Оренбург, Пермь, Челябинск и Уфу шесть военно-учебных заведений². Еще одни украинские курсы разместились в саратовском Вольске. К концу 1919 г., в результате этих и последующих преобразований, в уральско-поволжском регионе функционировало уже около трех десятков курсов³, что составило примерно треть всех военно-учебных заведений Советской России (к декабрю 1919 г. в распоряжении ГУВУЗа находилось 74 краткосрочных военно-учебных заведения, и еще 11 курсов подчинялись РВС фронтов⁴).

Так Поволжье и Урал стали тем местом, где развивалась и крепла советская военная школа в самый напряженный период Гражданской войны. При этом многие курсы приняли активное участие в боевых действиях. В этой связи было бы любопытно рассмотреть специфику комплектования советских военно-учебных заведений кур-

сантами. Она позволяет судить об отношении к военной службе в условиях гражданского противостояния представителей различных социальных групп населения, а также подводит к оценке роли армии в обществе.

* * *

Демобилизация старой армии и утвердившийся принцип добровольности военной службы в РККА не способствовали поначалу планомерному комплектованию первых советских военно-учебных заведений. Сказалось и реформирование самого военно-учебного ведомства. Тем не менее, обнародование в январе 1918 г. «Основных положений о курсах по подготовке командного состава РККА» свидетельствовало о серьезности отношения большевистского военного руководства к строительству советской военной школы⁵.

Документ затрагивал только один вопрос – правила поступления в военно-учебные заведения. Все остальные условия службы в Красной армии разъяснялись в декрете Совнаркома об организации РККА от 15 января 1918 г. Согласно ему, добровольный доступ в вооруженные силы был открыт для всех граждан не моложе 18 лет. Красноармеец обеспечивался государством различными видами довольствия, а его семья – льготами⁶. Лица, имеющие хотя бы начальное образование, по желанию могли обучаться на командных курсах. Для особо малограмотных, но «наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов» в военно-учебных заведениях учреждались подготовительные отделения. Таким курсантам достаточно было уметь бегло читать, устно излагать прочитанное, а также писать и знать четыре правила арифметики. Привлечением на курсы малообразованных представителей низших сословий решалась двоякая задача: создавалась предпосылка формирования классово однородного командного состава, и одновременно ликвидировался наметившийся в конце мировой войны дефицит командных кадров.

Непосредственно военные науки курсанты должны были проходить на специальных отделениях. Условия обучения на них требовали успешного окончания подготовительного курса или наличия законченного начального образования. Данные запросы не превышали условий для школ прапорщиков пехоты старой армии. Годились они и для желающих обучаться на ускоренных артиллерийских или инженерных курсах. Но только на подготовительных отделениях. Учеба же на специальных отделениях этих курсов требовала знаний в объеме пяти классов гимназий или равных по программе средних учебных заведений⁷.

Практически в неизменном виде эти правила просуществовали всю Гражданскую войну.

От любого гражданина, желающего стать курсантом, требова-

лось выполнение еще одного немаловажного условия – верить в постулаты большевизма. Командируемые на курсы лица должны были иметь рекомендации от комиссаров своих частей, а поступающие со стороны – рекомендации от организаций, стоящих на платформе Советской власти. Спектр мандатов и ручательств был достаточно широк. Знак равенства ставился между различного уровня партийными организациями, фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами⁸. Соответственно и объективность таких рекомендаций была относительна. Решающее слово оставалось за мандатными комиссиями учебных заведений, возглавляемыми обычно комиссарами курсов.

Влияние ГУВУЗа на процесс становления военного образования до лета 1918 г. оставалось минимальным: сказался переезд из Петрограда в Москву и очередное его реформирование – преобразование в Военно-учебное управление (ВУУ) при Всероссийском главном штабе⁹. Никаких директив, направляющих жизнь курсов, не существовало. Выработка программ, планов занятий и прочая деятельность велись самостоятельно.

Первые наборы были из добровольцев, не всегда отвечающих требованиям военно-учебного заведения, причем отсутствовало ограничение по полу и возрасту. Посещение занятий вначале было добровольным. Только к лету 1918 г. на основе полученного опыта наметились более или менее четкие положения организации советских военно-учебных заведений. Официально о начале работы курсов командного состава РККА Главный комиссар всех военно-учебных заведений объявил в своем приказе от 26 июня 1918 г.¹⁰

Дальнейшее развитие система комплектования курсов получила в летние месяцы 1918 г. с началом создания регулярной Красной армии.

18 июля Народный комиссариат по военным делам потребовал от всех воинских частей представить через две недели в ВУУ списки кандидатов «для командирования их на инструкторские курсы». При составлении списков следовало исходить из расчета «на каждые 100 человек по два кандидата». В свою очередь сотрудники ВВУ должны были рассмотреть списки в недельный срок и распределить красноармейцев по курсам¹¹.

Предложенная система распределения исходила из прежнего опыта ГУВУЗа и Главного управления Генерального штаба старой армии, но из-за неотлаженности советского военного аппарата и ввиду реалий Гражданской войны сразу получила негативный опыт. Уже к осени многие курсы комплектовались переменным составом в основном через губернские исполнительные комитеты и военные комиссариаты.

Необходимо учитывать и влияние военно-политической обстановки на те районы, где базировались военно-учебные заведения.

Возьмем для примера Саратовские командные курсы. Их родона-

чальник – Саратовское инструкторское училище, которое было создано по инициативе Саратовского губисполкома согласно приказу № 567 от 18 июля 1918 г. народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого. В августе 1918 г. его переформировали и переименовали в 1-е Саратовские советские командные курсы, в июне 1920 г. – в 34-е Саратовские пехотно-командные курсы, в декабре 1920 г. – в 20-ю Саратовскую пехотную школу комсостава.

Первый набор курсантов в августе 1918 г. проходил в условиях непрерывных боевых действий на территории губернии. Лишь благодаря тому, что красные части были сформированы на основе местных призывов, а Саратовский губисполком претендовал на опеку курсов как собственного детища, набор не был сорван. И учебное заведение, хотя и с двухнедельной задержкой, пополнилось в основном красноармейцами.

Вообще контингент первых слушателей советских военно-учебных заведений составляли в большинстве солдаты старой армии. Это обстоятельство следует отметить как характерное для добровольческого периода комплектования РККА. Даже с началом массовых призывов летом 1918 г. инерция такого комплектования продолжала действовать еще несколько месяцев. Не стали исключением и первые наборы на Саратовские командные курсы. Так, в августе 1918 г. из 169-ти человек, принятых на пехотное отделение, свою принадлежность к армии (в основном старой) указали 115 курсантов (68 %). К ноябрю того же года представительство служивших в войсках курсантов увеличилось до 208 человек, что составило уже 78 % от общего числа слушателей отделения¹².

Последняя цифра очень близка к официальным данным ГУВУЗа за 1918 г., полученным на основе обработки 6532 учетных карточек курсантов некоторых военно-учебных заведений Республики. Согласно им, до поступления в военно-учебные заведения в войсках служили 79,4 % курсантов, причем 62 % приходилось на военнослужащих старой армии¹³.

Вопрос о роли старослужащих в немалой степени затрагивает социальную структуру военно-учебных заведений.

Например, лишь 36 курсантов (13 %) ноябрьского состава Саратовских командных курсов в опросном листе в графе «Род занятий до поступления» указали военную службу как свою основную профессию. Напомним: тремя месяцами раньше среди тех же курсантов пехотного отделения считали себя таковыми 115 (68 %) человек.

Налицо один из положительных примеров кадрового комплектования РККА: армия постепенно теряла значение самостоятельного социального феномена, порожденного мировой войной и революцией. Курсанты из бывших солдат в пику большевистской установке на уничтожение сословного деления «вспомнили», что когда-то и они относились к «трудовому элементу». В новой социальной клас-

сификации им, городским и сельским обывателям, представителям мелкой буржуазии и пролетариата, достались места «рабочих», «крестьян» или «прочих». По данным, опубликованным к пятилетнему юбилею 20-й Саратовской пехотной школы, то есть в 1923 г., на курсах в 1918 г. обучалось 60 % рабочих, 30 % крестьян и 10 % прочих.

При всем том необъективность этих цифр достаточно прозрачна. Столь высокий процент рабочих абсолютно нереален. Слишком превышает он общероссийский показатель. В действительности численность представителей фабрик и заводов на Саратовских командных курсах была раза в три меньше. Судить об этом можно хотя бы по самому многочисленному отделению курсов – пехотному. В ноябре 1918 г. на нем обучалось 272 курсанта и среди них значилось всего 26 % рабочих. Двукратное превосходство над ними имели ремесленники (55 %), которые, вероятно, и были «поделены» последующей статистикой между теми же рабочими и крестьянами¹⁴.

Кстати, о курсантах-крестьянах в первоначальных статистических данных не было и речи. Сельские жители в начале массовых мобилизаций составляли на курсах если не меньшинство, то и не превосходили жителей городских. Причем крестьяне, как правило, не подчеркивали свою связь с деревней и записывались солдатами или ремесленниками. Удивляет и малочисленность «прочих»: по военно-учебным заведениям Республики эта категория имела 37,8 %¹⁵.

Какие же пути-дороги вели на курсы столь разных людей?

Рабочий В.Н. Мордвинкин успел, например, пройти школу старой армии и освоить специальность телефониста. Затем – добровольная служба у красных в команде связи 1-го Саратовского стрелкового полка. В сентябре-октябре 1918 г. участвовал в боях с чехами и комучевцами – освобождал Вольск, Хвалынский, Самару. В ноябре был командирован комиссаром полка на телефонно-телеграфное отделение Саратовских комкурсов. Тогда же на пехотное отделение курсов поступили саратовский мещанин С.В. Межевников и немецкий колонист И.А. Бокк. Первый по окончании торговой школы успел поработать служащим в конторе местной табачной фабрики, затем несколько месяцев в Саргубпродкоме, где и получил нужные рекомендации. Второй – из-за революции не смог окончить школу прапорщиков и теперь решил продолжить военное образование на курсах¹⁶.

Крестьянину Николаевского уезда Самарской губернии А.Я. Калягину не удалось ни поехать, ни толком поучиться: с 12 лет – на заработках. Когда исполнилось 15, перебрался в Саратов и устроился сначала хлебопеком, а затем фотокопировщиком в частную фотографию. О наборе на курсы узнал совершенно случайно. Приятель как-то сунул ему в руки газету и ткнул пальцем в объявление – «Прочитал и решил: чем черт не шутит. Все-таки паек, кое-какие деньги»¹⁷. Необходимый мандат для поступления на курсы

18-летнему подмастерью вручила секция фотографов Союза печатников. Эта профессиональная организация была на хорошем счету в местном комитете РКП(б), а ее члены входили в дружину всеобуча Центрального района Саратова. Занятия проходили 3-4 раза в неделю, дружина привлекалась и на строительство городских укреплений. Именно во всеобуче будущий генерал-лейтенант Советской армии А.Я. Калягин познал азы военного дела: хорошо изучил винтовку, ручной пулемет, неплохо выполнял ружейные приемы, знал строи и боевые порядки отделения, взвода. С его слов, это имело немаловажное значение при приеме на курсы¹⁸.

Не исключено, что при прочих равных условиях предпочтение отдавалось поступающим, знакомым с военным делом. Тем не менее, на советских командных курсах проблема начальной военной подготовки остро никогда не стояла. Гарантией успешного усвоения ускоренной учебной программы признавались только общеобразовательные знания. Приоритетной задачей считалось найти хотя бы малограмотного пролетария, способного обучиться командованию взводом.

«Вступительные испытания» проходили обычно в виде простых экзаменов. Освободить от них могло только выданное не более чем шесть лет назад свидетельство об окончании 4-х классов гимназии (у артиллеристов, инженеров, топографов – 5-ти классов) или равных ей учебных заведений¹⁹.

Приемные комиссии, как правило, руководствовались собственными разработками. Так, «в высшей степени благоприятное впечатление о проведении вступительных испытаний» на Саратовских командных курсах в августе 1918 г. создалось у инспектора ВУУ В.Р. Канненберга. В своем отчете бывший полковник описал схему экзаменов и отметил относительно высокий образовательный ценз поступающих: в основном не ниже начальной школы. Проверка знаний началась с письменных работ. Кандидаты подготовительного класса писали изложение по рассказу Ушинского «Слепая лошадь» и решали две простенькие арифметические задачи. Поступающим в специальный класс предложили написать сочинение на «самостоятельные темы»: сенокос, жатва, революция в деревне, революция в городе и т.п., а также решить две арифметические задачи посложнее. На следующий день, после проверки письменных работ, начались устные испытания. Учителям по русскому языку и математике помогали преподаватели природоведения, географии и истории, которые тоже оценивали грамотность будущих курсантов. Итог экзаменам подвело заседание педагогического комитета²⁰.

К сожалению, эта почти идеальная картина с каждым следующим приемом теряла в красках. Почти сразу появилась команда «слабых», состоящих из курсантов, принятых условно с двойками. Впрочем, первое время таких было немного. Качество пополнения военно-учебных заведений стремительно стало ухудшаться

в конце 1918 г. с увеличением потока красноармейцев с фронта²¹. Значительная часть фронтовиков, большинство из которых составляли мобилизованные крестьяне, руководствовалась в основном личными выгодами. Курсы им выделялись спасением от трудностей и опасностей боевой обстановки. Желание влиться в курсантские ряды подкреплялось и гораздо лучшим снабжением будущих краскомов различными видами довольствия в сравнении с рядовыми красноармейцами. Осознано или неосознанно, но некоторые красные бойцы пользовались этой законной формой дезертирства с фронта.

Общеобразовательная подготовка данного контингента абитуриентов тоже желала много лучшего. К марту 1919 г. процент отсева на курсах оказался столь большим, что РВСР был вынужден издать специальный приказ, в котором командиры частей предостерегались от направления на учебу неподготовленных и совершенно безграмотных красноармейцев. Было строго указано: «Командировать лишь тщательно избранных кандидатов»²².

Другим шагом руководства военной школы стала попытка распределить центр тяжести комплектования учебных заведений между пополнением из войск и вербовочной работой среди населения. По стране развернулись различные агитационно-массовые мероприятия, среди которых особенно выделялись «Дни красных офицеров». Но и эти действия, несмотря на определенный положительный эффект, не решили проблемы. Ресурс грамотных лиц призывного возраста в Советской России объективно был строго ограничен, тогда как потребность в красных командирах и количество курсов неуклонно росла.

В апреле 1919 г. в складывающуюся систему комплектования курсов внесла некоторый хаос идея наркомвоена и председателя РВСР Л.Д. Троцкого «спаять школы с Действующей армией». Курсы решено было пополнять за счет фронтов и армий, к которым они прикреплялись. За ГУВУЗом (в январе 1919 г. он был вновь восстановлен из ВВУ) были оставлены только учебные функции²³.

Такое двойное подчинение не могло не повлечь за собой массу недоразумений. Претворение идеи в жизнь ускорили сложная военно-политическая обстановка и командирование многих курсов на фронт. Летом-осенью 1919 г. пензенские, самарские, саратовские, симбирские курсы подчинялись, например, то Южному фронту, то Запасной армии Республики, то Юго-Восточному фронту, а казанские – Восточному фронту²⁴.

О качестве хлынувшего тогда на курсы пополнения можно судить хотя бы по сентябрьскому приказу РВСР, разрешившему открывать при военно-учебных заведениях приготовительные классы для поступления на подготовительные отделения лиц, «не удовлетворяющих по своим познаниям условиям приема, но являющихся желательными с политической стороны»²⁵. В последующем фронты

и армии постепенно сложили с себя функции комплектования курсов и передали их военным округам и созданным при них Окружным управлениям военно-учебными заведениями (ОкруВУЗ).

Отбором кандидатов для отправки на командные курсы занимались не только армейские кадры. К этому делу широко привлекались местные органы Советской власти, партийные организации тыла и профсоюзы рабочих центров. Однако эти организации к началу 1920 г. оказались настолько истощены предыдущими вербовочными кампаниями, что выделяли только отдельных лиц.

Показателен апрельский агитационный вояж комиссара 1-х Саратовских комкурсов в Балашовский уезд Саратовской губернии. Организованные уездным комитетом РКП(б), союзом молодежи и военкоматом митинги в городе и уезде дали очень незначительный результат: на курсы было привлечено только 10 человек. По итогам поездки был сделан вывод, что агиткомпании бесполезны, «если они не являются определенной мобилизацией»²⁶. Вероятно, к такому общему выводу пришли и в руководящих органах РККА, поскольку примерно с этого времени принудительное комплектование военно-учебных заведений красноармейцами стало приоритетным²⁷.

Обычно курсы сами определяли нужное число вакансий. Эти данные поступали на утверждение в штабы фронтов, армий или ОкруВУЗ. Губвоенкоматы распределяли наряды по гарнизонам. В войсковые части направлялись представители курсов, которые считались уполномоченными ГУВУЗа (ОкруВУЗа). Курсантов набирали на месте, организуя для них предварительные испытания. Сформированная партия отправлялась на курсы, где и происходил окончательный отбор²⁸.

Еще одним источником наборов, например для саратовцев, служило местное депо-изолятор – своего рода пересыльный пункт мобилизованных граждан (в том числе пойманных или добровольно явившихся дезертиров)²⁹. В результате курсы сами стали походить на пересыльный пункт. Например, только в ноябре на 34-х пехотных командных курсах отчислили 80 человек. К декабрю некомплект составил 1/3 часть курсантов (229 человек)³⁰.

«Демобилизационное настроение» у части переменного (курсантского) состава наметилось еще весной 1920 г., в короткую мирную передышку. В конце того же года, с окончанием активных боевых действий, желание покинуть курсы превратилось в опасную для учебных заведений тенденцию. Отток курсантов удалось снизить срочными запретительными мерами. Так, в приказе по 34-м пехотным командным курсам командирам рот было предписано отклонять многочисленные заявки курсантов на отчисление. Специальная дисциплинарная комиссия предавала военному суду или намечала к отчислению лишь неисправимых нарушителей³¹.

Тем не менее, весь 1921 г. и часть 1922 г. прошли в РККА под знаком демобилизации. Совпавшее с этим мероприятием расширение

сети военно-учебных заведений еще больше обострило кадровый голод. Некомплект переменного состава в одинаковой мере затрагивал заведения как старые, так и вновь организуемые, поскольку вторые «разбавлялись» первыми. От руководства Республики потребовались срочные меры.

Экстренно была реанимирована система партийных и профсоюзных призывов. В директиве ЦК РКП(б) указывалось, что «...партийные и профсоюзные организации должны взять на себя работу по укомплектованию военно-учебных заведений, вербуя из рабоче-крестьянской массы наиболее достойных и сознательных товарищей. Особенно в этом должны помочь союзы молодежи»³². Мобилизация на курсы членов компартии, комсомола и профсоюзов объявлялась в специальном июньском циркуляре ЦК партии. Отбору подлежали лица 1888–1903 гг. рождения, имеющие начальное образование. Стаж военной службы признавался необязательным³³.

Уже в сентябре 1921 г. на конференции военно-учебных заведений Заволжского военного округа было отмечено, что среди прибывающих по партийным и профсоюзным мобилизациям много молодых людей, не желающих подчиняться установленным порядкам и проходить курс обучения. Выработанная резолюция еще раз рекомендовала направлять таких лиц в заведения, расположенные подале от места мобилизации. Отказывающихся учиться курсантов следовало предавать суду и «сообщать той организации, из которой они выделены, для принятия мер воздействия и замены другим лицом»³⁴.

Вдогодку решению конференции только в октябре дисциплинарная комиссия 20-й Саратовской пехотной школы отчислила 25 курсантов (в основном от профсоюзов) с формулировками: «упорно не желающий учиться», «вносящий дезорганизацию в среду курсантов», «способствующий дезертирству курсантов», «хулиганство и дезорганизация» и т.п.³⁵ Отметим, что общий процент отчисляемых с командных курсов Республики составлял ежемесячно в среднем 5,2 %. Причины отчисления заключались в следующем: малоуспешность и дурное поведение – 51 %, болезни – 17 %, собственное желание – 2 %, прочие причины – 30 %³⁶.

Сильно поредевшие учебные заведения не могли быть укомплектованы только спецпризывами. Поэтому одной из главных мер, принятых центром, стал приказ РВСР № 694. Согласно ему, желающие добровольно поступить в военно-учебные заведения и отвечающие условиям приема красноармейцы, должны были без задержек со стороны командования направляться к местам учебы. При этом разрешалось командировать не более 5 % личного состава части. В свою очередь выполнение воинскими частями приказа должно было проверяться специальными комиссиями³⁷. По сути, преследовалась цель улучшить отбор из среды мобилизованных красноармейцев.

Огромные людские ресурсы РККА активно использовались весь

1921 г. Лучших красноармейцев сначала добровольно, а затем в принудительном порядке отправляли на формирование подготовительных командных курсов. Наглядным примером может служить история создания 71-х Саратовских пехотных подготовительных курсов на базе 30-го запасного стрелкового полка, когда среди 20 тыс. демобилизуемых красноармейцев оказалось проблематичным найти 500 человек для полного укомплектования новых курсов. Выручила 11-я Заволжская стрелковая бригада, приславшая своих бойцов. Очень незначительную долю пополнения дал также ОкрУВУЗ: в основном это были мелкие партии по 5-10 человек мобилизованных крестьян³⁸.

Поступавшие на подготовительные курсы кандидаты проверялись приемной комиссией, состоящей из трех подкомиссий: медицинской, политической и учебно-строевой. Главное внимание опять же обращалось на общеобразовательную подготовку. Так, из прибывших в сентябре 106 человек неподходящими (слишком малограмотными) оказались 12 кандидатов. Впрочем, поступившие тоже не отличались уверенными знаниями. В рапорте отмечалось, что «большинство красноармейцев по своей подготовке и индивидуальному развитию не удовлетворяет условиям приема на подготовительные курсы»³⁹. Для них пришлось открыть незапланированные подготовительные отделения.

Средний образовательный уровень слушателей учебных заведений РККА действительно резко ухудшился. В то же время, по данным ГУВУЗа, около 8-15 % слушателей имели высшее и среднее образование. Однако эти цифры следует отнести в основном в актив академий и среднетехнических специальных военных школ. Курсы располагали худшей статистикой. Так, в мае 1921 г. из 627 курсантов 34-х Саратовских пехкурсов имели «домашнее образование» – 103 человека, учились 3 года в начальной школе – 456 человек, учились 4 года – 68 курсантов⁴⁰.

* * *

Таким образом, пример военно-учебных заведений уральско-вожского региона свидетельствует, что по ряду объективных причин, связанных с реалиями Гражданской войны, курсантский состав с течением времени подвергся большим изменениям.

Оставаясь преимущественно крестьянским, он все больше терял в качестве из-за объективной нехватки в этой социальной группе лиц с необходимым для обучения образованием.

К началу 1920-х гг. комплектование курсов переменным составом выродилось в примитивную принудительную мобилизацию. Сами же военно-учебные заведения превратились в подобие учебных полковых команд царской армии.

Примечания

- ¹ Пятый Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских и солдатских и казачьих депутатов: Стенографический отчет. М., 1918. С. 213.
- ² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 62. Оп. 1. Д. 362. Л. 8, 8об.
- ³ Справочник указатель декретов, постановлений, приказов и др. распоряжений по Красной армии. Саратов, 1920. С. 384–390.
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 50. Л. 83.
- ⁵ Известия Народного комиссариата по военным делам. 1918. 28 янв.
- ⁶ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 356.
- ⁷ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 332. Л. 19.
- ⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 521. Оп. 1. Д. 206. Л. 107, 107об., 109.
- ⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 360. Л. 1.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 21. Л. 56.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 206. Л. 173.
- ¹² РГВА. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 28. Л. 12об., 13.
- ¹³ РГВА, Ф. 62. Оп. 1. Д. 360. Л. 6.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 28. Л. 12об., 13.
- ¹⁵ Военное знание. 1923. № 1-3. С. 20, 21
- ¹⁶ Музей регионального учебного центра ракетных войск и артиллерии, Саратов (МРУЦ). *Мордвинкин В.Н.* Воспоминания. Рукопись. С. 1; *Межевников С.В.* Саратовские артиллерийские курсы командного состава РККА. Рукопись. С. 27; Историко-статистический очерк жизни и деятельности комиссии связи кавказских военно-учебных заведений (1920 – 1922 г.). [Б.м.], 1922. С. 5.
- ¹⁷ *Куртасов А.* Последний из ставки // Саратовские вестн. 2000. 19 февр.
- ¹⁸ МРУЦ. *Калягин А.Я.* Воспоминания. Рукопись. С. 4–8.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 206. Л. 109, 109об.
- ²⁰ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1360. Л. 49об.
- ²¹ Известия Народного комиссариата по военным делам. 1918. 17 нояб.
- ²² ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 206. Л. 90.
- ²³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 401. Л. 71.
- ²⁴ Там же. Л. 35.
- ²⁵ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 774. Л. 6.
- ²⁶ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
- ²⁷ ГАНИСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- ²⁸ ГАНИСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
- ²⁹ ГАНИСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 75. Л. 27, 27об.
- ³⁰ ГАНИСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 14. Л. 49об.
- ³¹ ГАНИСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 21, 22.
- ³² *Лобода В.Ф.* Командные кадры и законодательство о кадрах в раз-

витии Вооруженных Сил СССР. М., 1960. С. 43.

³³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 450. Л. 3.

³⁴ Военное знание. 1921. № 18. С. 39.

³⁵ ГАНИСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 19. Л. 37–38.

³⁶ Военное знание. 1922. № 3-4. С. 70.

³⁷ Военное знание. 1921. № 13. С. 31.

³⁸ РГВА. Ф. 25219. Оп. 1. Д. 54. Л. 1об.

³⁹ РГВА. Ф. 25219. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–8.

⁴⁰ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1360. Л. 94об.

Автор, аннотация, ключевые слова

Симонов Анатолий Александрович – канд. ист. наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
simonoffsgu@mail.ru

В статье рассмотрен порядок и результаты комплектования переменным личным составом командных курсов – советских военно-учебных заведений периода Гражданской войны. В качестве показательного примера выбрана территория Поволжья и Урала. Приведены общие сведения по военно-учебному делу в Поволжье и на Урале. Доказано, что количество командных курсов на этой территории составляло примерно треть от всех подобных учебных заведений, которые существовали в Советской России во время Гражданской войны. Выявлены и проанализированы статистические сведения о социальном происхождении и социальном положении красных курсантов, их деятельности до поступления на военную учебу. Описаны трудности приемных кампаний, обусловленные низкой грамотностью населения и издержками советского военного строительства. Показаны методики вступительных испытаний, применяемые с учетом общеобразовательной подготовки абитуриентов. Сделан вывод, что по ряду объективных причин, связанных с реалиями Гражданской войны, курсантский состав военно-учебных заведений в Поволжье и на Урале с течением времени подвергся большим изменениям. Оставаясь преимущественно крестьянским, он все больше терял в качестве из-за нехватки в этой социальной группе лиц с начальным образованием, которое было минимально необходимым для подготовки командиров Красной армии.

Гражданская война в России, Рабоче-крестьянская Красная армия, военное строительство, военное образование, командные курсы, красные курсанты, комплектование армии, командный состав, Поволжье, Урал, Л.Д. Троицкий.

References (Monographs)

1. Loboda V.F. Komandnye kadry i zakonodatelstvo o kadrakh v razvitii Vooruzhennykh Sil SSSR [Command Staff and Legislation on Personnel in the Development of the Armed Forces of the USSR.]. Moscow, 1960, p. 43.

Author, Abstract, Key words

Anatoliy A. Simonov – Candidate of History, Senior Lecturer, Saratov National Research State University (Saratov, Russia)
simonoffsgu@mail.ru

The article examines the procedure and results of recruiting personnel for military command courses, for the Soviet military educational establishments during the Russian Civil War, illustrated with examples from the Volga and Urals areas. The author gives a general analysis of military education in the above regions. It is estimated that the military educational institutions on this territory accounted for about one third of all those which existed in Soviet Russia during the Civil War. The article reveals statistical data about the social background and social status of Red Cadets and their activities before their enrollment for the military course. Admission problems were identified which were caused by low literacy and certain shortcomings in the Soviet military construction. The author demonstrates different entry tests applied with respect to the applicants' educational level. It is concluded that the Red Cadets' composition in the Volga and Urals regions was greatly changed due to the Civil War situation. While it still remained predominantly peasant, it was increasingly lacking in quality as there were insufficient people in this social group having primary education which was the minimum admission requirement for training the commanding personnel of the Red Army.

Russian Civil War, Workers' and Peasants' Red Army, military construction, military education, command courses, Red Cadets, army recruitment, commanding personnel, Volga Region, Urals, L.D. Trotsky.

Ю.Н. Гусева

МРАЧНОЕ ЭХО «ДЕЛА ЦДУМ»: «ЦЕПЬ КОРАНА» И РЕПРЕССИИ ПРОТИВ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЭЛИТЫ В СССР (1940 год)*

Yu. Guseva

**The Gloomy Echo of the “TsDUM Affair”:
“The Chain of the Quran” and the Repressions against the Muslim Elite in the USSR (1940)**

Среди многочисленных научных и публицистических работ, отражающих тематику репрессий в СССР, довольно редко попадают публикации, так или иначе затрагивающие влияние исламского фактора на драматичные события 1930-х гг. Немногочисленные доступные читателю специальные исследования, сообразуясь с общей логикой действия репрессивного механизма в масштабах всей страны, указывают на 1937–1938 гг. как на пиковые годы преследований религиозных лидеров различных «мусульманских» и «немусульманских» регионов¹.

В центре нашего исследования – два дела, рожденные в недрах Главного управления государственной безопасности НКВД СССР и его республиканских и областных учреждений: дело «о заговоре руководителей Центрального духовного управления мусульман» («Дело ЦДУМ») (1936 – 1938 гг.), затронувшее мусульман РСФСР, и «Цепь Корана» (1940 г.) – крупное дело о репрессиях против мусульманской элиты в пределах СССР. Материалы первого частично были введены в научный оборот А.Б. Юнусовой². Второе не нашло отражения в историографии, что само по себе удивительно с учетом его масштабности и значимости, и его материалы вводятся в научный оборот впервые.

«Цепь Корана» – дело, имеющее уникальный и по-своему универсальный характер, появилось на свет в 1940 г., позже, чем все из известных нам дел о репрессиях против советской исламской элиты. Фактически оно вообрало в себя все уже имеющиеся в недрах ОГПУ–ГУГБ НКВД наработки по «восточному» вопросу и удивительным образом расширило границы «Дела ЦДУМ», соединив в единое целое среднеазиатские и внутрироссийские «мусульманские» сюжеты. Самым причудливым, но только на первый взгляд, образом эти дела «сплетаются» в единое полотно

* Автор выражает сердечную признательность профессору, доктору исторических наук, заместителю председателя Уфимского научного центра Российской академии наук Айслу Билаловне Юнусовой за консультации и предоставление фактических данных по теме статьи.

истории российских мусульман, позволяют сделать выводы о партийно-государственных аппаратных фобиях, вызванных исламом, и о механизмах использования «исламского» фактора в решении внутривнутриполитических задач. Они представляют серьезную научную ценность еще и потому, что позволяют оценить значение и влияние фактора политического ислама, идей объединения мусульман на внутреннюю политику большевистского государства.

Документы, которые нами осмыслены и введены в научный оборот – «Докладная записка о ходе агентурно-оперативной и следственной работы по делу “Цепь Корана”»³ и «Обвинительное заключение по делу участников повстанческих панисламистских организаций»⁴, – были выявлены в ведомственном архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан.

Архивное дело «Цепь Корана» состоит из двух частей: аналитической части (пояснительной записки) и части протоколов допросов и очных ставок (29 протоколов десяти обвиняемых). Каждая из частей имеет свою, отдельную, порядковую нумерацию, так как готовилась разными работниками НКВД Казахской ССР. В единое дело части были объединены в момент итоговой подготовки, в октябре 1940 г. (при ссылке на вторую, допросную, часть архивного дела, мы указываем порядковый номер страницы этой части, а в скобках – сквозной, общий для всего дела). И хотя исследователям не доступна третья часть документов – восемь томов с протоколами допросов всех обвиняемых, – имеющиеся на руках автора архивные материалы рисуют исчерпывающую картину происходящего.

Оба дела фактически являют собой две части одного дела о «крупной панисламистской повстанческой организации на территории среднеазиатских республик», получившего «поэтическое» название «Цепь Корана». Особый интерес у исследователей может вызвать и блестяще выполненная схема связей между участниками «панисламистских организаций» в Средней Азии и в ближнем зарубежье, являющая собой яркий образец использования графического метода в работе органов контрразведки (схему выполнил следователь Следственной части НКВД Казахской ССР, сержант госбезопасности В.П. Михайлов).

* * *

Характер обвинений, предъявленных участникам «антисоветской», «шпионской», «панисламистской» организации «Цепи Корана», был не оригинальным. В обвинительном заключении НКВД Казахской ССР по следственному делу № 035 сказано следующее: «Органами Наркомвнудел Казахской ССР в июне 1940 года на территории Южно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей, были вскрыты и оперативно ликвидированы активно действовавшие повстанческие

панисламистские организации, возглавляемые и руководимые повстанческо-басмаческими и панисламистскими авторитетами – агентами японской и турецкой разведок»⁵. Эти «повстанческие панисламистские организации, ставившие своей целью вооруженную борьбу с Советским государством и посредством этих организаций подготавливали вооруженное восстание казахского населения»⁶. Якобы осведомленные о неких планах стран Ближнего Востока по подготовке интервенции против СССР, подозреваемые «добивались более регулярных связей с эмигрантами в Иране и Афганистане для установления контакта и согласования планов антисоветской работы»⁷.

Под «агентами» и «подозреваемыми» имелись ввиду члены ЦДУМ М. Магкулов и К. Тарджиманов.

Магди (Магади) Магкулович Магкулов (1874 – 1937) – казах, кази (судья) ЦДУМ. В 1926 г. он являлся членом делегации Мекканского конгресса от духовенства г. Петропавловска Казахской ССР. Был арестован 28 февраля 1937 г. и расстрелян 22 декабря 1937 г. (реабилитирован 23 мая 1960 г.). Кашаф (Кашаффулдин) Тарджиманов, по данным А.Б. Юнусовой, являлся заместителем муфтия ЦДУМ, в апреле 1936 г., после смерти муфтия Р. Фахретдинова, претендовал на пост муфтия. Был арестован в мае 1936 г., содержался в тюрьме Уфы. Проходил как основной фигурант по «делу ЦДУМ». Дальнейшая его судьба неизвестна. Предположительно, он умер в тюрьме в начале 1940-х гг.

Весьма схожие обвинения содержались в деле о южноказахских «панисламистских» организациях 1937–1938 гг. с той лишь разницей, что в данном случае речь шла о Японии⁸.

Как и во многих «немусульманских» сюжетах, работа исламских лидеров в пользу зарубежных разведок, как правило, тесно связывалась с «подрывной» деятельностью внутри страны: «Как показали процессы над врагами народа, прошедшие в 1937–1938 гг., панисламистско-пантюркистские деятели Средней Азии были тесно связаны с троцкистско-бухаринской бандой изменников родины и, вместе с ней, явились прямой находкой для агентуры враждебных Советскому Союзу империалистических держав и, прежде всего, фашистской Германии»⁹. Вместе с тем обращает на себя внимание прямая зависимость между указанными зарубежными «шпионским» центрами и вектором внешней политики СССР.

«Цепью Корана», по «оперативным данным» оперуполномоченных НКВД Казахской ССР, оказались «опутаны» более 350-ти человек. Большинство подозреваемых проживали на территории СССР, а восемь человек – эмигранты, обозначенные как представители «эмигрантских центров адаевцев» в Иране и Афганистане¹⁰. Центр «антисоветской», «шпионской», «панисламистской» организации якобы находился в Казахстане (здесь проживало 225 подозреваемых), откуда «тянулись ниточки» в РСФСР, Узбекистан, Туркмению,

Таджикистан, Иран и Афганистан.

«Адаевцами» контрразведчики НКВД именовали эмигрантов, покинувших Казахскую ССР и переселившихся в приграничные районы Китая, Афганистана и Ирана, в результате Адаевского восстания против коллективизации. Произошло оно в 1931 г. в Табынском, Уильском, Гурьевском районах тогдашнего Адаевского округа республики. Всего по делу Адаевского восстания были привлечены 740 человек, из них 559 были арестованы. Более 130 обвиняемых человек было приговорено к высшей мере (практически все они впоследствии были реабилитированы).

Не останавливаясь подробно на обстоятельствах этого дела, приведем фрагменты показаний, якобы данных обвиняемыми, которые привлекли наше внимание ввиду их связи с обстоятельствами «Дела ЦДУМ».

«Обвиняемый Кадырбердиев вместе с хазретом адаевского духовенства Жаналиевым Хасаном, Дербасалиевым Сасенбаем в 1926–1927 гг., связавшись с руководителями ЦДУМ в Уфе: Фахретдиновым Р., Магкуловым М., Кашдаулетовым К. и Тарджимановым К., по заданию последних, создали на территории бывшего Адаевского округа крупную повстанческо-панисламистскую организацию, объединив в нее духовенство и байство и в 1930 году подготовили вооруженное восстание...».

Саражетдин Кадырбердиев (1896 г.р.) – казах, мулла, бай. Он был уже судим дважды: в 1930 г. – по ст. 109 Уголовного Кодекса РСФСР, в 1934 г. – по ст. 166 УК. До ареста он работал гуртоправом овцеводческого совхоза им. Пролетарий № 1 в Актюбинской области.

«...О своей руководящей роли в создании названной организации обвиняемый Кадырбердиев на допросе показал:

«...Я, Кадырбердиев, являюсь руководителем антисоветской панисламистской организации в бывшем Адаевском округе в 1925 году. Панисламистские организации в Казахстане создавались по прямым указаниям центрального духовного управления в гор. Уфе. Для проведения организационной работы на местах, в районы Казахстана выезжали специальные представители из ЦДУМ...»¹¹

...В 1927 году в числе других руководителей повстанческо-панисламистской организации обвиняемый Кадырбердиев был избран делегатом на уфимский съезд панисламистских организаций [Здесь допущена ошибка: последний съезд мусульманского духовенства СССР состоялся 25 октября – 4 ноября 1926 г. – Ю.Г.]. Находясь в г. Уфе, Кадырбердиев, получив контрреволюционные установки от заместителя муфтия ЦДУМ Тарджиманова К., не дождавсь съезда, выехал обратно в бывший Адаевский округ и развернул там антисоветскую деятельность. В конце 1927 года Кадырбердиев снова выехал в Уфу для отчета перед ЦДУМом о проделанной панисламистской организационной работе.

В эту поездку Кадырбердиев встретился в гор. Уфе с вернувшимся

со всемирного съезда мусульман, состоявшегося в Турции, Магкуловым М. и Тарджимановым К., от которых Кадырбердиев получил задание разведывательного порядка и в своей практической антисоветской деятельности выполнял это задание, представляя Магкулову и Тарджиманову сведения о политическом настроении населения аулов и данные о состоянии экономики хозяйства Казахстана»¹².

Под «всемирным съездом мусульман» в обвинительном заключении имелся в виду Мекканский конгресс 1926 г., в котором, по согласованию с властями СССР, участвовала представительная делегация советских мусульман, в составе которой был и муфтий Р. Фахретдинов. В делегацию также входили: Кашшафетдин Тарджемани, Габдеррахман Гомери из Астрахани, Тахир Ильяс из Казани, Мослахетдин Халил из Крыма, Махди бен-Макул (Магдий Магкулов) из Сибири, Абдель-Вахед эль-Кари из Туркестана. Позднее на съезд прибыл Муса Бигиев¹³.

Якобы по заданию ЦДУМ и лично Кашшафетдина Тарджиманова, Ризаэтдина Фахрутдинова, Магдия Магкулова, «актив панисламистской организации был обязан вести шпионско-разведывательную работу»¹⁴, то есть докладывать в ЦДУМ об отношении населения к мероприятиям Советского правительства.

«О своей разведывательной деятельности по заданию Тарджиманова и Магкулова, обвиняемый Кадырбердиев показал:

«...Таким руководителем был заместитель муфтия Тарджиманов, а мухтасибы были своего рода резидентами ЦДУМ по разведывательной работе на местах, собирая сведения для турецкой разведки через ишанов и имамов...Я лично сам дважды передавал сведения шпионского порядка Магкулову...»¹⁵.

В обвинительном заключении по делу «Цепь Корана» сказано:

«Разведывательные функции в пользу иностранных разведок ЦДУМ в целом и мухтасибов на местах, вскрыли в своих показаниях обвиняемые Баяртиев [Аймурат Баяртиев родился в 1892 г., казах, мулла, безработный, ранее не судим. – Ю.Г.], Ахтанов [Бахтияр Ахтанов родился в 1889 г., казах, мулла, работал чабаном в совхозе «Советский» в г. Орске Чкаловской (Оренбургской) области, ранее не судим. – Ю.Г.] и Кадырбердиев... Дело в том, что панисламистские организации на местах, как и их центральный орган ЦДУМ, ставили своей конечной целью свержение Советской власти и создание единого мусульманского государства. Так вопрос мог ставиться только при гарантии со стороны Турции и других мусульманских государств, оказания вооруженной помощи повстанческому движению мусульман в Советском Союзе.

Таким образом, ЦДУМ и панисламистские организации на местах, ставя успех своей антисоветской деятельности в зависимость от помощи со стороны Турции как главного партнера в общей антисоветской борьбе, механически превращались

в филиал разведывательных органов Турции... организацией разведывательного дела по линии панисламистских организаций руководил заместитель муфтия Тарджиманов»¹⁶.

Подведем промежуточный итог.

Подозреваемым по делу «Цепь Корана» вменялась в вину антисоветская деятельность на территории Казахстана и соседних среднеазиатских республик, в частности подготовка Адаевского восстания, шпионская работа в пользу турецкой разведки, и, как результат, подготовка вооруженного восстания с целью создания мусульманского государства. Все это якобы было инициировано уфимским муфтием и реализовывалось под руководством лидеров ЦДУМ – заместителя муфтия К. Тарджиманова и казья (судьи) М. Магкулова.

Сравним эти обвинения с обстоятельствами самого «Дела ЦДУМ», которое стало роковым для российской мусульманской элиты.

Следствие по «Делу ЦДУМ», которое велось работниками Полномочного представительства ОГПУ по Башкирской АССР, а затем Особым отделом ГУГБ НКВД СССР в Москве, началось в мае 1936 г. и продолжалось в течение двух лет. В результате было сфабриковано дело «о заговоре руководителей ЦДУМ», в причастности к которому были обвинены сотни мулл в различных регионах СССР, в том числе, в Волго-Уральском регионе и в республиках Средней Азии.

В обвинительном заключении по делу сказано: «Разведки двух иностранных держав [Японии и Турции. – Ю.Г.] создали в СССР шпионско-диверсионную контрреволюционную организацию среди мусульман во главе с ЦДУМ (Фахретдинов Р., Тарджиманов К.)... В июле [1936 г. – Ю.Г.] контрреволюционный центр ликвидирован в Москве и на территории СССР ликвидированы его филиалы [Подчеркнуто нами. – Ю.Г.]...»¹⁷. На следствии К. Тарджиманов якобы дал показания, что он создал «контрреволюционную панисламистскую повстанческую организацию, ставившую своей целью свержение Советской власти и установление независимого мусульманского государства [Подчеркнуто нами. – Ю.Г.]»¹⁸, «признался» в связях с японской, турецкой и афганской разведками.

После ареста в мае 1936 г. Кашафутдина Тарджиманова по цепочке были арестованы еще 25 человек, в том числе муллы Ташкента¹⁹. В протоколе допроса заместителя муфтия от 16 июля 1936 г. записано: «В состав центра контрреволюционной организации входили Камалетдинов Парвазетдин, член ЦДУМ; Шамсутдинов Абдулла, уполномоченный ЦДУМ по Москве и мулла Москвы; Тарпи Ибрагим, бывший муфтий Крыма, живет в Ташкенте; Махмудов Хазивали, бывший мулла Уфы, живет в Ташкенте». По данным А.Б. Юнусовой, Хазивали (Хазигалей) Шагимарданович Махмудов родился в 1872 г., до 1914 г. и по состоянию на 1923 г.

являлся имамом пятой соборной мечети г. Уфы по ул. Алтайской, 19, проживал в своем доме по ул. Вавиловской, 16, имел религиозное образование, владел русским языком.

Республиканские и областные Управления НКВД активно включились в поиски ячеек организации на местах. Так, в материалах следственного дела куйбышевского (самарского) мухтасиба М.Ф. Муртазина (1937–1938 гг.) содержится информация о том, что Тарджиманов и Фахретдинов имели связи с Японией, Германией и Турцией, использовали разъезжающих по всему Советскому Союзу мулл как агентов²⁰. Сын Тарджиманова, вероятно в начале 1930-х гг., переехал из Татарии в Ташкент, поэтому неудивительно, что Муртазин при посещении Ташкента встречался с сыном Тарджиманова²¹. В 1936 г. мухтасиб посещал и Самарканд, где встречался с бежавшими от репрессий муллами. В результате его обвинили в проведении вербовочной работы среди мулл Ташкента, Самарканда и Бухары по заданию ЦДУМ и лично К. Тарджиманова²².

Фактически то же самое обвинение в адрес руководства уфимского муфтията мы находим и в деле «Цепь Корана».

Таким образом, к моменту объединения в НКВД Казахской ССР семи оперативных дел, которые велись в Управлениях НКВД по Южно-Казахской и Актюбинской областям, в единое дело «Цепь Корана» (это произошло 20 июня 1940 г.²³), многие деятели ЦДУМ и контактировавшие с ними имамы в разных городах РСФСР были расстреляны, а основной обвиняемый – К. Тарджиманов – уже четыре года находился в уфимской тюрьме.

«Дело ЦДУМ», в свою очередь, разрабатывалось параллельно с «делом об Идель-Уральской организации» (1938 г.)²⁴, которое обвиняло религиозно-национальную элиту Москвы, Волго-Уральского региона и Средней Азии в создании националистического пантюркистского государства. В документах фигурировала идея «Великого Турана», который якобы пытались построить советские мусульмане из «населенных тюркоязычными народами территорий СССР – Татарии, Башкирии, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Казахстана с присоединением к ним Восточного Туркестана (Западный Китай)»²⁵. Примечательно, что в 1938 г. НКВД Татарской АССР в качестве одного из основных направлений своей работы выделяло ликвидацию «широко разветвленной антисоветской шпионско-диверсионно-повстанческой организации...руководимой агентами японской и германской разведок, с панисламистской линией, идущей на ЦДУМ»²⁶.

Сравнительный анализ материалов, находящихся в фокусе нашего внимания, показывает их принципиальное сходство как в характере обвинений (увязывание национального и религиозного аспекта), так и в признании негативного «панисламистского» влияния ЦДУМ, распространявшегося на районы, населенные мусульманами, и внутри РСФСР и в республиках Средней Азии.

Уфимский муфтият, по мнению контрразведчиков, выступал в качестве идейного лидера и вдохновителя скоординированной антисоветской шпионской деятельности, целью которой было создание исламского государства на просторах СССР. Вот как об этом было сказано в одном из документов: «Цель и задачи всех панисламистских формирований, вскрытых по делу “Цепь Корана” были едины, в основном, направленные к созданию единого мусульманского государства и восстановлению религиозных законов “Шариата”. Этому арестованные нами панисламисты добивались путем широкой антисоветской пропаганды в массах мусульманского населения и подготовки их к вооруженному восстанию под флагом “священной войны” против “кяфи́ров-большеви́ков”. Восстание рассматривалось единственной мерой, которая должна была обеспечить им создание единого мусульманского государства»²⁷.

Среди многочисленных вопросов, возникающих в момент прочтения этих источников, выделим наиболее значимые: какие конкретные действия К.Тарджиманова и его единомышленников оценивались властями как «панисламистские»? Имелись ли реальные основания для столь серьезных обвинений в стремлении ЦДУМ создать единое исламское государство на территории СССР?

Мнение о «панисламистской» и вообще «антисоветской» сущности Кашафутдина Тарджиманова и самой структуры ЦДУМ работники контрразведки сложили еще в начале 1920-х гг. В выписках из меморандумов по «восточным разработкам», составленных 28 декабря 1922 г. Татарским политическим отделом ГПУ, «казанский мулла» Тарджиманов именовался «панисламистом»²⁸. С февраля 1923 г. за ним было установлено агентурное наблюдение²⁹. Любопытно следующее: в «Списках татаро-башкирских националистов и мусульманского духовенства Башкирии» 1923 г. он был отнесен к группе «националистов», что доказывает значительную условность критериев разделения национально-религиозных лидеров на эти группы.

Активное участие муллы в национально-религиозной жизни российских мусульман в качестве руководителя Мусульманской организации помощи голодающим Поволжья³⁰ и казья (судьи) ЦДУМ не остались незамеченными властью и общественностью. «Правая рука» муфтия, он приложил много усилий для выстраивания диалога с партийно-советским руководством. Регулярными визитами в Москву, прогосударственной риторикой на мусульманских съездах он добивался и решения серьезных вопросов, волновавших российскую умму. В докладе Татарского ОГПУ от августа 1923 г. отмечалось, что находящийся в Москве член ЦДУ К. Тарджиманов по поручению съезда духовенства (Всероссийский съезд ЦДУМ состоялся в Уфе 10 – 25 июня 1923 г.) пытается ходатайствовать на предмет «преподавания религии» при мечетях, «выполняет в Казани роль руководителя и все наиболее злободневные вопросы он

старается рассмотреть и обсудить при помощи казанцев»³¹.

С точки зрения работников ОГПУ, тень на его фигуру бросали и активное взаимодействие с тюркскими эмигрантами в период сбора средств для борьбы с голодом, и поддержка идеи халифата, духовного лидерства Турции среди всех мусульман, озвученная лидерами ЦДУМ на Всероссийском съезде мусульман 1923 г.³²

Но наибольшее количество аргументов в руки контрразведки с доказательством «панисламистской» сущности работы ЦДУМ и его членов дали усилия (и на начальном этапе довольно успешные) муфтията по выстраиванию единой управленческой вертикали в рамках всего СССР. В своих попытках объединения мусульманских организаций на просторах СССР в 1920-е гг. уфимский центр взял курс на включение в орбиту своего влияния духовных управлений в разных частях страны³³. В отчетах Восточного отдела ОГПУ делался вывод, что ЦДУМ наиболее успешно передавал свой опыт и навыки организационной работы духовным управлениям в Средней Азии³⁴.

В 1924–1925 гг. ЦДУМ предприняло довольно успешные шаги по организации муфтиятов в различных городах Киргизии: «...В Киргизию проникло влияние ЦДУ [Так в документе. – Ю.Г.], которое организовало в городах Киргизии мухтасибаты. Работу мухтасибатов облегчало то обстоятельство, что татары (духовенство – торговцы) тесно связаны своими коммерческими операциями с манапами [Представителями киргизской родоплеменной элиты. – Ю.Г.] (скупка у последних сырья, скота и проч.)»³⁵.

Муллы из Волго-Уральского региона совершали регулярные поездки в Туркмению. ЦДУМ это всячески поощряло, а в конце 1926 г. туда был направлен один из его представителей. Селимишану (Ташаузский округ) был выдан мандат на организацию мухтасибатов. Благоприятная почва для усиления позиций Уфы имела в Ташаузском и Чарджуйском округах³⁶.

На Всероссийском съезде мусульман в 1926 г. присутствовала делегация Узбекистана: муфтий Захретдин Аглям, председатель Ташкентского духовного управления Габдул Хафия, представитель Самаркандского духовного управления Габдулла Хужа, член Кокандского духовного управления Мьянкудратулла. В дни работы съезда делегатами была озвучена благодарность уфимским лидерам за привлечение «киргиз, казахов и кара-калпаков» и призыв к другим «собратьям присоединиться к ЦДУМ»³⁷.

По состоянию на 1927 г. духовные управления, организованные во многом по типу уфимского муфтията, существовали в Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Намангане, Маргелане, Старой Бухаре, Хиве и Киргизии³⁸. Используя организационный опыт ЦДУМ, после возвращения со съезда 1926 г. были предприняты попытки духовенства создать единое духовное управление всего Узбекистана³⁹.

В материалах Восточного отдела ОГПУ обращалось внимание

на особенно активную работу волго-уральских мусульман в Казахстане: «...Необходимость сохранения этого района за ЦДУ [Так в документе. – Ю.Г.] исходила из желания, с одной стороны, не терять известной мощности, а с другой, укрепить свою экономическую базу, т.к. Казакстан [Так в документе. – Ю.Г.] являлся одним из самых богатых источников денежных средств, сумма которых занимала видное место в общем бюджете ЦДУ»⁴⁰. В этом отношении очень активно проявляли себя казии Магкулов и Байгильдин, которые выезжали в населенные пункты и «рассылали директивные письма мухтасибам о поддержке ЦДУ экономически и нежелательности сепаратизма»⁴¹. М. Магкулов «отвечал за организацию религиозной работы в Казахстане и курировал мечети этого региона»⁴².

Казахстан находился под юрисдикцией ЦДУМ до 1928 г. Важность и значимость именно этого сюжета подтверждается тем, что в составе ЦДУМ имелся специальный «казахский» отдел. Не с этим ли связана серьезная привязка «Цепи Корана» к «Делу ЦДУМ»?

Помимо «Цепи Корана» в материалах дела о «панисламистских организациях» по Южному Казахстану и Узбекистану (1937 – 1938 гг.) также содержались обвинения в адрес лидеров ЦДУМ. Тарджиманов и Магкулов указывались в качестве связных японской разведки, контактировавших с местными ячейками «антисоветской панисламистской террористическо-повстанческой и шпионско-диверсионной организации»⁴³. Эти ячейки, думается, и были обозначены в документах контрразведчиков как филиалы ЦДУМ на территории СССР.

Именно поэтому казий М. Магкулов прошел как обвиняемый по «делу Мухлисы Бобинской» (1937 г.). Возглавляемая ей «контрреволюционная буржуазно-националистическая повстанческая» организация Башкирии, по данным следствия, имела свои филиалы в Казахстане и других областях. На роль «казахстанского связника» следователи «выбрали» казия Магди Макулова, казаха по национальности, который якобы осуществлял «антисоветскую связь» со Средней Азией. 22 декабря 1937 г. он был расстрелян, а постановлением Президиума Верховного суда Башкирской АССР от 23 мая 1960 г. реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

Возвращаясь к вопросу о реальности «панисламистских» устремлений ЦДУМ, отметим, что приведенные факты подтверждают безусловный взаимный интерес региональных духовных лидеров к поддержке совместных инициатив, но не дают оснований подозревать обе стороны в откровенной антигосударственной деятельности. Нельзя не отметить ряд противоречий и нестыковок в обвинениях, выдвинутых контрразведкой против мусульманских лидеров страны.

Известно, что, используя национальные противоречия в

среднеазиатском регионе и административный ресурс центра, Восточный отдел ОГПУ организовал движение за автономию духовных управлений «восточных» республик от уфимского муфтията. В 1928 г. прекратил свое существование «казахский» отдел в ЦДУМ. «Киргизия формально, согласно устава ЦДУ, не входила в сферу деятельности последнего и это облегчило отрыв указанного района, вместе с тем было изолировано всякое влияние ЦДУ и вообще м/д [Мусульманского духовенства. – Ю.Г.] авт.) в Средней Азии»⁴⁴. В этот период, «благодаря целому ряду неудач в практической постановке существенных вопросов, роль ЦДУ в мусульманском религиозном движении заметно ослабилась»⁴⁵. По заключению самих контрразведчиков, активная внутри- и внешнеполитическая работа муфтията была пресечена уже в конце 1920-х гг.

В результате мы видим следующее: влияние ЦДУМ пошло на спад, всероссийские и местные съезды мусульман не проводились, но, несмотря на это, муфтият и его члены продолжали вплоть до своего ареста вести «панисламистскую» работу. Ответ на вопрос, в каких конкретных формах они продолжали ее вести в 1928–1936 гг., мы, увы, не найдем ни в одном из документов.

Заподозрить мусульманских лидеров Казахстана и Киргизии в мощной поддержке фигуры К. Тарджиманова в середине 1930-х гг. весьма и весьма проблематично. В ситуации «двоевластия» и смены муфтия в 1936 г. эти регионы (11 городов Казахстана и два города Киргизии) высказались в поддержку его оппонента – сына видного ишана, Г. Расулева⁴⁶. Сведения о протарджимановских настроениях официальными и неофициальными источниками не подтверждаются.

Всей деятельности уфимского ЦДУМ уже в 1920-е гг. был приклеен ярлык «панисламистская»⁴⁷, но нелегко понять, что вкладывали советские контрразведчики в понятие «панисламизм». В изученных нами документах Восточного отдела ОГПУ 1920-х гг., и материалах «Дела ЦДУМ» и «Цепи Корана» дефиниция отсутствует. Более поздняя, 1944 г., историческая справка советских архивистов с погонами НКВД под названием «Панисламистско-Пантюрокское движение в Средней Азии и Таджикистане» содержала весьма спорную трактовку этого явления: «...Панисламизм выдвигает на первый план объединение всех мусульман под знаменем защиты ислама, не отрицая в тоже время, руководящей роли Турции в их государственном объединении»⁴⁸.

Четко зафиксированных критериев не существовало: оперуполномоченные органов госбезопасности испытывали явное затруднение с разделением мусульманского духовенства и национальных лидеров по отношению к перспективам развития мусульманских народов. Религиозный лидер, который выступал за выстраивание единой иерархической структуры управления для

мусульман страны, в глазах работников контрразведки а-ргіогу попадал в категорию «панисламистов», а тот, кто настаивал на самоорганизации по национальному признаку, получал клеймо «националист, пантюрист». Понятийная размытость вкупе с негативным отношением к любым проявлениям национально-религиозной идентификации позволяли большевистской власти сколь угодно вольно использовать эти термины. Ситуация вокруг К. Тарджиманова хорошо иллюстрирует условность границ между ними. Все это объясняет, почему любые усилия по объединению общественных организаций так называемых мусульманских народов были обречены на ответ большевистской власти в виде жестких репрессий.

Дела «о заговоре руководителей ЦДУМ» и «Цепь Корана», а также целый комплекс процессов над «врагами народа» внутри Татарстана, Башкирии и «мусульманских» республик 1930-х гг., затрагивали светскую и религиозно-национальную мусульманскую элиту РСФСР, Волго-Уральского региона и Средней Азии. Причастность к одному делу становилось веским аргументом в пользу участия в другом. Вероятно, поэтому шло постепенное раскручивание маховика репрессий на окраинах СССР: степень давления на мусульман «внутренней» России и Средней Азии, Северного Кавказа была неодинаковой, силовые меры сначала (в 1937 – 1938 гг.) апробировались на более модернизированных регионах.

Совершенно очевидной становится логика работников ГУГБ НКВД СССР, которые умело связывали в единую «панисламистскую паутину», то, что происходило в центре (Москва, Уфа) с разгромом национально-религиозной элиты в среднеазиатских республиках. «Цепью» обвинений оказались «скованы» казахские и волго-уральские национально-религиозные лидеры, которые на протяжении нескольких столетий регулярно контактировали по широкому кругу деловых и гуманитарных проблем.

Как показывают приведенные материалы, в сознании работников ОГПУ–ГУГБ НКВД все мусульманские регионы были тесно связаны между собой. Еще в начале 1920-х гг. контрразведчики выявляли контакты лидеров различных мусульманских регионов бывшей Российской империи, увязывая, к примеру, работу в Татарии с тем, что происходило «в восточных республиках – в Туркестане, Башкирии, Сибири»⁴⁹. Все это заметно облегчало позднейшую задачу расширения ареала распространения «панисламистской» угрозы, а активность уфимского муфтията в деле сохранения и расширения своих социально-религиозных позиций в 1920-е гг. в СССР и за рубежом стала удобным предлогом для развертывания репрессий на всем пространстве Союза. Казахстан был выбран в качестве основного объекта репрессий не случайно: он традиционно имел наиболее тесные связи с ЦДУМ, и был относительно более

модернизирован с точки зрения исламской традиции, за что и поплатился.

Примечания

¹ Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920 – 1930-е гг.). Казань, 2006; *Набиев Р.А.* Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. Казань, 2002; *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999; *Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М.; Н. Новгород, 2013; *Сулаев И.Х.* Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: История взаимоотношений (1917 – 1991 гг.). Махачкала, 2009.

² *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 170–190.

³ Архив Департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по г. Алматы (Архив ДКНБ РК по г. Алматы). Оп. 1. Д. 702.

⁴ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Оп. 1. Д. 703.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 37.

⁷ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Оп. 1. Д. 702. Л. 10.

⁸ *Койгелдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920 – 1940-х годов. Алматы, 2009.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 117. Л. 35.

¹⁰ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Оп. 1. Д. 702. Л. 14.

¹¹ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Оп. 1. Д. 703. Л. 29.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ *Романенко В.С.* Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. Н. Новгород, 2005. С. 44–62.

¹⁴ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Оп. 1. Д. 703. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 2, 3.

¹⁷ *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 187.

¹⁸ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2209. Оп. 3. Д. 9095. Л. 285; *Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.* Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М.; Н. Новгород, 2013. С. 116.

¹⁹ *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 174.

²⁰ Архив Управления ФСБ по Самарской области (Архив УФСБ СО). Д. 7880.

²¹ Там же.

²² *Гусева Ю.Н.* Мухаммед-Фатых Муртазин (1875 – 1937): страницы

жизни // Самарский краевед. [Вып. 5]. Самара, 2011. С. 137–147.

²³ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Д. 702. Л. 2.

²⁴ Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920 – 1930-е гг.). Казань, 2006. С. 138; Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: Начало XX века – 30-е годы. Набережные Челны, 1997. С. 132.

²⁵ Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей). М.; Н. Новгород, 2013. С. 114, 125.

²⁶ Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Казань, 1999. С. 167.

²⁷ Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Оп. 1. Д. 702. Л. 9.

²⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 23.

³⁰ Гусева Ю.Н. «Исламская политика» советского государства и голод начала 1920-х гг. в Поволжье: Неизвестные страницы деятельности Комиссии Центрального Духовного Управления Мусульман по борьбе с голодом // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1-1. С. 79–83.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 690. Л. 44.

³² Там же.

³³ Гусева Ю.Н. Объединительные тенденции в деятельности Центрального Духовного Управления Мусульман в 20-е годы XX века // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2013. № 1/2. С. 50–55.

³⁴ Гусева Ю.Н. Объединительные тенденции в деятельности Центрального Духовного Управления Мусульман в 20-е годы XX века // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2013. № 1/2. С. 122.

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 1145. Л. 35–68; Ислам и советское государство (1917 – 1936): Сборник документов. Вып. 2. М., 2010. С. 112.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1145. Л. 35–68. Ислам и советское государство (1917 – 1936)... С. 115.

³⁷ Ислам и советское государство (1917 – 1936)... С. 111.

³⁸ Ислам и советское государство (1917 – 1936)... С. 107.

³⁹ Ислам и советское государство (1917 – 1936)... С. 111.

⁴⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 493. Л. 1.

⁴¹ Там же.

⁴² Рахимов С. «Виновной себя не признала»: Материалы следственного дела Мухлисы Бобинской // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2000. № 1/2. С. 217–223.

⁴³ Койгелдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920 – 1940-х годов. Алматы, 2009. С. 256, 257.

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 493. Л. 3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Гусева Ю.Н. Государственно-исламские отношения в 30-е годы XX века: Социальная эволюция или преемственность? (на материалах

Поволжья) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3-2. С. 427–430.

⁴⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 690. Л. 9; Гусева Ю.Н. Российский мусульманин в XX веке. Самара, 2013. С. 133–146.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 107. Л. 1.

⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 686. Л. 11.

Автор, аннотация, ключевые слова

Гусева Юлия Николаевна – докт. ист. наук, доцент Самарского филиала Московского городского университета (МГПУ)
j.guseva@mail.ru

Статья раскрывает характер взаимоотношений между Советским государством и исламом в 1920-е – 1930-е гг. Автор впервые использовала уникальные документы бывших советских органов государственной безопасности. Эти документы представляют собой части единого дела о «крупной панисламистской повстанческой организации на территории среднеазиатских республик», которой советская контрразведка дала название «Цепь Корана». Особое внимание в статье уделяется анализу категорий «панисламизм» и «панисламистская угроза», которыми пользовались работники советских органов государственной безопасности. Рассмотрено также взаимодействие членов Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) в г. Уфе со среднеазиатскими единоверцами, включая деятельность заместителя муфтия Кашафутдина Тарджиманова. Проведенное исследование позволило установить принципиальное сходство имперской и советской управленческих моделей в отношении российских мусульман. Это особенно ярко проявилось, во-первых, в восприятии «мусульманской угрозы» интересам государства, воплощенной в нарративе «панисламизм», которым оперировали работники советских органов государственной безопасности и который оказывал решающее влияние на карательную политику государства. Во-вторых, в активном противодействии любым центростремительным тенденциям в среде советских мусульман на всем пространстве СССР и стремлениям, которые однозначно квалифицировались как «панисламистские». В-третьих, в подозрительности контрразведчиков по отношению к связям советских верующих с «мусульманской» эмиграцией в приграничных районах СССР, которая оценивалась ими как угроза большевистской власти. Автор выявила сходство «мусульманских» репрессивных судебных процессов 1920-х – 1930-х гг. как в характере обвинений (увязывание национального и религиозного аспектов), так и в признании враждебности «панисламистского» влияния Центрального духовного управления мусульман на «исламские» ареалы и внутри Советской России, и в республиках Средней Азии.

Ислам, ислам в СССР, мусульмане в СССР, муфтият, Центральное

духовное управление мусульман (ЦДУМ), панисламизм, сталинский режим, политическая полиция, контрразведка, ОГПУ, НКВД, карательная политика, репрессии, «Цепь Корана», Кашафутдин Тарджиманов.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Guseva Yu.N. Gosudarstvenno-islamskie otnosheniya v 30-e gody XX veka: Sotsialnaya evolyutsiya ili preemstvennost? (na materialakh Povolzhya) [State-Islam Relations in the 1930s: Social Evolution or Continuity? (From materials of the Volga Region)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, vol. 13, no. 3-2, pp. 427–430.

2. Guseva Yu.N. “Islamskaya politika” sovetskogo gosudarstva i golod nachala 1920-kh gg. v Povolzhe: Neizvestnye stranitsy deyatelnosti Komissii Tsentralnogo Dukhovnogo Upravleniya Musulman po borbe s golodom [The “Islamic Policy” of the Soviet State and the Famine in the Volga Region in the Early 1920s: Unknown Pages from the Activity of the Commission of the Central Muslim Spiritual Board in the Struggle against Famine.]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2013, vol. 15, no. 1-1, pp. 79–83.

3. Guseva Yu.N. Obedinitelnye tendentsii v deyatelnosti Tsentralnogo Dukhovnogo Upravleniya Musulman v 20-e gody XX veka [Unifying Tendencies in the Activity of the Central Muslim Spiritual Board in the 1920s.]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*, 2013, no. 1/2, pp. 50–55.

4. Guseva Yu.N. Obedinitelnye tendentsii v deyatelnosti Tsentralnogo Dukhovnogo Upravleniya Musulman v 20-e gody XX veka [Unifying Tendencies in the Activity of the Central Muslim Spiritual Board in the 1920s.]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*, 2013, no. 1/2, p. 122.

5. Rakhimov S. “Vinovnoy sebya ne priznala”: Materialy sledstvennogo dela Mukhlisy Bobinskoy [“She did not admit her guilt”: Materials from the Investigation of the Case of Mukhlisa Bobinskaya.]. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*, 2000, no. 1/2, pp. 217–223.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Guseva Yu.N. Mukhammed-Fatykh Murtazin (1875 – 1937): stranitsy zhizni [Mukhammed-Fatykh Murtazin (1875 – 1937): Pages from a Life.]. *Samarskiy kraeved* [Samara Regional Specialist]. Samara, 2011, [vol. 5], pp. 137–147.

(Monographs)

7. Gaynetdinov R.B. Tyurko-tatarskaya politicheskaya emigratsiya: Nachalo XX veka – 30-e gody [Turko-Tatar Political Emigration: The Beginning of the Twentieth Century to the 1930s.]. Naberezhnye Chelny, 1997, p. 132.

8. Guseva Yu.N. Rossiyskiy musulmanin v XX veke [The Russian Muslim

in the Twentieth Century.]. Samara, 2013, pp. 133–146.

9. Koygeldiev M.K. Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920 – 1940-kh godov [Stalinism and Repressions in Kazakhstan: From 1920 to the 1940s.]. Almaty, 2009, 448 p.

10. Koygeldiev M.K. Stalinizm i repressii v Kazakhstane 1920 – 1940-kh godov [Stalinism and Repressions in Kazakhstan: From 1920 to the 1940s.]. Almaty, 2009, pp. 256, 257.

11. Minnullin I.R. Musulmanskoe dukhovenstvo i vlast v Tatarstane (1920 – 1930-e gg.) [The Muslim Clergy and Power in Tatarstan (From 1920 to the 1930s.]. Kazan, 2006, 220 p.

12. Minnullin I.R. Musulmanskoe dukhovenstvo i vlast v Tatarstane (1920 – 1930-e gg.) [The Muslim Clergy and Power in Tatarstan (From 1920 to the 1930s.]. Kazan, 2006, p. 138.

13. Nabiev R.A. Islam i gosudarstvo: Kulturno-istoricheskaya evolyutsiya musulmanskoj religii na Evropeyskom Vostoke [Islam and the State: The Cultural and Historical Evolution of the Muslim Religion in the European East.]. Kazan, 2002, 244 p.

14. Romanenko V.S. Sotrudnichestvo sovetskoy diplomatii i musulmanskogo dukhovenstva SSSR v 20-e gody XX veka [Cooperation between Soviet Diplomacy and the Muslim Clergy in the USSR in the 1920s.]. Nizhny Novgorod, 2005, pp. 44–62.

15. Senyutkina O.N., Guseva Yu.N. Musulmane Srednego Povolzhya v tiskakh repressivnoy politiki sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhegorodskoy i Samarskoy oblastey) [The Muslims of the Middle Volga Region in the Grip of the Repressive Policy of the Soviet Government (From Materials of the Nizhny Novgorod and Samara Regions.]. Moscow; Nizhny Novgorod, 2013, 230 p.

16. Senyutkina O.N., Guseva Yu.N. Musulmane Srednego Povolzhya v tiskakh repressivnoy politiki sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhegorodskoy i Samarskoy oblastey) [The Muslims of the Middle Volga Region in the Grip of the Repressive Policy of the Soviet Government (From Materials of the Nizhny Novgorod and Samara Regions.]. Moscow; Nizhny Novgorod, 2013, pp. 114, 125.

17. Senyutkina O.N., Guseva Yu.N. Musulmane Srednego Povolzhya v tiskakh repressivnoy politiki sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhegorodskoy i Samarskoy oblastey) [The Muslims of the Middle Volga Region in the Grip of the Repressive Policy of the Soviet Government (From Materials of the Nizhny Novgorod and Samara Regions.]. Moscow; Nizhny Novgorod, 2013, p. 116.

18. Stepanov A.F. Rasstrel po limitu [Chootings by Quota.]. Kazan, 1999, p. 167.

19. Sulaev I.Kh. Gosudarstvo i musulmanskoe dukhovenstvo v Dagestane: Istoriya vzaimootnosheniy (1917 – 1991 gg.) [The State and the Muslim Clergy in Dagestan: A History of Relations (1917 – 1991).]. Makhachkala, 2009, 375 p.

20. Yunusova A.B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa, 1999, 352 p.

21. Yunusova A.B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa,

1999, pp. 170–190.

22. Yunusova A.B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa, 1999, p. 174.

23. Yunusova A.B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa, 1999, p. 187.

Author, Abstract, Key words

Yulia N. Guseva – Doctor of History, Senior Lecturer, Samara Branch, Moscow City University (Samara, Russia)
j.guseva@mail.ru

The article focuses on the relations between the Soviet state and Islam in the 1920s – 1930s. The author presents unique documents of the former Soviet security services about the so-called “large-scale pan-Islamist rebel organization on the territory of the Middle Asian republics”, which was termed by the Soviet counter-intelligence as “The Chain of the Quran”. Special attention is paid to the analysis of the concepts of “pan-Islamism” and “pan-Islamic threat” employed by Soviet security staff. The article also analyzes the collaboration between the members of the Central Muslim Spiritual Board (TsDUM) in Ufa and their fellow believers in Middle Asia, including the activity of the Deputy Mufti Kashafutdin Tardzhimanov. The research reveals a principal similarity between the Imperial and the Soviet administrative models with respect to the Russian Muslims. This was manifested, firstly, in the perception of the “Muslim threat” to the interests of the state which was embodied in the narrative of “pan-Islamism” used by the state security functionaries and largely influenced the punitive policy of the state. Secondly, the similarity was found in the active opposition to any afferent trends felt among the Soviet Muslims on the whole territory of the USSR and to the aspirations that were unequivocally qualified as “pan-Islamist” ones. Thirdly, some common ground was found about the suspicion with which the Soviet secret agents treated the connections between the Soviet believers and the “Muslim” emigration in the borderline regions of the USSR, which was regarded by them as a threat to the Bolshevik rule. The similarity was also exemplified by the “Muslim” repressive trials of the 1920s – 1930s as to the nature of charges and accusations (linkage between the national and religious aspects) as well as by recognizing the “pan-Islamic” influence of the Central Muslim Spiritual Board on the “Islamic” regions as hostile both inside Soviet Russia and in the republics of the Middle Asia.

Islam, Islam in the USSR, Muslims in the USSR, Muftiate, Central Muslim Spiritual Board (TsDUM), pan-Islamism, Stalinist regime, political police, counterintelligence, Unified State Political Administration (OGPU), People’s Commissariat of Internal Affairs (NKVD), punitive policy, repressions, “The Chain of the Quran”, Kashafutdin Tardzhimanov.

РОССИЯ И МИР Russia and the World

А.Ю. Петров

УСТУПКА АЛЯСКИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКО- АМЕРИКАНСКОЙ СДЕЛКИ 150-ЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ*

A. Petrov

The Cession of Alaska: Discussion Points Regarding the 150 Year-Old Russian-American Agreement

150 лет назад, в 1867 г., Российская империя уступила свои заморские колонии – Русскую Америку – Соединенным Штатам Америки.

Изучение продажи Аляски и наследия Русской Америки выходит в настоящее время на более высокий уровень. Это происходит благодаря введению в научный оборот новых архивных данных, развитию такой проблематики, которая была вне поля специальных научных поисков в России и за рубежом, а именно развитие Православия в Новом Свете, сохранение наследия России во внутренних регионах Аляски и другой. Используются междисциплинарный и мультидисциплинарный подходы.

Между тем, общественное мнение и ученых до сих пор волнует вопрос уступки Аляски США. Остаются слабоизученными вопросы, связанные с причинами продажи территорий, эволюцией взглядов сторонников и противников уступки, обстоятельствами заключения сделки, процедурой перевода денежных средств и т.п. В данной публикации мы не претендуем на полное освещение проблемы продажи Аляски, а попытаемся отметить некоторые аспекты, которые до сих пор вызывают дискуссию.

* * *

Мы предлагаем рассматривать историю и наследие Русской Америки в разных аспектах¹.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01567).

В узком смысле – это Аляска, группы Алеутских островов, поселения в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах. Это район деятельности Российско-американской компании (РАК), управлявшей данными территориями в 1799–1867 гг. В широком смысле мы понимаем Русскую Америку как новые рубежи в сознании первопроходцев. «Америка» – термин, который представляет не столько материк, сколько новую, неизвестную территорию, подвижную границу (фронт). Только в первой половине XIX в. из России вышло более 50-ти кругосветных экспедиций. Они способствовали развитию отечественного кораблестроения, привели к новым географическим открытиям. Целью практически всех экспедиций была Аляска, куда требовалось доставить припасы и жизненно важные предметы для существования колонистов, а снаряжены они были на средства РАК. Данное положение остается актуальным при рассмотрении наследия России за границей. Поэтому в широком аспекте под Русской Америкой мы подразумеваем страны и территории, которые удалось посетить представителям российских кругосветных экспедиций. На этих территориях действовала своя система колониального права².

Среди многообразия работ по истории Русской Америки хотелось бы выделить фундаментальные труды Х. Бэнкрофта и Н.Н. Болховитинова, которые до сих пор являются методологической и фактологической основой для всех, кто берется изучать историю Русской Америки. Их объемные книги стали востребованы всеми, кто пытался и пытается разобраться в истории северной части Тихого океана.

Американский ученый Х. Бэнкрофт открыл для исследователей и широкой англоязычной общественности историю Аляски и Калифорнии. Его работы оказали существенное влияние на всю последующую историографию. Между тем, при всей основательности труды Х. Бэнкрофта страдали ошибками, касающимися русского периода в истории Аляски, а сведения о Форте Росс в Калифорнии оказались весьма обрывочны. Тому есть причины: Х. Бэнкрофт имел весьма ограниченный доступ к документам на русском языке, которые к тому же с ошибками были переведены на английский язык³.

Среди отечественных специалистов основателем новых подходов к изучению истории Русской Америки является академик РАН, лауреат Государственной премии РФ Н.Н. Болховитинов. Именно он заявил об истории Русской Америки на ведущих мировых научных «площадках» и предложил рассматривать ее как важнейшую составляющую российско-американских отношений⁴. Основываясь на знаниях своего времени, ученый высказал мысль о том, что русское наследие на Аляске исчезло: «От некогда обширных американских владений России не сохранилось ничего. Последние остатки русского наследия в конце XIX в. смыла гигантская волна авантюристов и золотоискателей, хлынувшая в район Клондайка, а затем и на саму

Аляску. Призрак русского влияния рассеялся “как дым, как утренний туман”»⁵.

Между тем, как показали дальнейшие исследования, это утверждение было верным, если знать, какими архивными документами располагал в свое время Н. Н. Болховитинов. Тогда еще можно было только мечтать о научно-исследовательских экспедициях во внутренние районы Аляски. Весьма ограничен был доступ к ее документальным фондам. Мало было известно и об источниках, хранящихся в региональных архивах России.

В настоящее время дискуссия разворачивается в отношении возникновения первых идей об уступке территорий. В основном они сводятся к трем позициям.

Во-первых, сама РАК якобы выступила с предложением о продаже территорий.

Во-вторых, это была точка зрения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, который предложил избавиться от заокеанских владений.

И, наконец, в-третьих, такова была позиция управляющего Морским министерством вел. кн. Константина Николаевича, брата императора Александра II.

Первые две позиции вряд ли могут быть признаны состоятельными: в первую очередь, по причине их гипотетического характера. Ни сама РАК, ни Муравьев-Амурский официально не обращались с ходатайствами и иным официальным бумагами об уступке территорий, при этом, не меняя своих позиций.

Впервые идею уступки заокеанских колоний озвучил вел. кн. Константин Николаевич 22 марта 1857 г. Именно тогда он сформулировал отношение российского руководства на самом высоком уровне к данному вопросу. Ровно через десять лет Аляску уступили США.

Вел. кн. Константин Николаевич в 1857–1867 гг. не только не скорректировал свою позицию, но усиливал ее, приводя новые аргументы в пользу уступки Аляски. Как будто им была поставлена цель, которую нужно достичь. Думается, что он стремился образовать узкий круг лиц, которые имели авторитет и обладали важными государственными постами для подтверждения и развития его позиции. Любая аргументация против его точки зрения либо отрицалась, либо подвергалась рассмотрению, но в итоге ее также игнорировали.

Чтобы понять дальнейшие события, важно разобраться в подоплеке его послания 1857 г. В 1853 г. вел. кн. Константин Николаевич, получивший прекрасное образование, воспитанный известным мореплавателем Ф.П. Литке, являлся сторонником развития военноморского флота, укрепления дальневосточных границ России. Он осознавал, что развитие этих территорий экономически выгодно, если обратиться за помощью к РАК. Ему от Литке были извест-

ны достижения И.Л. Голикова и Г.И. Шелихова, которые проложили торговые пути из Иркутска в Охотск, придав этому дальневосточному порту новый импульс в экономическом развитии. Ресурсы государства всегда были весьма ограничены на Дальнем Востоке. Именно РАК была заинтересована в развитии всего Азиатско-тихоокеанского региона, что отвечало специфике ее деятельности, связанной с пушным промыслом и чайной торговлей.

6 апреля 1853 г. вел. кн. Константин Николаевич настаивает на предоставлении РАК исключительных прав при занятии острова Сахалин. Он встречается с руководством РАК и сразу пишет письмо министру иностранных дел К.В. Нессельроде, в котором, в частности, указывает на важность принятия следующих положений:

«1. Предоставить Российско-американской компании занять остров Сахалин и владеть оным на тех же основаниях, как владеет она другими землями, упомянутыми в ее привилегиях. 2. Обещать Компании для занятия и защиты на Сахалине компанейских учреждений предоставлять в распоряжение ее воинских нижних чинов и офицеров, и чинам сим считаться на службе Компании и находиться на полном ее иждивении. 3. Компания обязуется занять на острове Сахалине те пункты, которые по местным соображениям окажутся важнейшими, к чему и приступить в нынешнем лете, а с 1854 года иметь там особаго своего правителя, которому в политическом отношении состоять под начальством генерал-губернатора Восточной Сибири или другаго правительственного главнаго начальника, как будет указано высочайшею волею. 4. Компания обязуется не допускать вновь на Сахалине никаких иностранных заселений, ни произвольных, ни по взаимному соглашению, и может передать остров сей только обратно правительству. 5. Правительство пользуется на Сахалине для казенных потребностей каменным углем безвозмездно, но добывая его своим иждивением. 6. Для ограждения берегов острова и гаваней от вторжения иностранцев Компания обязуется содержать достаточное число судов, но в случае военного нападения требует для защиты войска от правительства. 7. При первоначальном занятии Сахалина в нынешнем году могут быть употреблены с разрешения генерал-губернатора некоторые средства из Амурской экспедиции, но сия последняя, хотя и числится по некоторым предметам на компанейском счете, должна, однако же, быть совершенно отделена от Сахалинской и оставаться по-прежнему в непосредственном распоряжении правительства. 8. Компанейское начальство должно обращаться с требованиями своими о назначении к нему офицеров и нижних чинов на Сахалин к генерал-губернатору Восточной Сибири, а сей последний обязан исполнять эти требования безотлагательно, впрочем, Главное правление в случае надобности может обращаться с просьбами по сему предмету и к высшему правительству на случай необходимости и удобства отправления на Сахалин офицеров и нижних чинов на кругосветных компанейских

судах из Балтийских портов. 9. Офицеры и нижние чины, имеющие назначаться на службу Компании на Сахалин, должны отправляться туда на компанейских судах и на иждивении Компании от самага места прежняго их служения. 10. В нынешнем же году назначить и обязать Компанию взять не менее 100 человек из Камчатки. Что же касается просимаго Компаниею вспомоществования до 50 000 руб. серебром, то полезнее бы отпустить ей сумму сию безвозвратно и без всякаго расчета впоследствии в том внимании, что принимаемое ею на себя содержание команды и других издержек при занятии Сахалина требует усиленных средств, которыя не скоро могут покрыться торговыми выгодами. В заключение я обязываюсь выразить вашему сиятельству, что для занятия Сахалина в нынешнем году, что совершенно необходимо, дабы предупредить там иностранцев, Компания находит нужным получить окончательное разрешение по всем вышеизложенным предметам не позже половины сего апреля. Прошу ваше сиятельство все вышеизложенные соображения Ваши повергнуть высочайшему возрению государя императора и, дабы я мог присутствовать при Вашем докладе, уведомить меня накануне, в какой день Вы изволите полагать доложить о сем его величеству»⁶.

Им не воспринимается сомнение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, предлагающего избавиться от Русской Америки. Весной 1853 г. этот чиновник доказывал, что США с развитием железных дорог «неминуемо распространятся по всей Северной Америке... рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши»⁷. Мы полагаем, что позиция Муравьева-Амурского в целом объяснима: для него РАК – это конкурент, притом успешный конкурент во вверенном его управлению крае.

Период деятельности вел. кн. Константина Николаевича с 1853 по 1857 гг. мало известен с точки зрения его позиции по отношению к РАК и Русской Америке. Единственное, но важное исключение – это направление его адъютанта И.А. Шестакова в США для строительства фрегата «Генерал-адмирал». Шестаков находился в США с 1856 по 1859 гг., встречался с высокопоставленными лицами в США. 1853–1856 гг. – это период Крымской войны. России противостояли Англия, Франция и Османская империя. США больше симпатизировали России. Более того, медицинский персонал из США активно помогал русским при обороне Севастополя, а на другом материке именно американцы в 1854 г. согласились заключить фиктивный договор о продаже имущества и владений РАК Американско-русской торговой компании в Сан-Франциско.

После заключения Парижского мирного договора 1856 г. вел. кн. Константин Николаевич направляется во Францию, куда его настойчиво приглашают. Ему оказали великолепный прием.

Великий князь осматривал флот, совершал морским прогулки. Весьма озабоченный состоянием здоровья императрицы Алексан-

дры Федоровны, он «приходил к императрице каждый день к утреннему кофе, потом сопровождал ее во всех прогулках, обедал с ее величеством и проводил с нею вечер». Согласно воспоминаниям А.В. Головнина, во второй половине марта 1857 г. великий князь получил письма от тайного советника Л.В. Тенгоборского и вел. кн. Михаила Николаевича, в которых сообщались сведения о плачевном состоянии финансов Российской империи, но самое важное – содержалась просьба сократить расходы на Морское министерство, причем сократить на четверть – на 5 млн руб., до 14 млн. Великий князь принял решение отказаться от собственного жалованья, отменить вооружение и плавание парусных судов, отменить плавание эскадры в Средиземное море и провести ряд других мер. Но все равно этого было явно мало. Вел. кн. Константин Николаевич вскоре отправляет письма Александру II и новому министру иностранных дел князю А.М. Горчакову. А.В. Головнин пишет: «Сообщая государю свои предложения о сокращении расходов по Морскому ведомству, великий князь в то же время указывал на необходимость открытия новых источников государственных доходов и писал министру иностранных дел князю Горчакову, что с этою целию было бы весьма полезно продать правительству Северо-Американских штатов наши владения в Северной Америке и что это было бы тем удобнее, что в настоящее время доход Штатов превышает расходы их и что у них остается в год 22 млн. долларов, с которыми они не знают, что делать, и что известно, что Соединенные Штаты непременно желают соединить под своею властью всю территорию Северной Америки и, конечно, если займут наши владения силой, то мы не будем в состоянии ни воспротивиться этому, ни возратить нашу собственность и потому даже благоразумие требует продать оную»⁷⁸.

22 марта (3 апреля) 1857 г. из Ниццы вел. кн. Константин Николаевич пишет письмо Горчакову. Не Александру II, а именно Горчакову. Письмо продуманное, аргументированное:

«По случаю стесненного положения государственных финансов я изыскиваю ныне средства к сокращению нашей морской сметы и весьма бы желал уменьшить сметное требование на 1/4 всей сметной суммы. Но, несмотря на все, что мы могли бы сделать в этом отношении, огромная экономия, повредив значительно развитию морских сил наших, принесет сравнительно весьма малую пользу государственному казначейству. Посему, независимо помянутых сбережений, оказывается необходимым прибегнуть к другим, более действительным средствам, чтоб выйти из нынешнего затруднительного положения. В этом отношении мне пришла мысль, что нам следовало бы воспользоваться избытком в настоящее время денег в казне Соединенных Северо-Американских Штатов и продать им наши Северо-Американские колонии. Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению

своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии воротить их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы и потеря их не была бы слишком чувствительна и потребовала бы только вознаграждения нашей Российско-Американской компании. Для ближайшего обсуждения этого дела и вычисления ценности колоний казалось бы полезным истребовать подробные соображения бывших правителей колоний адмирала барона Врангеля, контр-адмирала Тебенкова и отставного контр-адмирала Этолина, находящихся в Петербурге, имея, впрочем, в виду, что все они могут иметь несколько пристрастный взгляд как члены Американской компании и причем как лица, которые провели лучшие годы жизни в колониях, где пользовались большой властью и значением. Соображения сии прошу ваше сиятельство доложить государю императору. Константин».

На письме – помета Александра II: «Эту мысль стоит сообразить»⁹.

В данном случае перед нами два документа, написанные одним и тем же лицом с разницей в четыре года.

В более раннем отмечается важность занятия Сахалина именно с помощью РАК, отмечается необходимость помощи компании и выделения ей как денежных средств, так и людей.

В письме же 1857 г. указано, что компания уже малополезна для государства.

Если мы посмотрим на благоприятные финансовые отчеты компании, успехи в защите Русской Америки, росте отчислений в казну в виде таможенных платежей, то возникает недоумение по поводу столь радикального изменения взглядов великого князя, связанных с деятельностью РАК в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Одно из объяснений этого казуса может содержаться в другом, выявленном нами, архивном документе – письме вел. кн. Константина Николаевича министру финансов А.М. Княжевичу от 27 октября 1859 г. Стоит также полностью привести его текст, чтобы понять логику Великого князя:

«Зимой 1857 года, получив в Ницце от покойного Тенгоборского [Л.В. Тенгоборский (1793 – 1857), действительный тайный советник. – А.П.] записку его о тогдешнем состоянии наших финансов, я немедленно сократил расходы по морскому ведомству, испросив высочайшее разрешение не вооружать весь Балтийский флот и не посылать в том году эскадры в Средиземное море, и в то же время, изыскивая новые источники для получения денег, писал из Ниццы министру иностранных дел, что было бы весьма полезно продать Северо-Американским Штатам наши владения в Северной Америке. Эта мера казалась мне тем более нужною, что в случае войны с морской державой мы не в состоянии защитить наших колоний, и тем более своевременною, что в 1857 г. северо-американцы имели

значительный перевес государственных доходов перед расходами. После того я имел случай узнать по этому предмету мнение адмирала графа Путятина, капитана 1 ранга Шестакова и посланника нашего в Америке Стекля, которые все одобряли помянутое предположение. Препровождая Вашему высокопревосходительству копию с письма моего князю Горчакову и полученного на оное ответа, считаю не излишним обратить Ваше внимание на сказанное предположение ввиду нынешних финансовых затруднений наших и, тем более, что по Вашему докладу мысль о продаже вообще государственных имуществ одобрена государем императором»¹⁰.

Между тем, на позицию вел. кн. Константина Николаевича могли оказать влияние письма, которые им были получены из США и Англии. Например, от И.А. Шестакова, который мог информировать его о желании президента США Ф. Пирса (1853 – 1857 гг.), укрепить позиции Соединенных Штатов на севере Тихого океана. Президент Пирс получил известность своими антианглийскими взглядами и выказывал стремление ограничить влияние Англии в Британской Колумбии. Кроме того, в это время Компания Гудзонова Залива укрепляет свои позиции, в том числе в заключении выгодных контрактов с РАК.

Хотелось бы обратиться еще к одному, на первый взгляд второстепенному, событию, которое произошло во время визита великого князя в Париж в 1857 г. С ним встретились русский посол в Париже граф П.Д. Киселев и члены Парижского комитета русских железных дорог. Они просили его поддержать строительство железных дорог в России. Дело в том, что французской прессе запретили размещать информацию об акциях российских железных дорог. Запрет распространялся и на торговлю российскими акциями на французской бирже. Великий князь внял этим просьбам и лично встречался с императором Наполеоном III, попросив того отменить эти запрещения, которые касались только русских акций. Император Франции выснил мнение своего Совета министров и вскоре дал согласие пойти навстречу пожеланию русских, но при этом попросил, чтобы Россия купила акции французских фондов для поддержки биржи. Об этом было сообщено в С.-Петербург, но ответ, на первый взгляд, был малоутешителен для французов: денег в казне было явно мало для осуществления пожелания французов¹¹. Представляется, что в это время была достигнута договоренность о возможной покупке «принадлежностей для железных дорог», которая и была осуществлена спустя 10 лет в связи с уступкой Аляски США.

Решение об уступке Аляски было принято 16 декабря 1866 г.

В обстановке особой секретности в Министерство иностранных дел прибыли император Александр II, председатель Государственного Совета вел. кн. Константин Николаевич, министр финансов М.Х. Рейтерн, управляющий Морским министерством Н.К. Крабе, министр иностранных дел А.М. Горчаков, а также посланник Рос-

сийской империи в Вашингтоне Э.А. Стекль.

В приглашении на это совещание, предназначенное вел. кн. Константину Николаевичу, которому и принадлежала идея расстаться с заокеанскими колониями на севере Тихого океана, звучали такие слова: «Государю императору благоугодно было назначить заседание Комитета по делам, касающимся до отношений наших с Северо-Американскими Штатами, и пригласить к оному ваше императорское высочество. Комитет под предводительством государя императора соберется в Министерстве иностранных дел в пятницу, 16 декабря, в час по полудни». Это была достаточно туманная формулировка, из которой сложно заключить, о чем на самом деле шла речь, ведь соглашение готовилось секретно, а его участники опасались утечки информации даже в кругах высших российских чиновников.

Вряд ли можно утверждать, что все участники указанного исторического совещания сразу согласились с доводами вел. кн. Константина Николаевича. В частности, министр иностранных дел Горчаков давал, в целом, благоприятные для слуха великого князя заключения, но все же излагал свои мысли достаточно туманно, и их, при желании, можно было бы трактовать и как оппозиционное суждение, которое могло бы быть и на стороне РАК.

Вел. кн. Константин Николаевич, Рейтерн и Крабе отмечали основные факторы, которые требовали принятия жестких мер в отношении колоний: убыточность РАК, проблемы в обрусении коренного населения и развитии коммерческого мореплавания, актуальность использования ресурсов государства при освоении Приамурья, проблематичность защиты колоний в случае военного конфликта.

В отечественной историографии в основном принято соглашаться с мнением вел. кн. Константина Николаевича и, более того, для усиления аргументации добавлять еще указания на отсталость России и крепостнический строй¹². В последние годы, между тем, появились работы, авторы которых отстаивают мнение о наличии «преступного заговора» и об отсутствии какого-либо здравого смысла в принятии решения об уступке Аляски¹³. Есть и авторы, которые в целом соглашаются с аргументацией коллег, считающих заключение соглашения спорным; восклицая «Мы что, купили этот полуостров, чтобы его продавать?», они в то же время стремятся найти определенный компромисс, признавая правоту тех русских сановников, кто полагал, что «при обострении ситуации не хватит ни сил, ни средств, чтобы удержать Аляску»¹⁴.

Исходя из имеющихся в нашем распоряжении документов, можно признать очевидные перегибы не только в аргументации вел. кн. Константина Николаевича, но даже министра финансов, который дал явно неблагоприятную картину состояния дел в Русской Америке, занизив при этом стоимость и ликвидность активов РАК в колониях. Были проигнорированы результаты ревизии С.А. Кослив-

цева и Н.П. Головина русских колоний в Америке, а ведь эта проверка показала стабильное финансово-хозяйственное положение дел у Российско-американской компании. Капитан-лейтенант флота П.В. Головин, который находился в подчинении вел. кн. Константина Николаевича, решился даже на такую формулировку: «Общественное мнение России до сих пор негодует за уступку нашей бывшей фактории в Калифорнии, особенно с тех пор, как рядом с селением Росс открылись золотые прииски, а при преобразованиях, которые предполагаются для наших колоний, легко может случиться, что люди предприимчивые, принявшись за дело толково и с энергией, откроют и в колониях наших богатства, о существовании которых теперь и не подозревают. Что касается до упрочения дружественных отношений России и Соединенных Штатов, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это им выгодно. Жертвовать же своими интересами для простых убеждений американцы никогда не будут»¹⁵.

Была проигнорирована и записка сотрудника Азиатского департамента МИД России Ф.Р. Остен-Сакена, который полагал, что «сложившееся исторически распределение североамериканского материка между тремя великими державами будет нарушено»¹⁶.

У самого императора, представляется, были смутные представления о специфике деятельности РАК, о ее правах и привилегиях, заключенных в уставе, о том, что он и члены его семьи являются акционерами, а сам он «высочайше покровительствует» компании. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилась записная книжка Александра II, в которой есть запись, о том, что происходило в Министерстве иностранных дел: «В 1 [дня] у к[нязя] Горчакова совещ[ание] по дел[у] Америк [анской] комп[ании]. Реш продать Соедин[енным] Штатам»¹⁷.

При анализе этих строк, написанных со сложно понимаемыми сокращениями, можно прийти к таким заключениям. Слово «реш.» сохранено как в оригинале, при этом представляется, что однозначно его расшифровывать как «решено» вряд ли возможно. По мнению Александра II, совещание было посвящено вопросу продажи РАК, а вовсе не колоний, о них в этой краткой записке вообще не шло речи. Это явное недоразумение. Продать Российско-американскую компанию Соединенным Штатам (даже если бы и хотели) не смогли бы втайне от ее руководства и акционеров. Ее могли лишь известить о том, что ее деятельность следует прекратить. Что и было сделано в дальнейшем. Она была ликвидирована уже после уступки Русской Америки, а дивиденды на ее акции выплачивались даже в 1880-х гг.¹⁸

Между тем, после совещания декабря 1866 г., получив полномочия на проведение переговоров, Стекло в январе 1867 г. выехал в США. В марте 1867 г. он встретился с государственным секретарем

Уильямом Сьюардом и напомнил ему «о предложениях, которые делались в прошлом о продаже наших колоний», добавив, что «в настоящее время императорское правительство расположено вступить в переговоры». Почти сразу после этого состоялась встреча Сьюарда и президента США Эндрю Джонсона, заручившись согласием которого, государственный секретарь сразу сообщил об этом российскому посланнику. Уже 19 марта основные положения будущего договора были рассмотрены.

А в это время в России, с разницей буквально в три дня, 17 марта 1867 г., Главное правление Российско-американской компании представило министру финансов очередное прошение, в котором приводились доводы в пользу того, чтобы РАК были выделены кредитные средства в размере 1 млн руб. для дальнейшего освоения Аляски. При этом директора РАК давали обязательство полностью погасить этот кредит с процентами в течение 10 лет. Уже 22 марта 1867 г. появилась новость о том, что правительство намерено тщательно рассмотреть вопрос о просимом займе. Появились и хорошие новости из колоний, которые говорили об увеличении добычи морских животных и скором росте доходов. Директора компании указывали, что из Русской Америки уже направлены крупные партии пушнины, которые направлялись как в сторону Китая, так и в С.-Петербург. Этот факт подтверждают и американские исследователи, оперируя данными колониального архива РАК¹⁹.

Вскоре один только корабль «Цесаревич» вывез из Русской Америки пушнины более чем на 2 млн. руб. Сделки с акциями РАК на бирже совершались на 25 руб. выше, и пользовались спросом²⁰. Это были последние известные нам торги до появления известий об уступке Русской Америки.

Историк С.Б. Окунь утверждал: «Стопятидесятирублевые акции компании в последние годы ее существования продавались на бирже по 70 руб.»²¹. Как видно из исследования Окуня, курс акций компании никогда не опускался до 70 руб., тем более «в последние годы». Даже в крайне сложные для компании 1865–1867 гг. средний курс акций РАК на бирже был выше 100 руб. за акцию. Если же взять средний курс акций компании за 1858–1867 гг. (до появления известий о продаже Аляски), то он равнялся 222,5 руб.²²

29 марта 1867 г., получив сообщение от Стекла, что Александр II дал согласие на уступку колоний, У.Г. Сьюард выступил с предложением согласовать текст и подписать договор в ту же ночь. Вызванные помощники помогли подготовить окончательный текст. Заключительный момент его подписания – в 4 часа утра – запечатлен на известной картине Э. Лейтце. После подписания договора, этот документ должен был пройти ратификацию²³.

В настоящее время в литературе и средствах массовой информации используется термин «продажа» Аляски. Существует мнение, что более точным является термин «уступка»²⁴, ведь именно он фи-

гурирует в тексте:

«Его Величество Император Всероссийский сим обязуется уступить Северо-Американским Соединенным Штатам, немедленно по обмене ратификацией, всю территорию с верховным на оную правом, владеемым ныне Его Величеством на Американском материке, а также прилегающие к ней острова. Сказанная территория заключается в нижеозначенных географических границах, а именно: восточную границу служит линия разграничения между Российскими и Британскими владениями в Северной Америке, как таковая линия постановлена конвенциею, заключенною между Россиею и Великобританиею 16 (28) февраля 1825 г. <...> Западная граница уступленных территорий проходит через точку в Беринговом проливе под шестьдесят пятым градусом и тридцатью минутами северной широты в ее пересечении меридианом, отделяющим на равном расстоянии острова Крузенштерна, или Игналук, от острова Ратманова, или Нунарбук, и направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане. Начиная с той же исходной точки, эта западная граница идет оттуда почти в юго-западном направлении через Берингов пролив и Берингово море, так что она проходит в равном расстоянии между северо-западною оконечностью острова Св. Лаврентия и юго-восточною оконечностью Чукотского носа до меридиана сто семидесяти двух градусов западной долготы; от сего пункта, начиная от точки пересечения этого меридиана, граница идет в юго-западном направлении, проходя на равном расстоянии между островом Атту и островом Куппера, лежащим в группе малых островов Командорских в Северном Тихом океане до меридиана сто девяносто трех градусов западной долготы, и таким образом включает в уступленную территорию все Алеутские острова, лежащие к востоку от сего меридиана»²⁵.

Уступку Русской Америки удалось провести втайне от акционеров, директоров РАК и даже от многих высокопоставленных чиновников Российской империи. Парадоксально, но они узнали об этом из сообщений, полученных по телеграфу из Западной Европы. Вскоре стало известно и то, как отнеслись к приобретению новой территории в США. 18 апреля 1867 г. договор был ратифицирован Сенатом, а 15 мая – Александром II, 20 июня в Вашингтоне обе стороны обменялись ратификационными грамотами, а уже 19 октября в Ново-Архангельск прибыли эмиссары обеих держав.

За русские территории в северной части Тихого океана США заплатили 7,2 млн. дол. До сих пор обсуждается вопрос о том, какая была стоимость покупки, если перевести деньги XIX в. на современное исчисление. Существуют различные предложения. Безусловно, задача историков вряд ли состоит в том, чтобы строить предположения, но попытаемся и мы выдвинуть свое предположение. Мы предлагаем исходной точкой брать ВВП США, который составлял 8 млрд 424 млн долларов в 1867 г. Таким образом, уплаченные

деньги за Аляску (7,2 млн) составили 0,08736 процента от ВВП 1867 г. Эта доля от ВВП США 2016 года (от 18 трлн 561 млрд 930 млн долларов, по данным МВФ) составляет 16 млрд 215 млн 702 тыс. долл. (16 215,7 млн долл. США). Гипотетически можно предположить, что 16,2 млрд долл. США в современных деньгах и стоила бы Аляска. Расчет составлен совместно с В.Н. Косторниченко с использованием данных “Measuring Worth”. Приведенная нами цифра совпадает с вычислениями исследователя из США Д. Баркера, который считает, что сумма могла быть 16,5 млрд долл. США по состоянию на 2009 г.²⁶

Русская Америка была продана США, и в результате этой сделки РАК должна была прекратить свое существование. Между тем анализ финансовой документации РАК в ликвидационный период показал, что в балансах компании отсутствуют строки, которые говорили бы о том, что хотя бы часть средств компания получила от продажи территорий, которыми она управляла.

Каждый год появляются публикации, в которых предлагаются «новые трактовки» и все новые и новые версии судьбы полученных за Аляску денег. Поэтому хотелось бы еще раз привести текст документа, который мы выявили в Российском государственном историческом архиве. Мы полагаем, что документ этот сохранился случайно, так как находится в деле, явно не связанном с уступкой Аляски. Документ был составлен одним из служащих Департамента государственного казначейства Министерства финансов России во второй половине 1868 г. Приведем его содержание полностью:

«За уступленные Северо-Американским Штатам Российские владения в Северной Америке, поступило от означенных Штатов 11 362 481 р.[уб.] 94 [коп.] Из числа 11.362.481 руб. 94 коп. израсходовано за границу на покупку принадлежностей для железных дорог: Курско-Киевской, Рязанско-Козловской, Московско-Рязанской и др. 10 972 238 р.[уб.] 4 к.[оп.] Остальные же 390 243 руб. 90 к.[оп.] поступили наличными деньгами»²⁷.

США перевели в Россию 7 035 тыс. долл. Остальная сумма в размере 165 тыс. была использована русским чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вашингтоне тайным советником Э.А. Стеклем “по собственному усмотрению”²⁸. Если провести конвертацию 7 035 тыс. долл. по курсу 1,61–1,62 (стоимость 1 американского доллара составляла 1,61–1,62 российского рубля), то получится в итоге именно та сумма, которую получила Российская империя от уступки Аляски. Однако оставались нерешенными некоторые вопросы. Например, в связи с тем, что деньги поступили с запозданием, Россия могла претендовать дополнительно на 115 200 долл., которые полагались за задержку перевода согласно контракту. Но, дабы не усугублять российско-американские отношения какими-либо сложностями, этот вопрос был отложен.

В связи с уступкой в 1867 г. российских заморских колоний Со-

единенным Штатам можно говорить о завершении периода истории Русской Америки и начале периода сохранения ее историко-культурного наследия. Однако в течение почти 150-ти лет практически не изучались внутренние районы Аляски, не принято было говорить и о наследии России на Аляске и Калифорнии, замалчивалось значение Русской православной церкви в освоении севера Тихого океана.

* * *

Уступка Аляски не привела к исчезновению российского наследия под натиском переселенцев из континентальной части США: оно сохранилось до настоящего времени, несмотря на продолжительный период отсутствия взаимодействия с Россией.

Историко-культурное наследие России в северной части Тихого океана – это сложный и многогранный феномен, который выходит за пределы тех географических границ, которые были установлены согласно международным договорам 1824, 1825 и 1867 гг.

Те или иные компоненты единого историко-культурного пространства получили широкое распространение в северной части Тихого океана в конце XIX – начале XXI вв. Финансово-хозяйственный компонент, который был одним из ключевых при освоении Тихого океана в первой половине XIX в., в связи с продажей Аляски уступил свое место Православию, которое стало движущей силой сохранения и развития исторического и культурного наследия России в Северной Америке²⁹.

Примечания

¹ Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.

² Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Савельев И.В. Становление колониального права в Русской Америке // Российская история. 2015. № 4. С. 101–111.

³ Vancroft H. History of Alaska, 1730 – 1885. San-Francisco, 1886.

⁴ Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений: 1775 – 1815. М., 1966; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения: 1815 – 1832. М., 1975; Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость: 1775 – 1783. М., 1976; Болховитинов Н.Н. США: Проблемы истории и современная историография. М., 1980; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834 – 1867. М., 1990; Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку: 1732 – 1799. М., 1991.

⁵ Болховитинов Н.Н. Предисловие // История Русской Америки (1732 – 1867). Т. 1. М., 1997. С. 5.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Российско-американская компания (РАК). Д. 390. Л. 1-7

⁷ Болховитинов Н.Н. Возникновение проектов продажи Русской Америки (1853 – 1861) // История Русской Америки (1732 – 1867). Т. 3. М., 1999. С. 370, 371.

⁸ Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 169.

⁹ АВПРИ. Ф. Главный архив 1-9. 1857

¹⁰ АВПРИ. Ф. РАК. Д. 397. Л. 11

¹¹ Головнин А.В. Указ. соч. С. 170–173; Дневник Великого Князя Константина Николаевича: Заграничное путешествие 1858 – 1859 гг. // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 113.

¹² Болховитинов Н.Н. Продажа Аляски (1867) // История Русской Америки (1732 – 1867). Т. 3. М., 1999. С. 425–487.

¹³ Бушков А.А. Русская Америка: Слава и позор. СПб., 2006.

¹⁴ Аннинский Л. Отступная Аляска // Родина. 2017. № 4. С. 63.

¹⁵ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841 – 1867. С. 364, 365.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Главный Архив 1-9, 1857 – 1868 гг. Д. 4. Л. 63–64об.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 320. Л. 120.

¹⁸ Петров А.Ю. Деятельность Российско-американской компании накануне продажи Аляски США: 1858 – 1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 41–50.

¹⁹ Andrews C.L. The Story of Alaska. Caldwell (IN), 1943. P. 122.

²⁰ Биржевые ведомости (С.-Петербург). 1867. 22 марта.

²¹ Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939. С. 235.

²² Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939. С. 235.

²³ Болховитинов Н.Н. Продажа Аляски (1867) // История Русской Америки (1732 – 1867). Т. 3. М., 1999. С. 455.

²⁴ Вылегжанин А.Н. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 104–113.

²⁵ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. XLII. № 44518.

²⁶ Barker D. Was the Alaska Purchase a Good Deal? University of Iowa Press, 2009. P. 22.

²⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 3. Д. 17843. Л. 9.

²⁸ Болховитинов Н.Н. Продажа Аляски (1867) // История Русской Америки (1732 – 1867). Т. 3. М., 1999. С. 480.

²⁹ Петров А.Ю., Климент (Капалин), митр., Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1095–1099.

Автор, аннотация, ключевые слова

Петров Александр Юрьевич – докт. ист. наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Москва)

alaska13@yandex.com

Статья посвящена дискуссионным вопросам, порожденным уступкой в 1867 г. русским правительством Соединенным Штатам Америки территорий, входивших в состав Российской империи под названием Русская Америка. Эти вопросы до сих пор вызывают споры в научных кругах и волнуют широкую общественность. Статью отличают научная объективность и междисциплинарный подход. В статье использованы архивные и уже опубликованные документы, в которых изложены обстоятельства принятия русским правительством решения об уступке Аляски США. Особое внимание уделено анализу новых документов, раскрывающих взгляды вел. кн. Константина Николаевича Романова на уступку Аляски США. Дается также оценка позиции императора Александра II по вопросу уступки Аляски и позиции правительства США по вопросу приобретения новых территорий. Наконец, анализируется найденный автором документ, содержащий сведения о том, как были потрачены средства, полученные от уступки Аляски США. Делается вывод, что после уступки российских заморских колоний Соединенным Штатам завершился период истории Русской Америки и начале период сохранения ее историко-культурного наследия. Уступка Аляски не привела к исчезновению российского наследия под натиском переселенцев из континентальной части США: оно сохранилось до настоящего времени, несмотря на продолжительный период отсутствия взаимодействия с Россией.

Русская Америка, Аляска, Калифорния, колонизация, российско-американские отношения, вел. кн. Константин Николаевич, Александр II, А.М. Горчаков, русский военно-морской флот, продажа Аляски, покупка Аляски, историко-культурное наследие, Православие, Русская православная церковь.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Anninskiy L. Odstupnaya Alyaska [Alaska as Payoff.]. *Rodina*, 2017, no. 4, p. 63.
2. Petrov A.Yu. Deyatelnost Rossiysko-amerikanskoy kompanii nakanune prodazhi Alyaski SShA: 1858 – 1867 gg. [The Activities of the Russian-American Company on the Eve of the Sale of Alaska to the United States, 1858 – 1867.]. *Voprosy istorii*, 2006, no. 2, pp. 41–50.
3. Petrov A.Yu., Kliment (Kapalin), Malakhov M.G., Ermolaev A.N., Savelev I.V. Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki [The History and Heritage of Russian America.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, no. 12, pp. 1090–1099.
4. Petrov A.Yu., Kliment (Kapalin), Malakhov M.G., Ermolaev A.N., Savelev I.V. Istoriya i nasledie Russkoy Ameriki [The History and Heritage of Russian America.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2011, no. 12, pp. 1095–1099.

5. Petrov A.Yu., Kliment (Kapalin), Savelev I.V. Stanovlenie kolonialnogo prava v Russkoy Amerike [The Establishment of Colonial Law in Russian America.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2015, no. 4, pp. 101–111.

6. Vylegzhanin A.N. 20 let “vremennogo primeneniya” Soglasheniya mezhdru SSSR i SShA o linii razgranicheniya morskikh prostranstv [Twenty Years of the “Provisional Application” of the Agreement between the USSR and the USA on the Line of Demarcation of Maritime Spaces.]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010, no. 1, pp. 104–113.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Bolkhovitinov N.N. Vozniknovenie proektov prodazhi Russkoy Ameriki (1853 – 1861) [The Emergence of the Plans for the Sale of Russian America (1853 – 1861).]. *Istoriya Russkoy Ameriki (1732 – 1867)* [A History of Russian America (1732 – 1867).]. Moscow, 1999, vol. 3, pp. 370, 371.

8. Bolkhovitinov N.N. Predislovie [Preface]. *Istoriya Russkoy Ameriki (1732 – 1867)* [A History of Russian America (1732 – 1867).]. Moscow, 1997, vol. 1, p. 5.

9. Bolkhovitinov N.N. Prodazha Alyaski (1867) [The Sale of Alaska (1867).]. *Istoriya Russkoy Ameriki (1732 – 1867)* [A History of Russian America (1732 – 1867).]. Moscow, 1999, vol. 3, pp. 425–487.

10. Bolkhovitinov N.N. Prodazha Alyaski (1867) [The Sale of Alaska (1867).]. *Istoriya Russkoy Ameriki (1732 – 1867)* [A History of Russian America (1732 – 1867).]. Moscow, 1999, vol. 3, p. 455.

11. Bolkhovitinov N.N. Prodazha Alyaski (1867) [The Sale of Alaska (1867).]. *Istoriya Russkoy Ameriki (1732 – 1867)* [A History of Russian America (1732 – 1867).]. Moscow, 1999, vol. 3, p. 480.

(Monographs)

12. Andrews C.L. The Story of Alaska. Caldwell (IN), 1943, p. 122.

13. Bancroft H. History of Alaska, 1730 – 1885. San-Francisco, 1886, 812 p.

14. Barker D. Was the Alaska Purchase a Good Deal? University of Iowa Press, 2009, p. 22.

15. Bolkhovitinov N.N. Stanovlenie russko-amerikanskikh otnosheniy: 1775 – 1815 [The Establishment of Russian-American Relations, 1775 – 1815.]. Moscow, 1966, 639 p.

16. Bolkhovitinov N.N. Russko-amerikanskije otnosheniya: 1815 – 1832 [Russian-American Relations, 1815 – 1832.]. Moscow, 1975, 626 p.

17. Bolkhovitinov N.N. Rossiya i vojna SShA za nezavisimost: 1775 – 1783 [Russia and the U.S. War of Independence, 1775 – 1783.]. Moscow, 1976, 272 p.

18. Bolkhovitinov N.N. SShA: Problemy istorii i sovremennaya istoriografiya [USA: Problems of History and Contemporary Historiography.]. Moscow, 1980, 405 p.

19. Bolkhovitinov N.N. Russko-amerikanskije otnosheniya i prodazha Alyaski: 1834 – 1867 [Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834 – 1867.]. Moscow, 1990, 367 p.

20. Bolkhovitinov N.N. Rossiya otkryvaet Ameriku: 1732 – 1799 [Russia Discovers America, 1732 – 1799.]. Moscow, 1991, 303 p.

21. Bushkov A.A. Russkaya Amerika: Slava i pozor [Russian America: Glory and Shame.]. St. Petersburg, 2006, 576 p.

22. Okun S.B. Rossiysko-amerikanskaya kompaniya [The Russian-American Company.]. Moscow; Leningrad, 1939, p. 235.

23. Okun S.B. Rossiysko-amerikanskaya kompaniya [The Russian-American Company.]. Moscow; Leningrad, 1939, p. 235.

Author, Abstract, Key words

Alexander Yu. Petrov – Doctor of History, Principal Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) alaska13@yandex.com

The article discusses the problems caused by the cession of the Russian Empire's territories known as Russian America which was effected by the Russian government in 1867. These issues are still debatable in the scientific community arousing an acute interest among the general public as well. The article demonstrates the integrity of research and interdisciplinary approach. The author refers to archival documents and publications that depict the circumstances under which the Russian government was taking the decision to cede Alaska to the USA. A special attention is paid to new documents featuring the attitude of Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov to the cession of Alaska to the USA. Emperor Alexander II's views concerning the cession of Alaska and the opinions of the US government about the acquisition of new territories are also analyzed. Finally, the author discloses the document discovered by him which details how the money obtained from the cession of Alaska was spent. It is concluded that after the cession of Russia's overseas colonies to the USA the Russian America's period was over bringing about a period of preserving its historical and cultural heritage. Alaska's cession has not resulted in the disappearance of the Russian heritage exposed to immigration from the continental USA. In reality, it has been kept intact until now despite a long period of no interaction with Russia.

Russian America, Alaska, California, colonization, Russian-American relations, Grand Duke Konstantin Nikolaevich Romanov, Alexander II, A.M. Gorchakov, Russian Navy, sale of Alaska, Alaska purchase, historical and cultural heritage, Orthodoxy, Russian Orthodox Church.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ

Anti-Bolshevik Russia

А.В. Антошин

РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В США В УСЛОВИЯХ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

A. Antoshin

The Russian Conservative Emigration in the USA under the Conditions Created by the Korean War

Вспыхнувший в начале 1950-х гг. военный конфликт на Корейском полуострове стал одним из наиболее ярких эпизодов и символов Холодной войны. Ввод в Корею миротворческих сил ООН, участие в боевых действиях китайских «добровольцев», поддержка Советским Союзом партизан Ким Ир Сена – все эти события привели к тому, что в западной прессе тех лет стали писать о начале в Корею новой мировой войны.

Эти процессы привлекли особое внимание и русской эмиграции. Именно на годы войны в Корею приходится резкий всплеск политической активности русских эмигрантов в США. Как и в условиях Второй мировой войны, Русское зарубежье становится фактором, который стремились использовать в своих интересах участники глобального конфликта.

Между тем, вопрос о политической деятельности русских консерваторов в США в условиях Корейской войны пока не получил достаточного освещения как в российской, так и в зарубежной историографии. К этой теме фрагментарно уже обращались отдельные отечественные исследователи, прежде всего М.В. Назаров и П.Н. Базанов¹. Особо следует отметить работы Е.Г. Пивоварова, посвященные личному архиву Б.Л. Бразоля – одного из наиболее крупных деятелей русской консервативной эмиграции в США². Тем не менее, некоторые аспекты данной темы нуждаются в дальнейшем изучении.

* * *

К концу 1940-х гг. русская эмиграция переживала непростое время. Остался в прошлом расцвет Русского зарубежья 1920-х – 1930-х

гг. Вторая мировая война нанесла сильный удар по структурам Русского зарубежья в европейских странах и привела к постепенному перемещению политического центра русской эмиграции за океан. Начало Холодной войны сделало США главной силой формирующегося Западного блока, противостоящего Советскому Союзу. Это вызвало к жизни в США множество разнообразных эмигрантских политических организаций. Многие из них становились инструментами в руках американских государственных и неправительственных структур, предоставлявших русским политикам разнообразную помощь.

Во второй половине 1940-х гг. наиболее заметную деятельность развивали в США русские эмигранты-либералы, издававшие нью-йоркский «Новый журнал»³, а также старые меньшевики, группировавшиеся вокруг Заграничной делегации РСДРП и редакции «Социалистического вестника»⁴. Именно они в конце 1940-х гг. провозгласили создание в Нью-Йорке Лиги борьбы за народную свободу, которая сразу же установила связи с американскими средствами массовой информации и другими структурами. Именно либеральные и левые круги эмигрантской общественности пытались выступать от имени русской диаспоры в США, что вызывало недовольство консервативных политиков.

Рупором последних была нью-йоркская газета «Россия», которую многие годы редактировал бывший полковник белой армии Н.П. Рыбаков. На ее страницах русские консерваторы пытались доказывать общность отстаиваемых ими идей с христианскими ценностями, на которых базируется Американская цивилизация⁵. Однако по своему влиянию «Россия» существенно уступала главному конкуренту – «Новому русскому слову», в котором сотрудничали ведущие либеральные публицисты русского Нью-Йорка⁶. На западном побережье США ведущим антикоммунистическим печатным изданием была газета «Русская жизнь», связанная с Русским центром в Сан-Франциско и также тяготеющая к консервативной идеологии⁷.

Эта борьба за умы русских американцев происходила на фоне эскалации напряженности в мире, символами которой становились знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне (1946 г.), «доктрина Трумэна» и «план Маршалла» (1947 г.), Берлинский кризис 1948–1949 гг. Все это осложняло морально-психологическую атмосферу в американском обществе, порождая слухи о приближении Третьей мировой войны. Именно в такой ситуации в 1950 г. и начинается Корейская война, сразу же обострившая обстановку в мире до предела.

Начало войны в Корее не могло не вызвать огромный интерес американской общественности. Об этом красноречиво свидетельствуют как американские газеты и журналы тех лет, так и архивные документы. В качестве примера можно привести материалы личного архива известного американского журналиста Чарльза Корддри, хранящиеся в Американском университете (Вашингтон, США).

Сразу после начала конфликта журнал «Флайинг» предложил ему в качестве пилота истребителя освещать конфликт в Корее. В начале 1950-х гг. американцы с глубоким волнением слушали репортажи Ч. Корддри с театра военных действий. Приезжавший домой военный корреспондент был желанным гостем на мероприятиях, которые проводились в разных городах в дни Корейской войны⁸.

В архиве Ч. Корддри можно встретить и письма русских эмигрантов. И это не случайно, поскольку, как свидетельствуют источники, среди тех, кто внимательно следил за новостями из Кореи, были и русские американцы. На старых эмигрантов «первой волны», прошедших через испытания двух мировых войн, революции и Гражданской войны, находившихся зачастую в очень преклонном возрасте, особое влияние оказывали многочисленные статьи в эмигрантской прессе под броскими заголовками типа «Если завтра война...». В декабре 1950 г. глава Союза ревнителей памяти императора Николая II в США Ф. де Постельс в одном из личных писем указывал на «надвигающуюся, возможно, с дальних горизонтов политическую грозу». Рисуя атмосферу, в которой приходилось жить русским в США в те дни, он отмечал, что отовсюду доносились стенания: «Что же дальше, какие ужасы творятся на земле...»⁹.

Значительная часть таких, как Ф. де Постельс, старых русских эмигрантов в США, были убежденными приверженцами консервативных ценностей. Пережитые ими испытания укрепляли веру этих людей в то, что только на основе христианских морально-нравственных норм может базироваться стабильность политической системы. Ключевым фактором обеспечения национальной безопасности, была, по мнению русских консерваторов, сильная государственная власть.

Родиной для русских консерваторов-эмигрантов продолжала оставаться Россия. Однако долгие годы жизни за океаном привели к тому, что некоторые из них смогли интегрироваться в американское общество. Политическая система США, конечно, далеко не во всем соответствовала их взглядам. Однако, учитывая роль США в Холодной войне и характерный для этих людей непримиримый антибольшевизм, отнюдь не случайно было их стремление к взаимодействию с американскими политическими кругами.

Наиболее активные попытки наладить связи с последними предпринимал Б.Л. Бразоль – уроженец Полтавы, выпускник С.-Петербургского университета, бывший гвардейский офицер. Революция 1917 г. застала его за океаном в качестве представителя межсоюзнической комиссии, занимавшейся закупками вооружений для русской армии. После взятия власти большевиками Б.Л. Бразоль остался в США навсегда. Основатель и многолетний руководитель Пушкинского общества в Америке¹⁰, блестящий знаток и популяризатор русской культуры, он пользовался большим авторитетом среди русской консервативной эмиграции. Не случайно именно он в

дни Корейской войны развернул наиболее активную деятельность, пытаясь выступать от имени всех русских американцев. Он неизменно подчеркивал общность тех традиционалистских ценностей, которые исповедовали русская монархическая эмиграция и консервативные круги американской общественности. В октябре 1950 г. Б.Л. Бразоль стал одним из инициаторов подписания меморандума к американскому народу от Русского антикоммунистического центра (РАЦ). Подготовка этого документа и появление его в печати относились к числу ключевых событий политической жизни Русского зарубежья начала 1950-х гг.

Как свидетельствуют документы личного архива Б.Л. Бразоля, хранящиеся в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США, очевидно, идея выступить с таким меморандумом возникла у него после получения в июне 1950 г. письма от другого старого эмигранта, П.С. Пороховщикова. Последний, так же придерживавшийся консервативных взглядов, предлагал русской эмиграции отреагировать на выступление одного из американских генералов, содержащее «руссофобские» высказывания. Б.Л. Бразоль, однако, в ответном письме отметил, что считает более полезным составить меморандум от имени различных русских организаций и разослать его в американские газеты, а также представителям политической и экономической элит США. По его мнению, такая акция была бы гораздо более эффективна, ибо она позволила бы Русскому зарубежью в США громко заявить о себе и своей позиции¹¹.

В основе меморандума лежал один из основных тезисов русской консервативной эмиграции – о недопустимости смешения понятий «Россия» и «коммунизм». Русские консерваторы стремились противодействовать антироссийской пропаганде, которую, по их мнению, вели некоторые американские СМИ. Именно поэтому в период Корейской войны Б.Л. Бразоль и его соратники (в частности, профессора Л.И. Страховский и В.К. Манакин) не раз публиковали открытые письма с протестом против искажения русской истории на страницах американских газет и журналов¹².

Как полагали русские консерваторы, здесь следовало говорить не о единичных фактах, а об определенной тенденции, которая могла иметь роковые последствия для США и их союзников. Не случайно известный монархист Н.Н. Чухнов даже направил открытое письмо президенту США Г. Трумэну, в котором предостерегал американцев от повторения ошибки А. Гитлера, решившего, что «завоевал Россию и может зачеркнуть ее великое прошлое»¹³. Русские консерваторы выступали против того, чтобы проводить параллели между императорской Россией и сталинским Советским Союзом, доказывая, что такие поиски исторических корней советского тоталитаризма являются надуманными.

Однако согласование текста меморандума 1950 г. оказалось чрезвычайно трудным делом. Б.Л. Бразоль планировал, что доку-

мент будет подписан прежде всего теми крупнейшими учеными из числа русских американцев, имена которых были широко известны в США. Однако, соглашаясь с указанными выше ключевыми положениями меморандума, эти люди были против некоторых других тезисов, сформулированных Б.Л. Бразолем и его соратниками. Так, известный специалист в области механики профессор Стэнфордского университета С.П. Тимошенко, соглашаясь с высказанной в документе критикой в адрес Запада, полагал, что из политических соображений ее лучше было исключить. Кроме того, подчеркивая свою национальную гордость, авторы меморандума уделяли большое внимание изложению исторических достижений России и русского народа. По мнению С.П. Тимошенко, в этой части документа было «много спорного и похожего на нынешние большевистские заявления»¹⁴.

Выдающемуся авиаконструктору И.И. Сикорскому, очевидно, не хотелось, чтобы его имя звучало в прессе в связи с заявлениями политического характера. Поэтому он, не вступая в полемику по поводу конкретных пунктов документа, заявил о намерении воздержаться от его подписания, поскольку меморандум, по его словам, содержал ссылки на книги, с текстами которых он лично не был знаком. При этом И.И. Сикорский выразил солидарность с основной идеей, лежавшей в основе этого проекта русских консерваторов, заметив: «Я осознаю серьезность и опасность ситуации. Мало что сделало бы Сталина столь счастливым, как если Америка превратит войну против коммунизма в войну против русского народа и его исторической государственности»¹⁵.

Некоторым русским американцам показались неуместными стилистика меморандума, публицистический тон, выбранный Б.Л. Бразолем. По этим причинам, например, отказался от подписания меморандума давний друг Б.Л. Бразоля – С. Шереметев. Так же, как и И.И. Сикорский, он не стал вступать в полемику по отдельным пунктам данного документа, лишь заметив в письме Б.Л. Бразолю: «Я всей душой за твою идею, но подход, взятый в порядке памфлета, по-моему, не верен»¹⁶.

Примерно такова же оказалась аргументация и известного литературоведа профессора Л.И. Страховского. Даже он, старый соратник Б.Л. Бразоля, не смог положительно отреагировать на просьбу подписаться под текстом меморандума. При этом, как и другие видные русские американцы, Л.И. Страховский был согласен с принципиальными положениями документа. Но и его «коробил» стиль Б.Л. Бразоля, который, по мнению профессора, снижал «тон серьезности документа на уровень пропагандных листовок большевиков». По этому поводу Л.И. Страховский выразился определенно: «Они нас называли “белобандитами”, но мы не можем себе позволить снисходить на их уровень, не унижая себя»¹⁷.

В результате Б.Л. Бразолю пришлось провести большую работу

над текстом меморандума, согласовывая его с русскими эмигрантскими организациями США. В конечном итоге меморандум был одобрен руководством РАЦ во главе с князем С.С. Белосельским-Белозерским, однако проблемы на этом не закончились. РАЦ, по заданию которого и был составлен этот документ, отказался выделить средства на печатание и рассылку меморандума, поэтому Б.Л. Бразоль пришлось обращаться к русской эмиграции с просьбой «жертвовать с миру по нитке» на эти нужды¹⁸. Фактически, очевидно, рассылкой данного документа занимался непосредственно его автор.

Осенью 1950 г. меморандум был разослан различным учреждениям и частным лицам США. Его получили Библиотека Конгресса США, Чикагская публичная библиотека, а также многие американские журналисты и общественные деятели, известные своими правыми, антикоммунистическими воззрениями. Как свидетельствуют материалы архива Б.Л. Бразоля, некоторые из американцев вступили в переписку с русским монархистом. Они позитивно откликнулись на идеи, высказанные в составленном им документе. Впрочем, одновременно американские журналисты и общественные деятели в завуалированной форме выражали и такие мысли, которые, очевидно, заставляли русского консерватора глубоко задуматься.

Так, юрист из Ньюарка С. Янг в ответном письме заметил, что одобряет тезисы Б.Л. Бразоля: «Действительно, жаль, что в этой стране есть люди, которые не имеют ясного представления об истории и культуре русского народа. Однако, я убежден, что огромная масса американцев не испытывает антагонизма к русскому народу в целом. Они – лишь против нынешних лидеров России и их опасной политики». При этом, впрочем, американский корреспондент Б.Л. Бразоля задавался вопросом: «Как передать русскому народу чувства мира и любви к свободе, свойственные нациям всего мира?»¹⁹.

Б.Л. Бразоль и его соратникам хотелось создать впечатление, что проблемы ценностных различий между русским и американским консерватизмом не существовало, однако первые же попытки наладить взаимодействие выявляли ряд противоречий.

Отнюдь не только С. Янг поставил перед Б.Л. Бразолем нелегкие вопросы. Весьма неоднозначной оказалась и реакция чикагского журналиста У. Грэя на меморандум русских консерваторов. Американский общественный деятель отмечал, что ему приятно было узнать, что в США так много русских выступают против коммунизма. Однако он тут же фактически опроверг один из главных тезисов русского консерватора, заметив, что за 25 лет чтения американской антикоммунистической литературы ему не встречалось изданий, где бы русский народ обвинялся в поддержке коммунизма²⁰.

В итоге американские журналисты и политики решительно отвергали обвинение в русофобии, которое было одним из ключевых для русских консерваторов.

Пожалуй, наиболее активная связь возникла у Б.Л. Бразоля с пол-

ковником Дж. Уайзом. Последний даже опубликовал статью «Меч Республики» в англоязычном журнале «Россия», который выпускался русскими консерваторами в Нью-Йорке специально для американской общественности. Этот проект был связан с упомянутой выше русскоязычной газетой «Россия», редактировавшейся Н.П. Рыбаковым. Впрочем, и англоязычная «Россия» реально оставалась маргинальным изданием, которое было мало известно американской общественности. Когда Б.Л. Бразоль сообщил У. Грэю об этом проекте, то американец заметил: «Я думал, что видел или слышал обо всех изданиях по проблемам коммунизма, но я впервые слышу об этом журнале»²¹.

Некоторые из американских контактов Б.Л. Бразоля оказались особенно полезными. Полковник Дж. Уайз связал лидера русских консерваторов с руководством Национального комитета Республиканской партии США, в частности с его секретарем Г. Габриэльсоном. В марте 1951 г. Г. Габриэльсон получил от Б.Л. Бразоля 50 экземпляров одного из номеров «России» для распространения среди представителей политической и экономической элиты США. Один из руководителей республиканцев в письме Б.Л. Бразоль назвал диалог его партии с русскими консерваторами «весьма своевременным»²². Учитывая, что Корейская война была в самом разгаре, подобная оценка ситуации американским антикоммунистом вполне закономерна.

В период Корейской войны русский монархист вел переписку и с некоторыми американскими конгрессменами. Среди тех политиков, с которыми Б.Л. Бразоль удалось лично установить контакты, был, например, сенатор от штата Индиана У. Дженнер. Б.Л. Бразоль одобрял жесткую антикоммунистическую позицию сенатора, критиковавшего с трибуны Конгресса линию покойного Ф. Рузвельта и ее сторонников в администрации Г. Трумэна. В ответ У. Дженнер выражал свое уважение русскому консерватору, подчеркивая, что позиция последнего «наилучшим образом отражает интересы нашей Республики»²³. Однако Б.Л. Бразоль хотелось большего – обоснования общности ценностных установок русских консерваторов и американских правых республиканцев. А вот в этом американские коллеги русского монархиста были уверены далеко не всегда.

Помимо деятелей правого крыла республиканцев, Б.Л. Бразоль в начале 1950-х гг. активно контактировал с членами различных ветеранских организаций США. С последними монархиста связывало военное прошлое, их совместное участие в Первой мировой войне (это давало русскому эмигранту право на членство в таких американских структурах). Через лидеров ветеранских организаций Б.Л. Бразоль пытался пропагандировать в американском обществе консервативные ценности, вести борьбу с либеральными и левыми взглядами. Лидеру одной из таких структур адмиралу У. Фурлонгу русский консерватор прямо писал: «Главная опасность, с которой

США столкнулись лицом к лицу – не в Корее, в Западной Германии или на Формозе. Враг – в наших рядах»²⁴. Русский монархист полагал, что необходима была интенсивная пропаганда антикоммунизма в американском обществе. Те политические силы, которые выступали против эскалации международной напряженности, рассматривались эмигрантом как советские агенты в США.

Заметим, что связи русских консерваторов с американскими политическими кругами в дни Корейской войны отнюдь не ограничивались обменом вежливыми посланиями. Как показывают источники, США стремились использовать пропагандистский потенциал организаций русских американцев в своих целях. Речь шла, в том числе, и о финансовой помощи. Так, известно, что один из лидеров РАЦ С.В. Юрьев был связан с официальными американскими учреждениями, отвечавшими за антикоммунистическую пропаганду. Последние выделяли русским эмигрантам средства, за расходование которых те потом отчитывались перед спонсорами²⁵.

Поскольку многие старые эмигранты за долгие годы жизни в США уже смогли так или иначе интегрироваться в местное общество, то их связи с американцами, конечно, носили разнообразный характер. Некоторые русские консерваторы пытались использовать это, чтобы влиять на умы своих американских друзей.

Любопытен, например, случай старой эмигрантки О.П. Епанчиной, которая преподавала русский язык в школе, готовившей офицеров для американской армии. После окончания этого учебного заведения молодые американцы не порывали связи со своей учительницей (они называли ее «тетя Оля»), писали ей письма с новых мест службы. О.П. Епанчина надеялась, что ей удастся привить своим ученикам те консервативные ценности, которые разделяла она сама. Большинство ее выпускников служило в военной разведке и ВВС США. В августе 1950 г. О.П. Епанчина с волнением писала своему давнему единомышленнику Б.Л. Бразолью: «Один за другим улетают в Корею... Сердце надрывается за всех!»²⁶.

Какова же была позиция русских консерваторов в условиях Корейской войны? Каковы были, по мнению эмигрантов, перспективы США и их союзников в этом военном конфликте?

В итоговом тексте меморандума осени 1950 г. Б.Л. Бразоль и его соратники предостерегали американцев от излишнего оптимизма относительно исхода возможного военного противостояния с Советским Союзом. Они доказывали, что реальные силы Западного блока в случае начала новой мировой войны весьма скромны: «Самая мощная наземная армия сегодня – это Красная армия. В Европе нет армии, которая могла бы сопротивляться Советской армии. Атлантический пакт, который мы всячески поддерживаем, не может быть инструментом, способным остановить советскую агрессию. Недостаточно посылать миллионы долларов армиям Европы. Нужно также, чтобы были нации, желающие бороться против дьявольско-

го коммунизма. Наш опыт прошедшей войны показал нам военную ценность Франции. Ее нынешняя политическая ситуация не оставляет нам никаких иллюзий. Западная Германия может снабдить нас наземной армией, но она пока не существует...»²⁷.

Б.Л. Бразоль и позже будет не раз высказывать данный тезис о внутренней слабости Западного блока в личных письмах представителям американской общественности. На протяжении практически всей войны бывший гвардейский офицер настойчиво заявлял, что США и их союзники имеют крайне мало шансов одержать верх над СССР на полях сражений. Несмотря на видимость международной коалиции, указывал Б.Л. Бразоль, как о серьезной силе реально можно было говорить только об армии США. В свойственном ему эмоциональном ключе он писал американскому журналисту Р. Уэссону в марте 1951 г.: «По правде говоря – кто наши союзники? Декадентская Франция? Социалистическая Англия? Югославия, где у власти коммунисты? Бессильная Италия? Демилитаризованные Германия и Япония? В Корее мы увидели, насколько зависимы наши западные союзники»²⁸.

Столь грустный анализ военного потенциала Запада необходим был русскому консерватору для того, чтобы обосновать чрезвычайно важный для него вывод: «Единственная армия, которая может победоносно войти вместе с армией США на территорию СССР, освобождая одну область за другой, это – Русская национальная освободительная армия»²⁹.

Однако вопрос о возможности формирования такой армии, о целесообразности участия эмигрантов в войне на стороне противников СССР вызвал дискуссии в Русском зарубежье. Перед глазами у деятелей военной эмиграции был недавний опыт Второй мировой войны, когда создание Русской освободительной армии (РОА) не встретило поддержки у значительной части представителей Русского зарубежья. Все это оказывало существенное влияние на обсуждение вопроса о том, каким должен быть выбор российского зарубежного офицерства в условиях Корейской войны.

В источниках можно найти информацию о том, что идею создания в годы войны в Корее некоего аналога РОА или русских формирований вермахта высказывали некоторые представители высшего офицерского состава русской императорской армии. Так, еще в сентябре 1950 г. проживавший в США бывший генерал-майор Генштаба Г. Ивицкий направил меморандум Г. Трумэну с призывом формирования «русских воинских контингентов» в составе армии США. Ход боевых действий в Корее, по мнению некоторых эмигрантов, только усиливал необходимость реализации этой идеи. Уже летом 1951 г. живший в Нью-Йорке К.П. Шевченко предлагал Б.Л. Бразолью просить у американцев деньги на создание «кадетского корпуса из ди-пи [Перемещенных лиц. – А.А.] для подготовки офицерского состава на предстоящую войну с коммунистами». При этом он под-

черкивал: «Всякий, кто пользуется гостеприимством американского народа, имеет право думать и работать для Америки в ее пользу»³⁰.

Впрочем, что касается идеи создания некоего аналога РОА, то в личной переписке бывших власовцев можно обнаружить свидетельства осознания ими самими того факта, что в конкретной ситуации начала 1950-х гг. этот проект был практически неосуществим. Было очевидно, что США вряд ли пошли бы в этом вопросе на какие-либо уступки русским антикоммунистам. Кроме того, как указывал бывший офицер власовской армии Селенс, использованию идеи РОА в новой войне мешала окончательно сделанная руководством СССР ставка на патриотические (а не на классовые) ценности. Препятствовала успеху этой акции и удаленность театра военных действий от российской территории³¹. Естественно, какой-либо пропагандистский эффект антикоммунистическая русская армия могла иметь только среди населения России.

Вопрос об участии эмигрантов в Корейской войне обсуждался русскими консерваторами отнюдь не только в США. Некоторые из деятелей русской военной эмиграции, выдвигавшие такие проекты, даже переходили от слов к делу. Советский историк А.А. Стрелко приводил факты вербовки белым генералом Н.Ф. Эрном в Парагвае добровольцев для участия в Корейской войне в составе частей Д. Макартура³². Таким образом, неудача проекта возрождения власовской армии не остановила тех русских эмигрантов, которые вновь пытались использовать военный конфликт для свержения существовавшего в СССР политического режима.

Однако, большая часть русских консерваторов в 1950–1953 гг. ограничилась поддержкой действий США в Корее на страницах эмигрантских газет и журналов. Любопытно, что среди тех русских консерваторов, кто был восхищен действиями американских военных в Корее, были даже иерархи Русской православной церкви за рубежом. Так, архимандрит Константин (в миру – К.И. Зайцев, в прошлом известный консервативный публицист, соратник П. Б. Струве), вспоминая события 1950–1953 гг. на Корейском полуострове, позднее писал: «Полным голосом говорила тут гражданская мудрость и ярко сияла военная доблесть американцев»³³.

Конечно, многие заявления о миролюбивом характере американской внешней политики, которые делались русскими эмигрантами в прессе, преследовали политические цели. В личной переписке эмигранты нередко были более откровенны, осознавая, что российская диаспора для Вашингтона – лишь инструмент для обеспечения своих национальных интересов. Последние всегда были приоритетны для США, но на определенных этапах они могли совпадать с интересами российской антикоммунистической эмиграции.

Русские консерваторы в условиях войны 1950–1953 гг. пытались оказать давление на политическую элиту США, вынуждая ее проводить в Корее как можно более жесткую линию. Кумиром для

них был генерал Д. Макартур, который стал для старых эмигрантов преемником славы Л.Г. Корнилова, П.Н. Врангеля и других старых вождей Белого движения. Русская консервативная эмиграция рассматривала Д. Макартура прежде всего как бескомпромиссного антикоммуниста, обладавшего «простой, естественной, человеческой и единственно правильной философией». Характерно, что генерал В. Замбржитский (он служил генералом для поручений при А.И. Деникине), подробно разобрав с точки зрения военного тактического искусства действия Д. Макартура в Сеульской операции (осень 1950 г.), заявил, что тот «спас честь великого американского народа в борьбе с мировым злом»³⁴. Не случайно эту положительную оценку генералу Д. Макартуру дал представитель высшего офицерского состава Белой армии.

Известны и другие положительные характеристики американского генерала, исходившие от ветеранов Белого движения. Они подчеркивали наличие у офицерского корпуса различных государств некоторых общих черт, которые позволяют им понимать друг друга. Указывая на закономерность того, что генерал Д. Макартур стал «символом национальной идеи», один из лидеров объединения русских солдат и офицеров в Аргентине – Суворовского союза – Е. Э. Месснер отмечал: «Офицеры – националисты по призванию»³⁵. Иными словами, с точки зрения некоторых русских военных эмигрантов, патриотизм, консервативные ценности имманентно присущи профессиональным военным, посвятившим жизнь защите своей Родины.

Не случайно, поэтому, то обстоятельство, что снятие Д. Макартура с поста руководителя военными операциями в Корее в 1951 г. было с возмущением воспринято русскими консерваторами. Эмигранты оценивали этот факт как очередное свидетельство нерешительности либеральной политической элиты США, ее склонности к компромиссам с Советским Союзом. Б.Л. Бразоль в связи с этим направил письма протеста в Сенат и в американские СМИ, где возмущался действиями «клики Трумэна–Ачесона»³⁶. Заметим, кстати, что трудно в полной мере согласиться с позицией известного британского историка международных отношений П. Кальвокоресси, заявлявшего: «Эффектное увольнение Макартура вызвало такой переполох, что его значение не сразу было понято. А оно состояло в том, что корейская война должна закончиться компромиссом»³⁷. На наш взгляд, анализ эмигрантской прессы убедительно показывает, что именно такой вывод сделали авторы многих изданий Российского зарубежья сразу же после получения информации об увольнении американского генерала.

Параллельно эмигрантские консервативные публицисты стремились доказать, что значительная часть населения США разделяла взгляды Д. Макартура: «Национальный герой Америки, по все видимости, не останется в одиночестве, но будет поддержан широкими

слоями американского народа»³⁸. Любопытно, что в исследованиях некоторых отечественных историков можно найти подтверждения этому тезису антикоммунистической прессы Российского зарубежья. Так, военный историк П.И. Пасхальный указывает, что, согласно опросу Института Гэллага, в 1951 г. 49 % американцев были согласны с идеей Д. Макартура применить атомное оружие в Корее³⁹.

Приветствуя решимость Д. Макартура вытеснить коммунистов с Корейского полуострова военными методами, русские консерваторы в 1950–1953 гг. не раз обращали внимание также на необходимость пропагандистского обеспечения антикоммунистических акций. Представители русской военной эмиграции, пережившие процесс разложения армии в 1917 г., прекрасно понимали, что далеко не всегда победа достигается на поле боя.

Большое внимание этой проблеме уделял, в частности, известный деятель русской морской эмиграции В.С. Макаров. В 1951 г. им был даже подготовлен специальный документ «Предложения по ведению психологической войны». Старый русский офицер подчеркивал, что внимание общественности неоправданно фокусируется на количестве подводных лодок, самолетов, атомных бомб. Однако в современной войне эти аспекты не играют уже решающей роли. Главное, отмечал В.С. Макаров, – это «искусство психологической войны, искусство деморализовать путем умелой пропаганды всю армию или даже целую страну». Русские консерваторы, полагавшие, что именно это произошло с Россией в 1917 г., предлагали американцам взять на вооружение эту практику в условиях войны в Корее.

По мнению В.С. Макарова, к началу 1950-х гг. Запад проигрывал Советскому Союзу борьбу за влияние на политическое сознание европейцев. Он полагал, что именно с этим, в частности, были связаны многие проблемы в реализации плана Маршалла. С точки зрения известного представителя русской морской эмиграции, ситуация Корейской войны требовала от США создания «агентства психологической войны», которое должно было заниматься «дискредитацией коммунизма» по всему миру. Вместе с тем, русский консерватор подчеркивал, что надо крайне осторожно подходить к выбору названия этой структуры. Он решительно выступал за исключение из наименования данного агентства термина «свобода», которое весьма активно использовалось США в пропагандистской войне тех лет. В.С. Макаров призывал учесть специфику менталитета русского народа, который отличается от менталитета и психологии населения западных демократий: «В умах американцев “Свобода” ассоциируется с идеями Американской революции, “Билля о правах” и т.д. Но это не то же самое за “железным занавесом”». Русский консерватор понимал, что советские люди воспринимают это понятие совершенно иначе, что связано, в том числе, и с особенностями российской политической культуры. В связи с этим В.С. Макаров предлагал другое название своего «агентства психологической войны» – «Объ-

единенная помощь жертвам коммунизма»⁴⁰.

Симпатии русских консерваторов были на стороне тех американских политиков, которые, будучи такими же, как Д. Макартур, бескомпромиссными антикоммунистами, обращали внимание и на пропагандистское обеспечение внешней политики США. Речь шла, в частности, о сенаторе У. Ноуланде. Последний даже получил за свою позицию по китайскому вопросу характерное прозвище «сенатор из Формозы». По замечанию американского историка Х. Брандса, несмотря на экстремистские взгляды У. Ноуланда, точка зрения последнего «отражала мнение миллионов американцев»⁴¹. У. Ноуланд пользовался известностью среди русских эмигрантов, лично контактировал с некоторыми лидерами Русского зарубежья.

И на заключительном этапе Корейской войны русские консерваторы настаивали на эскалации международной напряженности. По мнению Б.Л. Бразоля и его соратников, администрация президента Г. Трумэна продолжала «примиренческую» по отношению к Советскому Союзу линию, которую начал Ф. Рузвельт. В письме одному из конгрессменов бывший гвардейский офицер даже заявлял: «Корея – это только кровавый след на длинном пути событий, начало которым положили Тегеран, Ялта и Потсдам... Сегодня американцы отдают свои жизни за соглашения, которые я не могу назвать иначе, как сдачей нашего национального суверенитета банде международных преступников, возглавляемой из Кремля»⁴².

Иными словами, эта часть эмигрантских активистов была против каких-либо компромиссов по отношению к Советскому Союзу. Их совершенно не устраивала политика администрации США в Корее после отставки Д. Макартура. Консервативно настроенные эмигрантские публицисты полагали, что политики и дипломаты препятствовали решительной победе над коммунистическими войсками, «связывая руки» военному командованию. И вновь проводились исторические параллели с событиями Гражданской войны в России, когда, по мнению старых белых офицеров, А.И. Деникину и П.Н. Врангелю также мешали либеральные политики из «обоза» белой армии. Задолго до окончания боевых действий в 1953 г. Н.П. Рыбаков, Б.Л. Бразоль и их соратники пришли к выводу о неэффективности стратегии изматывания, «утомления противника потерями», выбранной США в Корее.

По мнению русских консерваторов, политика администрации Г. Трумэна в Корее отражала общую слабость американской политической системы. Отставка Д. Макартура стала для русских консерваторов символом того, что эта система нуждается в серьезной трансформации. В прессе они, как уже отмечалось, демонстрировали свою приверженность тем ценностям, на которых базировалось американское государство, однако в личной переписке постепенно начинали все активнее критиковать демократию Дж. Вашингтона и А. Линкольна.

Наиболее ярким примером этой тенденции стал проект, выдвинутый в 1951 г. уже упоминавшимся К.П. Шевченко. Он полагал, что в условиях войны для США актуальным становился опыт Белого движения. Война, по мнению русского консерватора, требовала централизации власти и существенного ограничения прав и свобод человека. Поэтому К.П. Шевченко предлагал внести в Конгресс США проект реформы политической системы. Ее суть состояла в «назначении диктатуры из таких людей, как Макартур, сенатор Маккарти, судья Медина»⁴³. Иными словами, речь шла о концентрации власти в США в руках группы правых политиков, известных как непримиримые антикоммунисты.

Однако, поскольку эмигрантские организации продолжали носить маргинальный характер, то, конечно, предложения такого рода так и не вышли за рамки русской диаспоры в США. Политическая система США оставалась неизменной. В результате тон ее критики со стороны русских консерваторов становился все более резким.

К концу Корейской войны все надежды Б.Л. Бразоля и его соратников были связаны с грядущими выборами президента США. Ориентировавшиеся на правое крыло республиканцев русские консерваторы рассчитывали на то, что многолетнему правлению Демократической партии придет конец. Осенью 1952 г. в письме сенатору Х. Леману Б.Л. Бразоль подверг резкой критике демократические администрации Ф. Рузвельта и Г. Трумэна, заявив об их коррумпированности. Эмоционально оценивая период 1930-х – 1940-х гг. в истории США, он вообще утверждал, что при демократах система государственного управления фактически отсутствовала⁴⁴. А в личной переписке с другими эмигрантами русский монархист мог позволить себе еще более резкие высказывания о «темных силах демократического мещанства, иудо-марксистского социализма и коммунистического сатанизма»⁴⁵, которые, по его мнению, уже захватили контроль над американским государством.

Позиция этой части русской диаспоры не изменилась и по прошествии времени, когда стали очевидны последствия мирного урегулирования в Корее по варианту 1953 г. Ретроспективно оценивая ситуацию, некоторые эмигранты склонялись к тому, что применение оружия массового уничтожения было для США и западных демократий единственно правильным выходом из той непростой ситуации. Известный деятель власовской эмиграции, проживавший в США протоиерей Димитрий Константинов писал в 1985 г. Ю.К. Мейеру: «Генерал Макартур был прав. США, обладая абсолютным военным превосходством, применив хотя бы в ограниченной дозе атомное оружие, сокрушили бы и корейцев, и китайских “добровольцев”... Не было бы разделения и Панмунчжонского позора, и главное, после такого решения проблемы не было бы войны во Вьетнаме... Корея явилась прелюдией Вьетнама... Вы скажете – жертвы. Но их было бы не больше, а меньше, чем во Вьетнамской войне»⁴⁶.

Так бескомпромиссный антикоммунизм значительной части русских эмигрантов приводил к тому, что они были готовы применить любые средства для ликвидации существовавшего в СССР политического режима.

Среди тех американцев, кто погиб на корейской земле, были и некоторые выходцы из семей русских эмигрантов. Листая фундаментальное эмигрантское издание – «Казачий словарь-справочник», – можно встретить, например, имя навсегда оставшегося в Корее В.В. Болдырева, сына казачьего полковника⁴⁷. Те же, кому удалось вернуться с Корейской войны, были с почетом встречены на новой Родине.

В марте 2011 г. автор этой статьи нашел на Арлингтонском кладбище скромную могилу № 318583. В ней похоронен, как указано на памятнике, «родившийся в России» в декабре 1897 г. офицер армии США Давид Перлов, участник Второй мировой и Корейской войны. Вернувшись с войны, он прожил еще около 20 лет и умер в январе 1971 г. Правда, Д. Перлов, очевидно, принадлежал к тем выходцам из Российской империи, кто оказался в США еще до революции 1917 г. Однако, как раз такие люди, как он, и символизировали ту часть Русской Америки, которая на практике реализовывала призывы Б.Л. Бразоля и его соратников.

* * *

Таким образом, в условиях Корейской войны лидеры русских консерваторов в США пытались сделать русскую диаспору значимым фактором глобального противостояния двух блоков. Они надеялись на то, что политическая элита США будет воспринимать их как равноправных партнеров, привлекая к участию в антисоветских акциях.

Однако действительность оказалась иной. Подобные Русскому антикоммунистическому центру эмигрантские организации так и остались маргинальными структурами.

Идеи русского консерватизма сложно взаимодействовали с либерально-демократическими принципами, лежащими в основе американской государственности.

В итоге США использовали русские эмигрантские организации прежде всего как удобный для них инструмент в Холодной войне, пока видели в нем необходимость.

Примечания

¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.). СПб., 2004.

² Pivovarov E. The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in

America in the Manuscript Division of the Library of Congress // Journal of American Ethnic History. Fall 2003. Vol. 23. No. 1. P. 85–92.

³ *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. 3. Россия в Америке. М., 2001; *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» [начало] // Отечественная история. 1999. № 5. С. 124–134; *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» [окончание] // Отечественная история. 1999. № 6. С. 112–116.

⁴ *Liebich A.* Mensheviks Wage the Cold War // Journal of contemporary history. 1995. Vol. 30. P. 247–264; *Liebich A.* From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1997.

⁵ *Рыбаков Н. П.* Америка должна спасти Россию! // Россия (Нью-Йорк). 1946. 26 янв.

⁶ *Седых А.* Далекое, близкое... М., 2003.

⁷ Archive of the Museum of Russian Culture (AMRC). F. 133. Box 3. Folder 11; *Gradova Z.* Towards a History of the *Russkaya Zhizn* // Russian Emigration in the USA. New York, 2012. P. 66–77.

⁸ American University Library. Archives and Special collections (AUL. ASC). The Charles Corddry papers. Box 15. Folder “The Charles Corddry correspondence. 1941 – 1949”.

⁹ Library of Congress. Manuscript Division (Loc. MD). The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950 – 1952”. Ph. De Postels to B. Brasol. 19.12.1950.

¹⁰ *Kurchenko V.* A.S. Pushkin Society in America // Russian Emigration in the USA. New York, 2012. P. 78–87.

¹¹ Loc. MD. The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950 – 1952”. B. Brasol to P. Porohovschikov. 21.06.1950.

¹² Ibidem. L. Strahovsky to B. Brasol. 08.03.1951; V. Manakin to B. Brasol. 16.07.1952; B. Brasol to “New York Times”. 01.12.1952.

¹³ Ibidem. Open letter by N. Chuhnov to H. Truman. 26.01.1951.

¹⁴ Ibidem. S. Timoshenko to B. Brasol. 18.08.1950.

¹⁵ Ibidem. I. Sikorsky to B. Brasol. 10.08.1950.

¹⁶ Ibidem. S. Sheremetev to B. Brasol. 15.09.1950.

¹⁷ Ibidem. L. Strahovsky to B. Brasol. 10.08.1950.

¹⁸ Ibidem. B. Brasol to Prince Beloselsky-Belozersky. 07.11.1950.

¹⁹ Ibidem. S. Joung to B. Brasol. 30.10.1950.

²⁰ Ibidem. W. Gray to B. Brasol. 18.10.1950.

²¹ Ibidem. W. Gray to B. Brasol. 01.02.1951.

²² Ibidem. G. Gabrielson to B. Brasol. 19.03.1951.

²³ Ibidem. W. Jenner to B. Brasol. 23.09.1950.

²⁴ Ibidem. B. Brasol to W. Furlong. 20.07.1950.

²⁵ Ibidem. N. Chuhnov to B. Brasol. 07.03.1951.

²⁶ Ibidem. O. Epanchina to B. Brasol. 14.08.1950.

²⁷ Ibidem. Memorandum to the American people from the Russian Anticommunist Center. October 1950.

²⁸ Там же. B. Brasol to R. Wasson. 19.03.1951.

²⁹ Там же. Memorandum to the American people from the Russian

Anticommunist Center. October 1950.

³⁰ Loc. MD. The papers of Boris Brasol. Box 10. Folder “Non English 1951”. К.П. Шевченко – Б.Л. Бразолю. 17.06.1951.

³¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 4. Д. 32. Л. 8.

³² *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980. С. 126.

³³ *Константин, архимандрт.* Близ есть, при дверех // Православная Русь (Джорданвилль). 1955. № 8. С. 10.

³⁴ *Замбржитский В.* Контрудар Макартура в Корею // Часовой (Брюссель). 1950. № 303. С. 6.

³⁵ *Месснер.* Националисты по призванию // Суворовец (Буэнос-Айрес). 1951. 26 мая

³⁶ LoC. MD. The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950 – 1952”. B. Brasol to “N.Y. Journal American”. 23.04.1951.

³⁷ *Кальвокоресси П.* Мировая политика, 1945 – 2000. М., 2003. Кн. 1. С. 139.

³⁸ За правду (Буэнос-Айрес). 1951. 21 апр.

³⁹ *Пасхальный П.И.* США: Ядерная политика и народ. М., 1992. С. 67.

⁴⁰ LoC. MD. The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950 – 1952”. V. Makaroff. Suggestions on psychological warfare. 19.02.1951.

⁴¹ *Brands H.W.* Cold Warriors: Eisenhower’s Generation and American Foreign Policy. New York, Columbia University Press, 1988. P. 176.

⁴² LoC. MD. The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950 – 1952”. B. Brasol to F. Coudert. 05.09.1950.

⁴³ LoC. MD. The papers of Boris Brasol. Box 10. Folder “Non-English. 1951”. К.П. Шевченко to B. Brasol. 17.06. 1951.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ LoC. MD. The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950 – 1952”. B. Brasol to E. Golenischeva-Kutuzova. 17.10.1952.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 10037. Оп. 1. Д. 92. Л. 1.

⁴⁷ Казачий словарь-справочник. Т. 1. Кливленд, 1966. С. 83.

Автор, аннотация, ключевые слова

Антошин Алексей Валерьевич – докт. ист. наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург)
alex_antoshin@mail.ru

В статье впервые в отечественной историографии рассматривается позиция русской консервативной эмиграции в США в условиях Корейской войны 1950–1953 гг. Цель статьи состоит в анализе идейно-политических установок и тактики русских эмигрантов-консерваторов на одном из клю-

чевых этапов Холодной войны. Статья базируется преимущественно на документах, хранящихся в архивах США. Эти архивные документы ранее не использовались в российской исследовательской литературе. Особое внимание в статье уделяется деятельности Б.Л. Бразоля – главы Пушкинского общества в Америке, – который являлся наиболее заметной фигурой в кругах российской консервативной эмиграции в США. Автор показывает, как Б.Л. Бразоль и его единомышленники стремились повлиять на позицию американской политической элиты, установить контакты с деятелями правого крыла Республиканской партии. Русские консерваторы пытались убедить американских политиков в недопустимости смешения понятий «Россия» и «коммунизм». Кроме того, они стремились противодействовать антироссийской пропаганде, которую вели некоторые американские СМИ. Однако реальное влияние русских консерваторов на позицию политической элиты США было незначительным. Русским консервативным эмигрантам не удалось стать самостоятельным идейно-политическим фактором в Холодной войне.

Холодная война, Корейская война 1950 – 1953 гг., русская эмиграция в США, монархическая эмиграция, военная эмиграция, консерватизм, антикоммунизм, Б.Л. Бразоль.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Birman M.A. M.M. Karpovich i “Novyy zhurnal” [nachalo] [M.M. Karpovich and “The New Review” [start.]. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no. 5, pp. 124–134.
2. Birman M.A. M.M. Karpovich i “Novyy zhurnal” [okonchanie] [M.M. Karpovich and “The New Review” [conclusion.]. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no. 6, pp. 112–116.
3. Liebich A. Mensheviks Wage the Cold War. *Journal of contemporary history*, 1995, vol. 30, pp. 247–264.
4. Pivovarov E. The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division of the Library of Congress. *Journal of American Ethnic History*, Fall 2003, vol. 23, no. 1, pp. 85–92.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Gradova Z. Towards a History of the Russkaya Zhizn. *Russian Emigration in the USA*. New York, 2012, pp. 66–77.
6. Kurchenko V. A.S. Pushkin Society in America. *Russian Emigration in the USA*. New York, 2012, pp. 78–87.

(Monographs)

7. Bazanov P.N. Izdatelskaya deyatelnost politicheskikh organizatsiy

russskoy emigratsii (1917 – 1988 gg.) [The Publishing Activity of the Political Organizations of the Russian Emigration (1917 – 1988)]. St. Petersburg, 2004, 431 p.

8. Brands H.W. Cold Warriors: Eisenhower’s Generation and American Foreign Policy. New York, Columbia University Press, 1988, p. 176.

9. Kalvokressi P. Mirovaya politika, 1945 – 2000 [World Politics since 1945.]. Moscow, 2003, vol. 1, p. 139.

10. Liebich A. From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1997, 476 p.

11. Nazarov M.V. Missiya russkoy emigratsii [The Mission of the Russian Emigration.]. Stavropol, 1992, 416 p.

12. Paskhalnyy P.I. SShA: Yadernaya politika i narod [USA: Nuclear Politics and the People.]. Moscow, 1992, p. 67.

13. Strelko A.A. Slavyanskoe naselenie v stranakh Latinskoy Ameriki [The Slavic Population in the Countries of Latin America.]. Kiev, 1980, p. 126.

Author, Abstract, Key words

Aleksey V. Antoshin – Doctor of History, Professor, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
alex_antoshin@mail.ru

The article for the first time in Russian historiography studies the position of Russian conservative immigration in the USA during the Korean war of 1950 – 1953. Its aim is to analyze the political views and tactics of Russian conservative immigrants during one of the key periods of the Cold War. The article is largely based on documents from the US archives which were not previously used in Russian research literature. A special attention is paid to B.L. Brazol, head of the Pushkin society in the US. Being the most prominent figure of the Russian conservative immigration, B.L. Brazol together with his colleagues tried to influence the views of the American political elite and establish ties with right-wing Republicans. They tried to convince the American politicians to differentiate between the notions of “Russia” and “communism”. Moreover, they strived to counteract the anti-Russian propaganda going on in the US mass media. However, the actual impact on the US elite was insignificant. The Russian conservative immigration never became an independent political and ideological factor in the Cold War.

Cold War, Korean War of 1950 – 1953, Russian emigration in the USA, monarchist emigration, military emigration, conservatism, anticommunism, B. L. Brazol.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Landmarks in Human History

В.Г. Афанасьев, И.В. Волошинова

ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ И ЕГО СТУДЕНТ ПЕТР ВРАНГЕЛЬ

V. Afanasev, I. Voloshinova

The Mining Institute and its Student Peter Wrangel

С 1928 г., после публикации в № 7-8 издающегося в Париже эмигрантского военного журнала «Часовой» послужного списка умершего в Брюсселе генерала П.Н. Врангеля, его почитателям и его врагам стало известно, что последний главнокомандующий русской армией имел высшее инженерное образование, полученное в Горном институте. В современной российской историографии, начиная с 1990-х гг., упоминания об этом факте в военно-политической и биографической литературе по истории Белого движения стали расхожими¹.

Сведения о том, как именно будущий главком получил образование горного инженера, стали известны после выхода в свет в 2010 г. (на титульном листе указан 2009 г.) относительно небольшой по объему книги «Выпускник Горного института барон Петр Врангель: Жизнь и судьба», написанной тремя преподавателями Горного университета (двое из них – авторы настоящей статьи)². Сохранившиеся документы знаменитого учебного заведения, впервые введенные в научный оборот, дали ответы на вопросы, как поступил в него, как учился и как окончил его Врангель. Основу статьи составили материалы, использованные ее авторами в этой биографической книге, которая из-за «символического» тиража сразу же после издания стала библиографической редкостью и до сих пор недоступна для широких кругов читателей, интересующихся историей Белого движения и биографией Врангеля.

* * *

Семья Врангелей, в силу деятельности, материальных возможностей и интересов барона Николая Егоровича Врангеля, отца будущего главкома, часто меняла места проживания. И с 1884 г. она обосновалась в городе Ростов-на-Дону Области войска Донского.

Летом 1896 г. Петр Врангель успешно завершил учебу в Петровском реальном училище Ростова-на-Дону. И 22 июля, за месяц с небольшим до того, как ему должно было исполниться 18 лет, он подал прошение на имя директора Санкт-Петербургского Горного института с просьбой допустить его к приемным экзаменам в это старейшее высшее техническое учебное заведение России. К прошению были приложены: метрическое свидетельство Литовской консистории № 2310, свидетельство С.-Петербургского депутатского собрания № 186, свидетельство Петровского Ростовского на Дону реального училища за № 205, аттестат того же училища № 277, свидетельство о прививке оспы, свидетельство о личности и три фотокарточки³.

Выбор высшего учебного заведения был далеко не случаен: барон Николай Врангель активно занимался предпринимательской деятельностью в области добычи нефти и золота, используя свой баронский титул для председательства и членства в правлениях акционерных обществ, и рассчитывал на то, что сын продолжит и прумножит его дело. По версии одного из биографов генерала Врангеля, юный Петр «воле отца перечить не стал», ибо «особой тяги ни к чему не испытывал», в отличие от своего младшего брата Николая, рано «заболевшего» историей искусства⁴.

Столичный Горный институт состоял в ведении Министерства государственных имуществ (с 1894 г. – Министерство земледелия и государственных имуществ), поскольку в состав этого министерства входил Горный департамент. Долгие годы он являлся не только единственным в России специализированным высшим учебным заведением по подготовке специалистов горного дела и металлургии, но был и одним из лучших учебных заведений империи. Правительство России уделяло ему особое внимание: в 1773–1917 гг. высшими органами государственной власти было принято более ста законодательных актов, устанавливающих основы деятельности института.

Кроме Петра Врангеля, в 1896 г. прошение о приеме в Горный институт подали еще 543 человека. Далеко не все из них справились с вступительными экзаменами по математике, физике, русскому и одному из иностранных языков. Так, иностранный язык не сдал один человек, математику – четверо, физику – 16. Но самые большие огорчения доставил экзамен по русскому языку: его должны были сдавать 410 человек, из которых испытание не выдержали 136. В целом на четырех вступительных экзаменах 206 человек успешно справились со всеми заданиями, но лишь 115, и в их числе Петр Врангель, были приняты.

Кто же были эти счастливицы?

11 человек являлись выпускниками других высших учебных заведений, 64 выдержали конкурсные вступительные экзамены, 33 были зачислены на основании особого распоряжения управляющего Министерством земледелия и государственных имуществ,

товарища министра А.А. Нарышкина, и семь человек – по распоряжению самого министра А.С. Ермолова⁵.

Став первокурсником, Петр Врангель 25 сентября 1896 г. написал документ, отпечатанный типографским способом: «Согласно приказанию г. Министра Государственных Имуществ я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что в бытность свою студентом Горного института не буду принимать участия ни в каких обществах, как, например, землячествах и т.п., равно как не буду вступать даже в дозволенные законом общества без разрешения на то, в каждом отдельном случае, начальства Горного института». К этому, как полагалось, он собственноручно добавил «Правила получил и обязуюсь исполнять»⁶.

* * *

Что же представлял собой Горный институт в конце XIX в., когда его студентом стал Петр Врангель?

Основанный указом Екатерины II от 21 октября 1773 г. как Горное училище⁷, он был открыт 28 июня 1774 г., спустя ровно 12 лет после ее вступления на престол. Его первыми учениками стали зачисленные на государственное содержание 19 студентов Московского университета, четыре ученика из химической лаборатории Берг-коллегии и шестеро юношей, начавших обучение за свой счет. Со временем число учащихся этого учебного заведения стало заметно расти, и на 20 декабря 1796 г. в нем обучались 139 человек, причем большинство из них полностью или частично содержались за счет государства⁸.

Высококвалифицированной подготовке специалистов горного дела во многом способствовало то, что в учебном заведении при его открытии были созданы Минеральный кабинет, положивший начало одному из лучших в мире Горных музеев, библиотека с уникальным и постоянно пополняющимся фондом, а также примерный рудник для проведения практических занятий, сразу ставший одной из достопримечательностей столицы.

В 1804 г., в связи с принятием нового Устава⁹, училище было преобразовано в Горный кадетский корпус, который просуществовал 30 лет¹⁰. За эти годы учебное заведение превратилось в крупный научный центр. В 1817 г. при нем было организовано Минералогическое общество, объединившее геологов и представителей смежных наук¹¹.

В 1825 г. при корпусе был создан Горный комитет, одной из основных задач которого было рассмотрение различных проектов по горной и соляной части, а также издание «Горного журнала», который является одним из старейших технических журналов в мире и до сих остается флагманом горной науки¹². Со временем комитет был преобразован в Горный ученый комитет и стал выполнять функции

научно-технического совета при Министерстве государственных имуществ, на которое было возложено осуществление технической политики в горной и металлургической промышленности страны.

1 января 1834 г. указом императора Николая I учебное заведение было переименовано в Институт Корпуса горных инженеров¹³. Одной из отличительных особенностей его существования и развития в «николаевскую эпоху» стала военизация почти всех сторон жизни. В те годы во главе института стояли кадровые военные, не имевшие никакого отношения к горному делу. Тем не менее, институт продолжал успешно развиваться по всем основным направлениям. К преподаванию в нем привлекались лучшие специалисты, в том числе из Академии наук и С.-Петербургского университета. В 1835 г. при нем была организована первая в России метеорологическая и магнитная обсерватория, а в 1841 г. – составлена первая подробная геологическая карта Европейской России. Издавались написанные учеными института крупные научные труды по всем основным направлениям не только горного дела, но и по химии, математике, механике и другим наукам.

Начавшиеся в 1860-х гг. преобразования во всех сферах жизни страны потребовали новых подходов и к подготовке технических специалистов.

Передовые люди того времени поняли необходимость новых подходов значительно раньше. Одним из них был герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817 – 1852), зять императора Николая I. Он являлся не только почетным членом Академии наук и президентом Академии художеств, но и главнoзаведующим Институтom Корпуса горных инженеров в 1844–1852 гг.¹⁴ Именно при нем началась работа по подготовке нового Устава института, закончившаяся в 1862 г., через 10 лет после его кончины. Однако принятие этого документа было отложено до начала осуществления реформ Александра II в области высшего образования и принятия нового университетского Устава.

Новый Устав Горного института бы принят в 1866 г. Его суть состояла в превращении учебного заведения из узко корпоративного в открытое¹⁵.

Следствием принятия этого документа стало совершенствование учебного процесса: в годы реформ он постепенно подвергался изменениям. Так, чтение курса гражданской архитектуры заменили на преподавание строительной механики и строительного искусства. Вместо политической экономии вводилось преподавание бухгалтерии. Ботаника и зоология, десятилетиями преподававшиеся в институте, были исключены, и взамен этого появился ряд новых предметов, учитывающих особенности экономического развития России того времени: галлургия, механическая технология и нефтяное производство.

В 1885 г. были утверждены новые учебные программы, согласно

которым все теоретические предметы читались на первых четырех курсах, а пятый, выпускной, курс был целиком посвящен практическим занятиям. В том же году было начато изучение электротехники, технологии металлов, обогащения полезных ископаемых и нефтяного дела.

На рубеже XIX–XX вв. по объемам добычи нефти Россия вышла в мировые лидеры. Пионерами новой отрасли экономики стали воспитанники Горного института. Так, профессор Г.Д. Романовский заложил основы развития механического бурения скважин. Профессор К.И. Богданович – поляк по национальности, выпускник 1886 г. – стал автором первого в России курса лекций по геологии нефтяных месторождений, а в 1914–1917 гг. он, в качестве председателя Геологического комитета, возглавлял геологическую службу России.

Нововведения, вызванные принятием нового Устава и веяниями времени, привели к появлению в институте дополнительных должностей профессоров и адъюнктов, улучшению материального положения преподавателей и студентов.

В год поступления Петра Врангеля в Горный институт, а именно 18 марта 1896 г., император Николай II утвердил новое Положение об институте¹⁶. Необходимость его принятия была продиктована тем, что возникло несоответствие между введенным в 1885 г. новым учебным планом и штатами профессорско-преподавательского состава и вспомогательного персонала. Устарел также порядок финансирования института, поскольку менялись условия жизни и цены на товары и услуги. Наконец, новых подходов требовало решение социальных вопросов, касающихся материального положения преподавателей и студентов, а также пенсионного обеспечения ветеранов Горного института.

Согласно Положению, которое вводилось в действие с 1 июня 1896 г., исчезло деление студентов на обучающихся по заводскому и горному разрядам, закреплялось исключение из преподавания зоологии, ботаники, политической экономии и общей статистики, вводилось изучение технологии металлов и дерева, электротехники, нефтяного дела и горно-заводского счетоводства. Допускалось чтение не обязательных для студентов лекций по тем предметам, которые не указаны в Положении, но имели отношение к тому, чем практически должны были заниматься горные инженеры. Выпускникам института, получившим высокое звание «горный инженер», предоставлялось право возведения рудничных и заводских зданий, жилых помещений, а также выполнения строительных работ на транспорте под надзором Министерства путей сообщения. Для ведения практических занятий, а также для подготовки к последующей преподавательской деятельности, были введены новые должности ассистентов и репетиторов, а для чтения лекций – расширен штат профессоров. Были увеличены пенсии преподавателям и некоторым категориям служащих, которым еще и увеличивалось денежное содержание. В

институте учреждался Хозяйственный комитет, что в значительной мере было связано с ростом расходов на приобретение и издание учебных пособий, на обновление материальной базы, на содержание самого института.

По новому Положению, студенты Горного института должны были с нового, 1896/97-го, учебного года изучать следующие дисциплины: православное богословие; дифференциальные, интегральные исчисления и аналитическую геометрию; начертательную геометрию; аналитическую механику; геодезию и сферическую тригонометрию; прикладную механику; технологию металлов и дерева; строительную механику; строительное искусство; черчение; кристаллографию и минералогию; палеонтологию; геологию; геогнозию; петрографию и учение о рудных месторождениях; физику; электротехнику; химию неорганическую и органическую; химический анализ; пробирное искусство; галургию; общую металлургию; горное искусство; маркшейдерское искусство; горное законоведение; горную статистику; горнозаводское счетоводство; оказание первой помощи при несчастных случаях. Кроме того, они должны были овладеть переводами с иностранных языков технических текстов¹⁷.

Все эти дисциплины без изменений преподавались в течение всего периода обучения Петра Врангеля в институте. Особо отметим то, что ему, как и его однокурсникам, не довелось изучать политическую экономию, которую преподавали предшествующим курсам. Возможно, это обстоятельство послужило одной из причин, по которой в 1920 г. генерал Врангель, став главнокомандующим Вооруженными силами на юге России и правителем юга России, не стремился вникать в вопросы экономической политики. Он откровенно признавал, что чувствовал себя «беспомощным» в этой области, а потому передоверил регулирование денежного обращения и торговли в Крыму и Северной Таврии бывшему статс-секретарю А.В. Кривошеину, главе его правительства, и профессору М.В. Бернацкому, начальнику Управления финансов¹⁸.

* * *

Каким же был профессорско-преподавательский состав Горного института во время учебы Петра Врангеля? Кто именно обучал его премудростям горного дела?

За годы его учебы, 1896–1901 гг., в институте сменилось три директора, которые были не только его выпускниками, но и известными учеными в различных областях горного дела.

В 1896–1899 гг. институт возглавлял крупный геолог и палеонтолог, член-корреспондент Академии наук Валериан Иванович Меллер (1840 – 1910)¹⁹. Вспоминая годы учебы в Горном институте, выдающийся советский металлург Михаил Александрович Павлов

(1863 – 1958) писал, что по курсу палеонтологии «имелось руководство, составленное самим Меллером, отпечатанное литографским способом. Выручала также богатая коллекция ископаемых. Казалось бы, подзавявшись с учебником и коллекцией, можно было легко сдать экзамен, однако дело осложнялось тем, что на лекциях Меллер всегда давал дополнительный материал – то новое, что появлялось в литературе... и требовал на экзаменах, чтобы студенты это знали»²⁰. Во время учебы Петра Врангеля Меллер покинул директорский пост, выйдя в отставку по состоянию здоровья.

С января 1900 г. директором Горного института стал крупный специалист в области металлургии и талантливый организатор Николай Александрович Иосса (1845 – 1916), представитель известной династии металлургов. Его предки, выходцы из немецкой земли Саксония, известной своей горной промышленностью, много сделали для развития металлургии на Урале. Его отец, Александр Андреевич, выпускник Горного института 1829 г., в 1863–1870 гг. был главным начальником над всеми металлургическими заводами Урала, или, как он официально именовался тогда, Главным начальником Уральского хребта.

В 1865 г., в 20-летнем возрасте, Николай Александрович окончил Горный институт с золотой медалью, после чего вначале работал на предприятиях Урала, а после был послан на стажировку в Западную Европу и, что случалось крайне редко, в США. Защитив диссертацию, он стал адъюнктом, а в 1882 г. – профессором Горного института. Весной 1900 г. его назначили также директором Горного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ, в 1907 г. он возглавил Горный совет и Горный ученый комитет, а в 1910 г. был избран первым председателем Русского металлургического общества²¹.

Николай Александрович Иосса был и талантливым преподавателем. Петру Врангелю довелось слушать его лекции по металлургическому производству, которые неизменно пользовались успехом у студентов. В своих воспоминаниях М.А. Павлов писал: «Иосса поражал нас своей изумительной памятью, ибо в его голове вмещалось огромное количество фактов и цифр о производстве чугуна, железа, стали, серебра, свинца, цинка, меди (о никеле и алюминии еще не приходилось говорить). Читая лекции, Иосса наизусть приводил все цифры о размерах печей, их производительности, расходах горючего... Если сравнить нашего Иоссу с заграничными профессорами того времени, то он принадлежал к числу хороших, знающих, начитанных лекторов. Внимательно следя за иностранной литературой, он сообщал на своих лекциях много нового...»²².

Третьим директором, при котором Петр Врангель завершил учебу в институте, был Иосиф Иванович Лагузен (1846 – 1911) – один из лучших российских специалистов в области палеонтологии. Его способности проявились еще в студенческие годы, и после оконча-

ния института в 1867 г. он был привлечен к преподавательской деятельности. Став в 1885 г. профессором, Лагузен продолжал научную работу. Именно он в 1895 г. написал и опубликовал первый в России учебник по палеонтологии, а в год поступления Петра Врангеля в институт этот учебник, ставший настольной книгой для нескольких поколений русских геологов, вышел вторым изданием. В 1899 г. Лагузен был назначен инспектором (по нынешним меркам – первым проректором), а в 1901–1903 гг. занимал пост директора Горного института²³.

В 1897–1899 гг. инспектором института состоял талантливый педагог в области горной статистики – Аполлон Михайлович Лоранский (1846 – 1913), который в те же годы заведовал Горным музеем. Он получил широкую известность, опубликовав в 1873 г., в связи со 100-летним юбилеем Горного института, книгу «Исторический очерк Горного института», которая до настоящего времени является наиболее глубоким исследованием того периода истории учебного заведения²⁴.

В начале обучения Петра Врангеля в институте в его Ученый совет входили: Петр Алексеевич Олышев, известнейший специалист по горной механике и маркшейдерскому делу; Николай Александрович Кулибин, который председательствовал в Горном ученом комитете и был внуком талантливого механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина; братья Тиме – Георгий Августович, профессор кафедры высшей математики, и Иван Августович, профессор кафедры прикладной и горной механики; – академик Павел Владимирович Еремеев, директор Минералогического общества, профессор кафедры кристаллографии и минералогии; академик Александр Петрович Карпинский, представлявший кафедру геологии, геогнозии и рудных месторождений, а также возглавлявший Геологический комитет России.

Профессорами института в 1896 г. состояли: Геннадий Данилович Романовский по кафедре горного и маркшейдерского искусства; Николай Александрович Иосса по кафедре металлургии, галургии и пробирного искусства; Иван Васильевич Мушкетов по кафедре геологии, геогнозии и рудных месторождений; Иосиф Иванович Лагузен по кафедре палеонтологии; Владимир Федорович Алексеев по кафедре химии. Эту же кафедру представлял Николай Семенович Курнаков, который являлся секретарем Ученого совета.

Должности адъюнктов занимали Георгий Глебович Лебедев (кафедра кристаллографии и минералогии), Николай Дмитриевич Коцовский (кафедра горного и маркшейдерского искусства), Иван Федорович Шредер (кафедра химии), Александр Петрович Кондратьев (кафедра прикладной механики) и Вячеслав Николаевич Липин (кафедра металлургии, галургии и пробирного искусства).

Практические и семинарские занятия вели: П.А. Кириллов, на-

стоятель институтской церкви, – православное богословие; С.П. Гладин – технология металлов и дерева; И.Д. Гопфенгаузен – горное счетоводство; В.В. Бек и Д.А. Сабанеев – технический перевод с немецкого и французского языков соответственно; генерал-лейтенант Э.А. Коверский из Академии Генерального штаба – геодезия; М.А. Шателен – физика и электротехника; А.А.Штоф, член Горного совета, – горное законоведение; В.И. Курдюмов и Ф.Е. Максименко, профессора Института инженеров путей сообщения, – строительное искусство и строительная механика; Л.Б. Бартенсон – оказание первой помощи при несчастных случаях²⁵.

Почти весь профессорско-преподавательский состав института, который вел занятия по профилирующим дисциплинам, при Петре Врангеле не претерпел существенных изменений, если не считать того, что наиболее знающие адъюнкты избирались профессорами, а на их место приходили молодые талантливые преподаватели. Так, в 1901 г., в год окончания Петром Врангелем Горного института, в числе профессоров были Н.Д. Коцовский, В.Н. Липин, И.В. Шредер, а также В.И. Бауман и Н.Н. Яковлев. Адъюнктами были избраны Н.П. Асеев и А.Н. Митинский, внесшие впоследствии заметный вклад в отечественную горную науку.

Пока нет сведений, как сам Петр Врангель оценивал личность и работу того или иного преподавателя, поэтому остается лишь воспользоваться воспоминаниями другого воспитанника Горного института – академика Александра Митрофановича Терпигорева (1873 – 1959). В числе лучших выпускников он окончил институт в 1897 г., на следующий год после поступления в него Петра Врангеля, и оставил о годах учебы интересные воспоминания.

Оценивая того или иного преподавателя, Терпигорев писал: «... Вполне понятны волнения и жгучий интерес, с каким ожидали мы, первокурсники, первых лекций, которые должен был читать по аналитической и начертательной геометрии профессор Г.А. Тиме. Лекции эти были довольно сухие, не вызывали особенного желания глубоко заняться предметом, но их достоинством были большая простота изложения и весьма серьезное содержание.

Наибольший интерес со стороны первокурсников был проявлен к лекциям по кристаллографии, которую читал профессор П.В. Еремеев, и по химии, курс которой сначала читал профессор В.Ф. Алексеев, а затем виднейший русский химик, впоследствии академик, Н.С. Курнаков.

Считалось, что кристаллография – предмет не очень занимательный, но профессор П.В. Еремеев читал его так образно, так живо, что все мы слушали его с сосредоточенным вниманием. Скоро кристаллография стала одной из самых любимых нами дисциплин. Чрезвычайно глубокими по содержанию и простыми по изложению были и лекции Н.С. Курнакова. Впервые молодой профессор начал читать курс именно на нашем первом курсе. В отличие от других

профессоров он не ставил искусственной преграды между собой и студентами. С другими преподавателями у студентов были чисто формальные отношения, а с Николаем Семеновичем установилась настоящая дружба. Помню, что нередко после лекций мы обступали его со всех сторон и засыпали вопросами. Любили мы Н.С. Курнакова и за то, что он стремился сделать свои лекции как можно более интересными, что он всегда сопровождал теоретический курс занимательными демонстрациями и опытами. К тому же Н.С. Курнаков был первым из профессоров, поставившем вопрос о более глубокой самостоятельной проработке студентами отдельных тем»²⁶.

Сам Николай Семенович Курнаков (1860 – 1941) учился в Горном институте в 1877–1882 гг., после чего, как один из лучших выпускников, был направлен на стажировку в Германию, во Фрейбергскую горную академию. В 1885 г. он успешно защитил диссертацию и стал заниматься преподавательской деятельностью – вначале адъюнктом, а затем и профессором, после защиты докторской диссертации в 1893 г. В 1913 г. он был избран действительным членом Академии наук.

Крупнейший ученый, инженер и педагог Иван Августович Тиме (1838 – 1920) также был одним из лучших выпускников Горного института (1858 г.). Более 20-ти лет он занимался практической работой на горных заводах Урала и Донбасса. Им было построено много крупных для того времени водяных турбин, вентиляторов, паровых котлов, паровых машин и других сооружений. В 1866 г. ему поручили строительство металлургического завода в Лисичанске, в Донбассе. Тиме не только выполнил все проекты, но и лично руководил работами по строительству и монтажу оборудования. В 1870 г. его пригласили в Горный институт, в котором он создал школу горно-заводской механики.

М.А. Павлов писал о нем: «...Это был человек корректный, точный, трудолюбивый. В свое время он посетил Англию, где ознакомился с заводами, машинами и после основательной практической подготовки стал читать курс заводских машин. Он первый и единственный профессор, который ввел практические упражнения в преподавание, заставлял студентов делать различные расчеты и учебные проекты (кроме выпускных). Уделяя много времени этим работам, он достигал того, что студент, пройдя курс, впоследствии мог рассчитать и спроектировать всякую заводскую машину. По учебникам, которые создавал Иван Августович, – это были сначала литографированные курсы – училось целое поколение русских горных инженеров»²⁷.

Теплые воспоминания об И.А. Тиме оставил и А.М. Терпигорев: «...Он вел занятия на уровне современной науки и техники того времени. Следует отметить его своеобразный подход к студентам во время экзаменов. Единственный из профессоров, он допускал на экзамене пользование собственными конспектами, так как требовал не механического зазубривания законов механики, а понимания

сущности явлений и законов»²⁸.

Александр Петрович Карпинский (1847 – 1936), преподававший в Горном институте в годы учебы Петра Врангеля, являлся одним из наиболее выдающихся организаторов горного дела в России, ученым с мировым именем. Представитель известной горной династии, давшей стране много горных инженеров, он окончил Горный институт в 1866 г. и после двух лет практической работы на Урале был приглашен в родной институт для преподавания геологии и геогнозии, а затем прошел в нем путь от адъюнкта до академика. А.М. Терпигорев вспоминал о нем: «...На всю жизнь запомнились нам и очень интересные лекции по исторической геологии одного из крупнейших русских ученых, будущего первого выборного президента Академии наук А.П. Карпинского. В то время он был единственным академиком в Горном институте. Его лекции привлекали внимание студентов не только потому, что он был выдающимся ученым и его замечательная работа “Очерк физико-географических условий Европейской России в минувшие геологические периоды” была нам уже известна. Весь обаятельный облик А.П. Карпинского, его простота и мягкость в обращении со студентами выгодно отличали его от других профессоров»²⁹.

За год до поступления в Горный институт Петра Врангеля, в 1895 г., профессором института стал Иван Васильевич Мушкетов (1850 – 1902), 19 лет проработавший лишь в должности адъюнкта. А.П. Карпинский по случаю его кончины в 1902 г. писал: «И.В. Мушкетов был вполне выдающимся, блестящим, неутомимым профессором. Способности его в этом отношении были, можно сказать, изумительными. То, что вырабатывается более или менее долгой практикой, далось ему сразу»³⁰.

Таким образом, профессорско-преподавательский состав и само преподавание всех дисциплин в Горном институте благодаря приглашению лучших специалистов в области горного дела России, находились на самом высоком уровне.

* * *

Естественно, студентов, помимо учебы, волновали материальные вопросы повседневной студенческой жизни: питание и проживание в столице, внесение платы за обучение, выплата стипендий и прочее.

Представление о студенческой жизни Горного института дает «Горный журнал», регулярно публиковавший сведения о социальном составе студентов, их материальном положении и поддержке, которую им оказывали как институт, так и благотворительные организации.

В 1896 г., в год поступления Петра Врангеля, сословный состав студентов был следующим: из 409 человек – детей дворян было 96,

офицеров – 129, священнослужителей – 19, почетных граждан – 23, мещан – 77, купцов – 28, крестьян и солдат – 31, иностранных подданных – 6. 133 человека имели возраст от 17 до 20 лет, 231 – от 21 до 25 лет, 39 – от 26 до 30 лет и 6 – старше 30-ти лет³¹. Аналогичный состав студентов сохранялся и в последующие несколько лет. Можно предположить, что более половины студентов, и в их числе Петр Врангель, не были всерьез обеспокоены своим материальным положением, тогда как для другой половины материальные вопросы стояли остро.

Уставом 1866 г. было определено только число стипендиатов института, которых первоначально предполагалось иметь 30 человек. Это количество государственных стипендий оставалось неизменным и во время учебы Петра Врангеля. Постепенно к ним стали добавляться другие стипендии, либо установленные по тому или иному случаю, либо носившие благотворительный характер и выплачивавшиеся за счет частных пожертвований.

Пять стипендий, установленных 12 ноября 1868 г., по одной для каждого курса, предназначались для студентов из Кавказских губерний; шесть, учрежденных в 1872 г., – для студентов из губерний Царства Польского, причем три из них – для выпускного курса. Две Александровских стипендии были учреждены в память о спасении Александра II при покушении 4 апреля 1866 г., из них одна – для бедных сынов из семей горных инженеров или служащих горнозаводских предприятий, причем обе предназначались для студентов 2-го курса. Из десяти Екатерининских стипендий, учрежденных по высочайшему повелению 23 ноября 1873 г. в память об основательнице института Екатерине II, семь предназначались для студентов 3-го курса.

Из благотворительных стипендий три были установлены по случаю празднования 100-летнего юбилея института 21 октября 1873 г. на пожертвования владелицы Верх-Исетских заводов графини Стенбок-Фермор, Павла Петровича Демидова и князя Сан-Донато. Помимо них, назначались Юбилейная стипендия Горного института, а также именные стипендии, учрежденные известными деятелями горного дела, чья жизнь была связана с Горным институтом: стипендия, учрежденная 9 декабря 1874 г. в честь 50-летия служебной деятельности члена Государственного совета, бывшего начальника штаба Корпуса горных инженеров генерала К.В. Чевкина, именные стипендии Н.В. Воронцова, И.П. Иванова, П.М. Обухова, Г.Д. Романовского, Д.П. Саломирского, горного инженера генерала В.Н. Семенникова, И.К. Ширшева. Кроме того, пять стипендий были установлены для студентов, которые содержались за счет ведомств и учреждений, не имевших никакого отношения к горному делу (Вологодской земской управы, Императорского Гатчинского Николаевского сиротского училища и других).

Всего в годы обучения в Горном институте Петра Врангеля была

установлена 71 стипендия.

По сведениям на 1 января 1898 г., лишь один первокурсник из 122-х студентов, включая 109 вновь поступивших, получал стипендию. Из 120-ти студентов 2-го курса ее получали восемь человек, из 98-ми третьекурсников – 14, из 84-х четверокурсников – 21, из 57-ми студентов пятого, последнего, курса – 22. Данные на 1 января 1901 г., когда Петр Врангель учился на последнем курсе, показывают несколько иную картину: точно такое же число стипендий распределялось уже не на 481-го, а на 564 студента, но более равномерно по курсам: 4, 17, 16, 15 и 19. При назначении стипендий предпочтение отдавалось студентам старших курсов, что было вполне логично, учитывая как приобретенные уже ими навыки, так и рост потребностей по мере взросления. Утверждая распределение стипендий, Совет института строго следил за учебной стипендиатами и посещением ими лекций и практических занятий, а также принимал во внимание результаты ежемесячной аттестации (оценки успеваемости студентов). Неуспевающие или неаккуратно посещающие лекции подвергались взысканиям: им объявлялись выговоры, у них временно удерживалась стипендия или они совсем ее лишались³².

Помимо выплаты стипендий, в институте была широко распространена практика получения студентами различных пособий.

Сумма, предназначенная на их выплату, образовывалась ежемесячно из платежей своекоштных студентов (тех, кто обучался и содержал себя целиком за собственный счет) и денег, собранных со студентов-вольнослушателей (тех, кто за плату получил право посещать лекции в высшем учебном заведении, однако без предоставления обычных студенческих прав и льгот). Размер этих пособий не был строго установлен, но при их назначении принималось во внимание материальное положение семьи студента, подтвержденное документами, и курс обучения. Пособия, как и стипендии, первокурсники получали очень редко. На старших курсах, на которых студенты несли большие расходы при прохождении производственных практик, пособий выдавалось значительно больше и по количеству, и по суммам.

Так, в 1896 г. было выдано 438 пособий на общую сумму 17 268 руб. 86 коп., в 1898 г. – 453 пособия на сумму 14 082 руб. 18 коп., в 1900 г. – 508 пособий на сумму 14 410 руб. и в 1901 г. 546 пособий на сумму 17 159 руб. Всего за эти четыре года было выдано 1 945 пособий на общую сумму 62 920 руб., то есть в среднем на одно пособие приходилось 323 руб., что было выше среднего размера стипендии³³.

За два последних года обучения Петра Врангеля в Горном институте, то есть за 1900 и за 1901 гг., на выдачу стипендий и оказание помощи беднейшим студентам, обучающихся на выпускном курсе, было выдано 91 пособие на общую сумму 4 575 руб., на материаль-

ную поддержку при проведении практических занятий – 156 пособий на сумму 8 452 руб., вольнослушателям в качестве компенсации внесенной платы за посещение лекций – 286 пособий на сумму 9 245 руб., на покрытие расходов по болезни или по семейным обстоятельствам – 421 (наибольшее число пособий) на сумму 9 288 руб.³⁴

Нет сведений, получал ли Петр Врангель стипендии или пособия, но можно с уверенностью предполагать, что если это и было, то носило разовый характер по причине обеспеченности его родителей.

А.М. Терпигорев вспоминает еще об одном источнике облегчения материального положения студентов: «...Существенным подспорьем для студентов служила и институтская [Нелегальная. – В.А., И.В.] касса взаимопомощи. Ее фонд составлялся в основном из доходов, получаемых от ежегодно устраиваемых концертов-вечеров в здании тогдашнего Дворянского собрания. Обычно устройство такого вечера, организацию киосков по продаже шампанского и т.д. брало на себя богатое студенчество, очень гордившееся своей “благотворительной” деятельностью. Демократическая часть студентов организовывала на этих вечерах буфеты, большая часть выручки с которых передавалась в кассу взаимопомощи и в нелегальный фонд помощи политическим заключенным. Вследствие того, что эти невинные с виду вечера преследовали, таким образом, определенную революционную цель, в специальную буфетную комиссию выбирались только наиболее проверенные товарищи»³⁵.

По всей вероятности, Петр Врангель, всегда крайне щепетильно относившийся к вопросам чести и защите своей репутации, если и участвовал в таких концертах-вечерах – то исключительно как «благотворитель».

* * *

На годы учебы в институте Петра Врангеля и Александра Терпигорева пришелся подъем общественной активности студентов. Прежде она носила эпизодический характер, но роль студентов Горного института всегда была заметной. Георгий Валентинович Плеханов – студент Горного института, получавший Екатерининскую стипендию, – в 1876 г. стал одним из организаторов первой в России политической демонстрации у Казанского собора, что закончилось для него исключением из института.

На ситуацию в институте оказали влияние события 1 марта 1881 г., когда в результате террористического акта народовольцев был смертельно ранен император Александр II. Первую бомбу в него бросил студент Горного института Николай Рысаков.

2 ноября 1881 г. министр государственных имуществ М.Н. Островский, брат драматурга А.Н. Островского, утвердил новые правила для студентов Горного института, все 39 параграфов

которых были направлены на ужесточение требований внутреннего распорядка и организации учебного процесса. На основании § 7 студентам не разрешались организация сходок, подача адресов, присылка депутатий, составление от их имени каких бы то ни было объявлений и т.п.³⁶

Начиная с 1897 г., после некоторого затишья, общественная активность петербургских студентов получила новый толчок. В декабре 1896 г. была арестована и заключена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости активная участница народовольческого движения, слушательница Высших женских (Бестужевских) курсов Мария Ветрова. В знак протеста против жестокостей тюремного обращения она облилась керосином из осветительной лампы и подожгла себя. После полученных ожогов она умерла в страшных мучениях 12 февраля 1897 г. В ответ на ее трагическую гибель в С.-Петербурге большим тиражом были выпущены две листовки, отпечатанные гектографическим способом, которые призывали студенческую молодежь города собраться 4 марта у Казанского собора на панихиду по курсистке. На студенческих собраниях, состоявшихся в столичных высших учебных заведениях, в том числе и в Горном институте, было решено принять участие в панихиде. После окончания панихиды при выходе из собора около 6 тыс. демонстрантов были окружены полицией. Большинству удалось скрыться, но несколько сотен студентов, в том числе и Горного института, были задержаны. Их лишили стипендий и денежных пособий, некоторых выслали из С.-Петербурга³⁷.

Росту политического сознания и общественной активности студентов Горного института способствовала и нелегальная студенческая библиотека, которой руководил Алексей Борисьяк, будущий академик. В нее были записаны 205 человек из 409-ти, то есть примерно половина студентов института. Они были объединены специально написанным уставом и ежемесячно отдавали из своего весьма скромного бюджета (18–20 руб. в месяц) 50 коп. в фонд библиотеки. В ней насчитывалось 555 томов, сгруппированных по отделам. Отделом истории и социологии, насчитывавшим около 100 книг, заведовал Александр Терпигорев. Эти книги читали не только студенты Горного института – они широко использовались пропагандистами в рабочих кружках С.-Петербурга, тем более что институт располагался недалеко от крупных промышленных предприятий³⁸.

8 февраля 1898 г., в очередную годовщину основания С.-Петербургского университета, после традиционного торжественного собрания с участием профессоров и студентов, после столь же традиционных банкетов и вечеринок на факультетах, около 700 студентов прорвали полицейский кордон у Дворцового моста и двинулись по Невскому проспекту с пением «Дубинушки». Полиция разогнала демонстрантов.

На следующий год, стремясь не допустить подобного «самовольства», министр внутренних дел И.Л. Горемыкин отдал С.-Петербургскому градоначальнику генералу Н.В. Клейгельсу распоряжение о принятии соответствующих мер, а ректор университета профессор В.В. Сергеевич 1 февраля 1899 г. пригрозил студентам в случае повторения прошлогодних беспорядков применить к ним суровые меры, вплоть до тюремного заключения и отчисления из учебного заведения. Однако 8 февраля значительная часть студентов университета после торжественного акта вновь направилась к центру города с пением «Марсельезы» и других революционных песен. И эта демонстрация была грубо разогнана полицией, некоторых студентов арестовали. 9 и 10 февраля на сходках студентов университета большинством голосов было решено бойкотировать занятия, объявив студенческую забастовку. Она началась 11 февраля, а уже на следующий день движение солидарности студентов охватило 17 высших учебных заведений столицы.

Не остались в стороне и студенты Горного института. Здесь, как и в других высших учебных заведениях, был выбран организационный комитет. Для более широкого охвата тех, кто хотел выразить свою солидарность со студентами университета, в институте была образована студенческая «Группа инициаторов» из представителей различных политических течений – от социал-демократа А. Порошина до анархиста С. Романова, – в которую вошел и студент Николай Трушков, будущий профессор Горного института. Представители консервативной части студентов выступили за прекращение стачки, но это предложение не получило большинства голосов. Только арест «Группы инициаторов» и закрытие института на короткое время позволило властям «умиротворить» студентов-горняков.

В 1901 г. страсти вновь накалились. Поводом послужили трагические события в Императорском университете Святого Владимира в Киеве, где в ноябре состоялись две студенческие сходки, участники которых были недовольны качеством преподавания. Четверо студентов, организаторов этих акций, решением правления университета были приговорены к заключению в карцер. Двое отказавшихся подчиниться были исключены из университета и высланы из города. В знак протеста 7 декабря 1900 г. студенты вновь собрались на сходку и пригрозили с января бойкотировать занятия. Киевские губернские и городские власти для подавления волнений использовали войска. Университет был окружен, все 406 участников сходки были переписаны полицией. Применив «временные правила» от 29 июля 1899 г. об отдаче студентов в солдаты, «особое совещание» вынесенным судебным приговором «призвало» 183 студента на военную службу на срок от одного до трех лет, а 217 человек подверглись различным наказаниям в административном порядке³⁹.

Жестокость властей не только вызвала протесты передовой интеллигенции, но и привела ко второй всероссийской забастовке студентов. Участвовали в ней и студенты Горного института. 25 января 1901 г. на сходке 227-ю голосами против 12-ти было решено «выразить в какой-либо форме протест против мероприятий правительства по поводу последних беспорядков в Киевском университете»⁴⁰. На следующий день прошла вторая сходка с участием около 400 человек, которая должна была решить вопрос о форме протеста. Мнения разделились. За подачу петиции с требованием освобождения от наиболее жестоких наказаний в виде карцера и призыва на военную службу высказались 143 студента, но 231 человек решили поддержать предложение о забастовке. Когда же был поставлен вопрос об участии в забастовке, «за» проголосовало 185, а 198 – «против»⁴¹.

Поименного учета участников сходок не велось, поэтому неизвестно, принимал ли в них участие пятикурсник Петр Врангель или нет.

19 февраля во время беспорядков на Невском проспекте были задержаны шесть студентов-горняков, 24 февраля на улицах города были задержаны еще 34 человека, из которых 19 оказались в Васильевской полицейской части, а 15 – в Суворовской. Совет института делал все, чтобы не накалять страсти. На своих заседаниях 26 и 28 февраля он принял решение о продолжении занятий и призвал к этому студентов⁴². Однако эти предложения не нашли отклика среди радикально настроенной части студентов.

4 марта на Невском проспекте состоялась демонстрация, участники которой выдвинули лозунги «Долой самодержавие!» и «Долой палачей!». Демонстранты были разогнаны полицией, а за участие в беспорядках на Казанской площади были задержаны 39 студентов Горного института: семь – 1-го курса, десять – 2-го, семь – 3-го, двенадцать – 4-го, три – 5-го⁴³.

21 марта Департамент полиции Министерства внутренних дел сообщил директору института Н.А. Иоссе, что за участие в беспорядках 4 марта в административном порядке высылаются из столицы 31 студент, которые «хотя и не замечены ни в чем предосудительном во время пребывания в институте». Среди них были два пятикурсника и одиннадцать четверокурсников, с которыми Петр Врангель, несомненно, был знаком. К наиболее активным студентам были приняты еще более жестокие административные меры. Восемь студентам было запрещено жить в С.-Петербурге в течение года. Двум студентам 4-го курса – С. Малявкину и Д. Фросту, активным членам социал-демократической организации, – было запрещено в течение двух лет жить в университетских городах, Риге и Ярославле; над ними был установлен надзор полиции. Распоряжением министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова от 10 марта 1901 г. лекции в институте были прекращены. Студенты, которые желали получить отпуск по 8 апреля, могли это сделать. Было объ-

явлено, что переходные и выпускные экзамены начнутся 9 апреля⁴⁴.

Так весной 1901 г. в занятиях наступил непредвиденный перерыв сроком более месяца, во время которого студенты были предоставлены самим себе.

Мало приходится сомневаться в том, что Петр Врангель старался держаться подальше от какой-либо общественной деятельности и, тем более, каких-либо студенческих выступлений. И дело не только в том, что он хорошо помнил о данной им после поступления на 1-й курс «подписке о неучастии». Намереваясь по окончании института посвятить себя отнюдь не работе горным инженером и не научному поприщу, а, используя связи отца, начать карьеру в каком-то гражданском ведомстве (а начал он службу именно в ведомстве Министерства внутренних дел), он не мог вести себя иначе: в противном случае о чиновничьей карьере можно было забыть. Сохранение своей «благонадежной» репутации, использование отсрочки от прохождения военной службы ради получения престижного высшего образования и получение высоких оценок, исходя из карьерных соображений, – именно это владело его помыслами, диктовало линию поведения в стенах института.

Так, 26 января 1899 г. он написал обычное для тех времен заявление на имя директора института В.И. Меллера: «Покорнейше прошу выдать свидетельство о том, что я состою студентом Горного института императрицы Екатерины II для получения мною отсрочки по образованию при отбывании воинской повинности. Студент третьего курса барон Петр Врангель». На заявлении имеются отметка канцелярии института о том, что свидетельство № 928 выдано 26 апреля 1899 г. и расписка самого студента в его получении⁴⁵.

* * *

Хорошему качеству образования в Горном институте способствовал не только один из лучших в России профессорско-преподавательский состав, но и своеобразное соревнование между студентами.

По окончании учебы и получении диплома горного инженера выпускники получали распределение не по алфавиту, а по количеству набранных баллов по всем экзаменам, которые они сдавали на всех курсах. Кроме того, к ним добавлялись оценки за выполнение курсовых проектов. Тот, кто набирал наибольшее число баллов, навсегда оставался в истории института, поскольку его фамилия еще с конца 1820-х гг. заносилась на мраморную доску. Он имел некоторые служебные привилегии после окончания учебы, что также являлось хорошим стимулом для студентов.

Среди студентов института, кого должен был хорошо знать Петр Врангель, оказалось немало тех, кто стал выдающимся специалистом. В 1899 г., когда он учился еще на 3-м курсе, окончил учебу гео-

лог-нефтяник Казимир Петрович Калицкий (1873 – 1941). С 1901 г. он работал в Геологическом комитете, а после его реорганизации – в Нефтяном научно-исследовательском геолого-разведочном институте, проводя многочисленные геологические изыскания во многих нефтеносных районах страны. Калицкий составил геологические карты, которые, как и его описания некоторых месторождений, не утратили своего значения вплоть до наших дней. На основе курса лекций, которые он читал в Горном институте в 1920–1922 гг., он составил один из первых отечественных учебников по геологии нефти.

В 1900 г. институт окончил основоположник отечественной рудничной аэрологии и аэродинамики, академик, дважды лауреат Государственной премии и Герой Социалистического Труда Александр Александрович Скочинский (1874 – 1960). После успешного окончания института, он был направлен на стажировку в Германию, в старейшую в мире Фрейбергскую горную академию, для изучения передового опыта горного дела, а затем в другие страны Западной Европы. Став преподавателем Горного института, Скочинский быстро защитил диссертацию и в 1906–1930 гг. работал в нем профессором, а в 1930–1960 гг. – в этой же должности в Московском горном институте. Основные направления научной деятельности ученого были связаны с проблемой техники безопасности на рудниках, созданием здоровых условий труда горняков. Он стал создателем рудничной аэрологии – новой научной школы, изучающей законы движения воздуха в подземных выработках. Он внес неопределимый вклад в создание горноспасательной службы страны.

Сокурсник Скочинского Генрих Оттонович Чечотт (1875 – 1928) стал пионером в области обогащения полезных ископаемых. После окончания учебы и семилетней работы в Главном горном управлении, он был зачислен адъюнктом Горного института и направлен на стажировку во Фрейбергскую горную академию. В 1914 г. он занимался на обогатительном отделении Технологического института в Бостоне (США), где это направление получило наибольшее развитие. После возвращения в Россию и успешной защиты диссертации, Чечотт в должности профессора начал читать лекции по механической обработке полезных ископаемых. В 1916 г., уже обретя широкую известность, он организовал первую в России лабораторию по изучению проблем обогащения полезных ископаемых. После Гражданской войны созданное по его предложению проектное бюро было реорганизовано в Институт механической обработки полезных ископаемых, которым он руководил в 1920–1922 гг. В 1922 г. Чечотт эмигрировал на родину своих предков, в Польшу, где преподавал в Краковской горной академии.

Годом раньше Петра Врангеля окончил Горный институт Петр Иоакимович Пальчинский (1875 – 1929). Долгие годы его имя было предано забвению: сторонник идей анархизма в молодости, а затем социал-демократ и противник большевиков, в 1928 г. он был аре-

стован, проходил в качестве одного из главных обвиняемых по «Шахтинскому делу», был приговорен к высшей мере. В романе Александра Солженицина «Красное колесо» Пальчинский выведен под фамилией Ободовского, о котором писатель отозвался как о «сильной, нестерпимо гордой фигуре». Эти качества проявились у него с юношеских лет: не пройдя по конкурсу в Горный институт первый раз, он принялся усиленно готовиться и стал студентом в 1895 г. Уже в годы учебы проявились его организаторские способности, благодаря которым он стал одним из создателей нелегальной студенческой кассы взаимопомощи и столовой. Кроме того, он занимался изданием курсов лекций преподавателей института.

После окончания Горного института в 1900 г. Пальчинский работал на шахтах Донбасса и в Восточной Сибири. После активного участия в революционных событиях 1905 г. он до 1913 г. жил за границей и возвратился в Россию после амнистии по случаю 300-летия династии Романовых. В годы Первой мировой войны состоял членом Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции стал членом Исполкома Петросовета, активно поддерживал Временное правительство и в октябре 1917 г. явился одним из организаторов обороны Зимнего дворца от большевиков.

После захвата власти большевиками и четырехмесячного заключения в Петропавловской крепости он был освобожден под залог и стал заниматься научной работой. В 1918 г. он возглавил Русское техническое общество, принимал участие в разработке плана ГО-ЭПРО, был постоянным консультантом Госплана. С 1920 по 1928 гг. работал профессором Горного института⁴⁶.

Заметный вклад в развитие горной отрасли страны внесли однокурсники Петра Врангеля, в первую очередь – его тезка Петр Михайлович Леонтовский (1871 – 1921). Окончив Горный институт первым в своем выпуске, он удостоился занесения своей фамилии на мраморную доску в конференц-зале института. Был оставлен при институте в качестве ассистента кафедры маркшейдерского искусства и геодезии. В 1902–1903 гг. проходил стажировку на горных предприятиях Германии, Франции и Англии.

Вскоре после возвращения из-за границы Леонтовский в 1903 г. перешел на преподавательскую работу в Екатеринославское высшее горное училище, учрежденное указом Николая II 4 июня 1899 г. и реорганизованное в 1912 г. в Екатеринославский горный институт, ставший вторым специализированным высшим учебным заведением горного профиля в России. В 1910 г. он основал и до 1917 г. редактировал журнал «Маркшейдерские известия», который пользовался большим авторитетом среди специалистов горной науки⁴⁷.

Вряд ли общение Петра Врангеля со своими однокурсниками прошло для него бесследно, и чем ближе был срок окончания института, тем глубже он вникал в те или иные стороны горного дела. Но, по воле его или помимо нее, ему не суждено было ни дня про-

работать горным инженером.

* * *

После возобновления занятий в апреле 1901 г. на основании распоряжения министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова за № 993 от 10 апреля 1901 г. был определен следующий состав экзаменационной комиссии: Н.А. Иосса – по металлургии, галлургии и пробирному искусству, Г.Д. Романовский и П.П. Деви – по горному искусству и геологии, Н.Н. Кокшаров – по минералогии и кристаллографии⁴⁸.

Петр Врангель подошел к занятиям на последнем курсе более серьезно, чем в начале учебы: набранная им сумма баллов составила 33, тогда как окончивший институт первым по списку Петр Леонтовский набрал на выпускном курсе 35 баллов (за все пять лет учебы он набрал 130,5 баллов). Об этом свидетельствует уникальный архивный документ, впервые опубликованный в 2010 г.⁴⁹ В этом документе не только перечислены все предметы, изученные Петром Врангелем в институте и курсовые работы по ним, но и указаны все экзаменационные оценки за время обучения и средний балл по каждому предмету. Однако наверстать упущенное на младших курсах Петру Врангелю не удалось, и в списке 66-ти выпускников 1901 г. он оказался на 25-м месте.

Из всех полученных им «троек», «четверок» и «пятерок» некоторые обращают на себя особое внимание. Например, «пятерка» по «Курсу Железных дорог». Пройдет почти два десятка лет, и генерал Врангель, как главнокомандующий и правитель юга России, будет осуществлять общее руководство железнодорожным транспортом Крыма и Северной Таврии, которые занимала его армия с апреля по ноябрь 1920 г. Железные дороги, по его решению, были переданы в исключительное ведение Управления начальника военных сообщений, то есть находились в полном распоряжении штаба главкома, по сути – самого главкома. И несмотря на полное отсутствие угля, катастрофическую нехватку дров и шпал, горюче-смазочных материалов и исправных паровозов, во врангелевской Таврии шло строительство стратегически важных железнодорожных путей и более или менее своевременно осуществлялись необходимые воинские перевозки⁵⁰.

В № 11 «Горного журнала» за 1923 г. перечислены все выпускники Горного института: под № 1908 стоит имя Петра Врангеля, барона, окончившего вуз по 1-му разряду⁵¹.

Последним документом, который относится к учебе Врангеля в Горном институте, является отпуск свидетельства за № 1767, выданного ему в том, что «он, Врангель, ныне окончил курс означенного института с правом на звание горного инженера и на чин коллежского секретаря при поступлении на государственную службу» за

подписью директора института И.И. Лагузена. На этом документе имеется расписка самого Петра Врангеля о том, что 30 июня 1901 г. полагающееся ему свидетельство он получил⁵².

* * *

Что же дали Петру Врангелю пять лет учебы в первом высшем техническом учебном заведении России?

Несомненно, дали хорошую профессиональную подготовку технического специалиста широкого профиля, а также воспитали в нем добросовестность и серьезное отношение к делу. Наконец, они сформировали такие черты его характера, как основательность, продуманность и расчетливость предпринимаемых действий, способность сосредотачиваться на решении первостепенных задач, а также твердость и решительность в достижении поставленных целей.

Все это, несомненно, помогло ему в Гражданскую войну при принятии управленческих решений как в военной, так и в гражданской областях.

Примечания

¹ Карпенко С.В. Почему не был создан «остров Крым»? // Перспективы. 1992. № 1. С. 63; Цветков В.Ж. Петр Николаевич Врангель // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 54; Венков А.В. Врангель // Белые генералы. Ростов-н/Д, 1998. С. 266.

² Афанасьев В.Г., Севастьянов Ф.Л., Волошинова И.В. Выпускник Горного института барон Петр Врангель: Жизнь и судьба. СПб., 2009. С. 39–58.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 963. Оп. 1. Д. 10685. Л. 7.

⁴ Карпенко С.В. Последний главком. М., 2006. С. 23.

⁵ Горный журнал. 1897. № 5. С. 1–37.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 94. Оп. 1. Д. 10685. Л. 8.

⁷ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. XIX. № 14048.

⁸ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–4об.

⁹ ПСЗРИ-1. Т. XXVIII. № 21133.

¹⁰ Там же. № 21122.

¹¹ ПСЗРИ-1. Т. XXXIV. № 26920.

¹² Горный журнал. 1825. № 1. С. 31.

¹³ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. IX. № 7298, 7299.

¹⁴ Афанасьев В.Г., Кравцов А.Т., Л.Г. Ложкина, Никиташина С.О., Одинабекова Л.М., Полярная Ж.А., Русакова Т.А., Свирина Е.С., Селедкина С.Н., Соколов А.Р., Ткачева И.Д., Файнштейн Л.А., Шалыгин Л.М. История создания и развития Санкт-Петербургского государственного

Горного института. СПб., 1998. С. 88–91.

¹⁵ ПСЗРИ-2. Т. XLI. № 43397.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е (ПСЗРИ-3). Т. XVI. № 12662.

¹⁷ Горный журнал. 1897. № 5. С. 1–37.

¹⁸ Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 334, 335, 346; Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1920 – 1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. I. М., 2013. С. 178–181.

¹⁹ Афанасьев В.Г., Кравцов А.Т., Л.Г. Ложкина, Никиташина С.О., Одинабекова Л.М., Полярная Ж.А., Русакова Т.А., Свирина Е.С., Селед-кина С.Н., Соколов А.Р., Ткачева И.Д., Файнштейн Л.А., Шалыгин Л.М. История создания и развития Санкт-Петербургского государственного Горного института. СПб., 1998. С. 108, 109.

²⁰ Павлов М.А. Воспоминания металлурга. М., 1984. С. 58, 59.

²¹ Афанасьев В.Г., Кравцов А.Т., Л.Г. Ложкина, Никиташина С.О., Одинабекова Л.М., Полярная Ж.А., Русакова Т.А., Свирина Е.С., Селед-кина С.Н., Соколов А.Р., Ткачева И.Д., Файнштейн Л.А., Шалыгин Л.М. История создания и развития Санкт-Петербургского государственного Горного института. СПб., 1998. С. 110–112.

²² Павлов М.А. Указ. соч. С. 60, 61.

²³ Афанасьев В.Г., Кравцов А.Т., Л.Г. Ложкина, Никиташина С.О., Одинабекова Л.М., Полярная Ж.А., Русакова Т.А., Свирина Е.С., Селед-кина С.Н., Соколов А.Р., Ткачева И.Д., Файнштейн Л.А., Шалыгин Л.М. История создания и развития Санкт-Петербургского государственного Горного института. СПб., 1998. С. 113, 114.

²⁴ Лоранский А.М. Исторический очерк Горного института. СПб., 1873.

²⁵ Павлов М.А. Указ. соч. С. 71–73.

²⁶ Терпигорев А.М. Воспоминания горного инженера. М., 1956. С. 31, 32.

²⁷ Павлов М.А. Указ. соч. С. 56.

²⁸ Терпигорев А.М. Указ. соч. С. 36.

²⁹ Там же.

³⁰ Карпинский А.П. Памяти И.В. Мушкетова: некролог // Горный жур-нал. 1902. № 2. С. 103.

³¹ Горный журнал. 1897. № 5. С. 1–37.

³² Афанасьев В.Г., Позина Л.Т., Севастьянов Ф.Л., Волошинова И.В., Плюхина Т.В. Очерки истории Горного института (1773 – 1917). СПб., 2010. С. 82, 83.

³³ Горный журнал. 1897. № 5. С. 1–37.

³⁴ Горный журнал. 1901. № 6. С. 1–36; Горный журнал. 1902. № 5. С. 1–39.

³⁵ Терпигорев А.М. Указ. соч. С. 32, 33.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4949. Л. 17–25.

³⁷ Терпигорев А.М. Указ. соч. С. 33, 98, 99.

³⁸ Там же.

³⁹ Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России 1899 – 1907 гг. М., 1971. С. 43–45, 232.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 2. Д. 24. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 1.

⁴² Там же. Л. 2–4.

⁴³ Там же. Л. 5.

⁴⁴ Там же. Л. 6–8.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10685. Л. 5.

⁴⁶ Гараевская И.А. Петр Пальчинский: Биография инженера на фоне войн и революций. М., 1996. С. 53, 81–88, 107.

⁴⁷ Терпигорев А.М. Указ. соч. С. 89, 90.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5686. Л. 3.

⁴⁹ Афанасьев В.Г., Севастьянов Ф.Л., Волошинова И.В.. Выпускник Горного института барон Петр Врангель: Жизнь и судьба. СПб., 2009. С. 198.

⁵⁰ Карпенко С.В. Расстройство железнодорожного транспорта и топливный кризис во врангелевской Таврии: причины и взаимодействие (апрель – ноябрь 1920 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». 2014. № 19. С. 41–52.

⁵¹ Горный журнал. 1923. № 11. С. 759.

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 2. Д. 24. Л. 11.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Афанасьев Владимир Георгиевич – докт. ист. наук, профессор Санкт-Петербургского горного университета
vga.prof@mail.ru

Волошинова Ирина Валерьевна – канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургского горного университета
viv10@yandex.ru

В статье рассматривается история Горного института на рубеже XIX–XX вв., когда в числе его студентов состоял молодой барон Петр Врангель, спустя два десятка лет ставший одним из вождей Белого движения, последним главнокомандующим русской армией в России и в эмиграции. Статья написана на основе документов Горного института, которые хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и до 2010 г. не были известны биографам генерала П.Н. Врангеля. До этого времени в российской и зарубежной биографической литературе о его жизни в С.-Петербурге и о его учебе в Горном институте в 1896–1901 гг. нельзя было найти никаких достоверных сведений. В статье особое внимание уделяется истории первого технического вуза России, количественному и качественному составу преподавателей и студентов, институтским порядкам и предметам, которые изучали студенты. Авторы уверены, что годы учебы в Горном институте оказали большое влияние на формирова-

ние личности Врангеля. Они дали ему хорошую профессиональную подготовку технического специалиста широкого профиля. Они воспитали в нем добросовестность и серьезное отношение к делу. Наконец, они сформировали такие черты его характера, как основательность, продуманность и расчетливость предпринимаемых действий, способность сосредотачиваться на решении первостепенных задач, а также твердость и решительность в достижении поставленных целей. Все это, несомненно, помогло ему в Гражданскую войну при принятии управленческих решений как в военной, так и в гражданской сферах.

С.-Петербургский Горный институт, Министерство земледелия и государственных имуществ, высшее техническое образование, горное дело, горный инженер, профессура, студенчество, студенческое движение, В.И. Меллер, Н.А. Иосса, И.И. Лагузен, П.И. Пальчинский, П.М. Леонтовский, П.Н. Врангель.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Karpenko S.V. Pochemu ne byl sozdan "ostrov Krym"? [Why Was the "Island of Crimea" Not Created?]. *Perspektivy*, 1992, no. 1, p. 63.

2. Karpenko S.V. Rasstroystvo zheleznodorozhnogo transporta i toplivnyy krizis vo vranglevskoy Tavrii: prichiny i vzaimovozdeystvie (aprel – noyabr 1920 g.) [The Disruption of Railway Transport and the Fuel Crisis in General P.N. Wrangel's Tavia Province: Causes and Interaction (April – November 1920)]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoricheskie nauki. Istoriya Rossii"*, 2014, no. 19, pp. 41–52.

3. Tsvetkov V.Zh. Petr Nikolaevich Wrangel [Peter N. Wrangel.] *Voprosy istorii*, 1997, no. 7, p. 54.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Venkov A.V. Wrangel [Wrangel]. *Belye generaly* [The White Generals.]. Rostov on Don, 1998, p. 266.

(Monographs)

5. Afanasev V.G., Kravtsov A.T., L.G. Lozhkina, Nikitashina S.O., Odinebekova L.M., Polyarnaya Zh.A., Rusakova T.A., Svirina E.S., Seledkina S.N., Sokolov A.R., Tkacheva I.D., Faynshteyn L.A., Shalygin L.M. *Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Gornogo institute* [The History of the Creation and Development of the Saint-Petersburg State Mining Institute.]. St. Petersburg, 1998, pp. 88–91.

6. Afanasev V.G., Kravtsov A.T., L.G. Lozhkina, Nikitashina S.O., Odinebekova L.M., Polyarnaya Zh.A., Rusakova T.A., Svirina E.S., Seledkina S.N., Sokolov A.R., Tkacheva I.D., Faynshteyn L.A., Shalygin L.M. *Istoriya*

sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Gornogo institute [The History of the Creation and Development of the Saint-Petersburg State Mining Institute.]. St. Petersburg, 1998, pp. 108, 109.

7. Afanasev V.G., Kravtsov A.T., L.G. Lozhkina, Nikitashina S.O., Odinebekova L.M., Polyarnaya Zh.A., Rusakova T.A., Svirina E.S., Seledkina S.N., Sokolov A.R., Tkacheva I.D., Faynshteyn L.A., Shalygin L.M. *Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Gornogo institute* [The History of the Creation and Development of the Saint-Petersburg State Mining Institute.]. St. Petersburg, 1998, pp. 110–112.

8. Afanasev V.G., Kravtsov A.T., L.G. Lozhkina, Nikitashina S.O., Odinebekova L.M., Polyarnaya Zh.A., Rusakova T.A., Svirina E.S., Seledkina S.N., Sokolov A.R., Tkacheva I.D., Faynshteyn L.A., Shalygin L.M. *Istoriya sozdaniya i razvitiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Gornogo institute* [The History of the Creation and Development of the Saint-Petersburg State Mining Institute.]. St. Petersburg, 1998, pp. 113–114.

9. Afanasev V.G., Pozina L.T., Sevastyanov F.L., Voloshinova I.V., Plyukhina T.V. *Ocherki istorii Gornogo instituta (1773 – 1917)* [Essays on the History of the Mining Institute (1773 – 1917)]. St. Petersburg, 2010, pp. 82, 83.

10. Afanasev V.G., Sevastyanov F.L., Voloshinova I.V. *Vypuschnik Gornogo instituta baron Peter Wrangel: Zhizn i sudba* [Graduate of the Mining Institute Baron Petr Wrangel: His Life and Fate.]. St. Peterburg, 2009, pp. 39–58.

11. Afanasev V.G., Sevastyanov F.L., Voloshinova I.V. *Vypuschnik Gornogo instituta baron Peter Wrangel: Zhizn i sudba* [Graduate of the Mining Institute Baron Petr Wrangel: His Life and Fate.]. St. Peterburg, 2009, p. 198.

12. Garaevskaya I.A. *Petr Palchinskiy: Biografiya inzhenera na fone voyn i revolyutsiy* [Petr Palchinskiy: A Biography of the Engineer against the Background of Wars and Revolutions.]. Moscow, 1996, pp. 53, 81–88, 107.

13. Gusyatinov P.S. *Revolutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii 1899 – 1907 gg.* [The Revolutionary Student Movement in Russia, 1899 – 1907.]. Moscow, 1971, pp. 43–45, 232.

14. Karpenko S.V. *Belye generaly i krasnaya smuta* [White Generals and Red Turmoil.]. Moscow, 2009, pp. 334, 335, 346.

15. Karpenko S.V. *Posledniy glavkom* [The Last Commander-in-Chief.]. Moscow, 2006, p. 23.

16. Loranskiy A.M. *Istoricheskiy ocherk Gornogo institute* [A Historical Essay on the Mining Institute.]. St. Petersburg, 1873, 169 p.

17. Tsvetkov V.Zh. *Beloe delo v Rossii, 1920 – 1922 gg. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii)* [The White Cause in Russia, 1920 – 1922 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia.)]. Moscow, 2013, vol. 1, pp. 178–181.

Authors, Abstract, Key words

Vladimir G. Afanasev – Doctor of History, Professor, Saint-Petersburg

Mining University (St. Petersburg, Russia)
vga.prof@mail.ru

Irina V. Voloshinova – Candidate of History, Senior Lecturer, Saint-Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia)
viv10@yandex.ru

The article examines the history of the Mining Institute in Saint-Petersburg at the end of 19th and the beginning of 20th centuries when it had Baron Peter Wrangel as its student who two decades later was to become one of the leaders of the White movement and the last commander-in-chief of the Russian Army both in Russia and in immigration. The article is based on the Mining Institute's archival documents kept in the Central State Historical Archive of Saint-Petersburg. Until 2010 these documents were not familiar to P. Wrangel's biographers, with no reliable information available both in Russian and foreign biographical sources relating to his life in Saint Petersburg and his study at the Mining Institute in 1896–1901. The article focuses on the history of the Russia's first technical institute, its students' and lecturers' quantity and quality composition, its routine and practices, and the subjects the students studied. The authors argue that those were the formative years for Wrangel's personality offering him a good professional training as an engineer of general profile. Moreover, such character traits as conscientious and serious attitude to work as well as profoundness, thoughtfulness and rationality of his actions, the ability for prioritizing his tasks and goals, firmness and resoluteness in reaching his objectives – all these were formed during those years. All these skills were claimed as he took decisions on both military and civil matters during the Civil War.

Saint-Petersburg Mining Institute, Ministry of Agriculture and State Property, higher technical education, mining engineering, mining engineer, professorate, students, Student movement, V.I. Meller, N.A. Iossa, I.I. Laguzen, P.I. Palchinskiy, P.M. Leontovskiy, P.N. Wrangel.

Научное издание

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 29.06.17
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru